С. ПИОНТКОВСКИЙ

ФЕВРАЛЬСКИЕ ДНИ 1917 года

ГИНБ
П56/4

С. ПИОНТКОВСКИЙ

ФЕВРАЛЬСКИЕ ДНИ 1917 ГОДА

•ПРИБОЙ•

С. ПИОНТКОВСКИЙ

ГИЧБ
П561

ФЕВРАЛЬСКИЕ ДНИ 1917 ГОДА

ПОПУЛЯРНЫЙ ОЧЕРК

ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
ДОПОЛНЕННОЕ

БИБЛИОТЕКА
Ленинградск. Райкомвода

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРИБОЙ»
ЛЕНИНГРАД

3-й экз.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

ГИ46
П561/4 Р

БИБЛИОТЕКА
Яр-та марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС

1052147

БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
Спец. фонд

сф
47582

ТИПОГРАФИЯ
РАБОЧЕГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
„ПРИБОЙ"
имени
ЕВГ. СОКОЛОВОЙ
пр. КРАСН. КОМАНДИРОВ 29
ЛЕНИНГРАД.

1927.

902

КАБИНЕТ ИСТОРИИ
К. А.
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

256
21

Ленинградский Гублит № 35356. Тираж 5.000 — 11 л. Заказ № 654.

ВВЕДЕНИЕ.

Еще в пятом году т. Ленин, анализируя события русской революции, указывал, что перед нами, в сущности, стоят две революции: с одной стороны, революция буржуазная, в которой буржуазия будет контрреволюционна, а основной революционной силой явятся пролетариат и крестьянство (только их тесный союз, только „революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства" осуществят судьбы буржуазной революции в России), и с другой революция социалистическая, пролетарская, в которой пролетариат уже будет осуществлять свои собственные, особые цели.

Бури пятого года, охватившие огромные массы трудящихся, не только ребром поставили вопрос об уничтожении дворянско-феодальных пережитков в России, но в процессе борьбы создали орган, ставивший себе задачей уничтожение самодержавия и осуществление революционной программы широких масс пролетариата и крестьянства.

В пятом году враг был выявлен ясно и точно, в пятом году были созданы „Советы", созданы организации — не только для уничтожения врага, но и для создания организационных звеньев нового общества.

Без опыта пятого года, опыта массовой борьбы, опыта Советов, революция семнадцатого года не могла бы быть — говорил т. Ленин не раз и не два.

В одном из „Писем издалека", характеризуя первый этап первой революции, Ленин подробно останавливался на причинах и характере февральской революции. Причинами февральской революции т. Ленин выдвигал два момента: расстановку классовых сил в результате революции пятого года и эпохи реакции

и влияние войны на эту расстановку. Влияние революции 1905 года и эпохи реакции т. Ленин видел в том, что эти годы с 1905 по 1914 обнажили и вскрыли классовые противоречия. „Без 3 лет величайших классовых битв, — писал он, — и революционной энергии русского пролетариата 1905—1907 гг. была бы невозможна столь быстрая в смысле завершения ее начального этапа в несколько дней вторая революция". Эпоха революции 1905 года и эпоха контр-революции точно определили сущность буржуазии, цели и требования пролетариата. „Без революции 1905—1907 гг.,— говорил Ленин, — без контр-революции 1907—1914 гг. невозможно было бы такое точное самоопределение всех классов русского народа и народов, населяющих Россию, определение отношения этих классов друг к другу и к царской монархии, которое проявило себя в 8 дней февральско-мартовской революции 1917 г." [1].

Первая революция закончилась поражением пролетариата и крестьянства. В результате революционных битв 1905 года власть захватили в свои руки контр-революционное дворянство и часть буржуазии, создавшие, так называемый, третьеиюньский блок. Торжество этого блока превратило в 1906—1907 г. всю Россию в вооруженный лагерь. Усиленная охрана, военное положение, полевые суды, создание воинских команд за счет крупных землевладельцев в имениях, массовые высылки и казни — вот в чем проявилось господство победившего дворянства и буржуазии. Анализируя результаты 1905 года, т. Ленин указывал, что такое военное господство дворянства и буржуазии, их приемы защиты своего классового господства, расстрелы из пушек городов вскрывают лишь классовую сущность самого победившего дворянства и буржуазии. Дальше дворянству и буржуазии итти некуда. Расстреливая из пушек города и ведя военную кампанию в деревне против крестьянства, дворянство и буржуазия тем самым вскрывали свою классовую сущность и упирались в тупик. Господство дворянства и буржуазии держалось уже только на штыках, и перед ним даль-

[1] Собр. соч. Ленина, т. XIV, ч. I, стр. 5—6.

нейших перспектив развития не существовало. Попытку победившего дворянства и буржуазии путем разрушения общины привлечь на свою сторону массы мелкой буржуазии т. Ленин называл попыткой бонапартистской, в которой теряющее уже свои социальные корни правительство дворянства пыталось опереться на новые растущие слои. Но если в политике дворянского правительства после революции 1905 года в годы реакции были элементы бонапартизма, то в то же самое время под новыми формами сохранились старая классовая сущность и старое классовое господство. Дворянство сохраняло монополию на землю и упорно продолжало сохранять и поддерживать монополистическое землевладение в годы реакции. Политика самодержавия и буржуазии в годы реакции приводила лишь к тому, что, подавив военно-полевыми судами, карательными отрядами, массовыми расстрелами революционное движение пролетариата и крестьянства, дворянство и буржуазия пытались переложить все расходы по существованию и поддержке буржуазно-дворянского общества на плечи крестьян и пролетариата. Заигрывание с мелкой буржуазией при сохранении монопольного дворянского землевладения сводилось к тому, что растущие буржуазные элементы должны были путем разрушения общины и обезземеления крестьянской массы перестраховать существование крупного помещичьего землевладения и укрепить свое собственное существование. Политика заключала в себе колоссальное противоречие. Укрепление помещичьего монопольного землевладения — самым фактом своего существования (землевладения, коренящегося в значительной степени на полуобработочной системе хозяйства, хозяйства прусского типа, медленно эволюционизирующего и превращающегося из сословно-дворянского в буржуазное землевладение) препятствовало развитию производительных сил сельского хозяйства вообще и явилось фактором эксплуатации растущих производительных сил деревни. Монопольное помещичье землевладение препятствовало росту и развитию буржуазного землевладения, хотя в то же самое время оно, развиваясь, превращалось в буржуазное землевладение гораздо ме-

дленнее, чем выделившиеся из общины кучки крестьянской буржуазии. В то же самое время сословно-дворянское землевладение, удержав в своих руках монополию на землю, выступало конкурентом растущей сельской буржуазии и безудержно эксплуатировало в своих собственных интересах огромные массы крестьянства, являющиеся резервной армией как для фабрики, так и для помещичьей экономии. Помещик эксплуатировал крестьянство путем повышения арендных цен на землю, путем отработочной системы, путем понижения заработной платы сельско-хозяйственным рабочим и уменьшения и прекращения сдачи помещичьих земель в аренду в деревне. Это все приводило к тому, что в недрах дворянско-буржуазного конституционного строя росли и обострялись классовые противоречия. Монополист на землю дворянин-помещик противопоставлялся безземельному и малоземельному крестьянству, вооруженная до зубов, окруженная воинской стражей помещичья экономия являлась дворянской крепостью в море мелкой буржуазии, стоящей перед задачей уничтожения сословно-дворянского крупного землевладения. Эта задача после революции 1905 г. в эпоху реакции еще больше обострилась, и усилилась противопоставляя все крестьянство целиком, крестьянскую бедноту, крестьянский пролетариат и буржуазные слои крестьянства помещичьему монопольному землевладению. Перед всем крестьянством целиком и растущей крестьянской мелкой буржуазией стояла задача — уничтожение монопольного владения дворянства землей, а вслед за этим задача — уничтожения и разрушения государственного аппарата, который поддерживал монопольное владение дворянства на землю, обслуживал дворянскую монополию. Дворянство и буржуазия соединенными усилиями дружно, единодушно наносили удары пролетариату. Буржуазия и дворянство, объединившись на исходе революции 1905 года в единый контр-революционный блок, одинаково дружно, одинаково единодушно поддерживая друг друга и опираясь друг на друга, вели войну с пролетариатом. Буржуазия пользовалась в своей борьбе с пролетариатом аппаратом фабрики, грозя пролетариату локаутами, черными спи-

сками, массовыми расчетами, увеличением безработицы. Там, где аппарат фабрики оказывался недостаточным, против пролетариата двигался аппарат государственной власти дворянства и буржуазии, проводивший разгром пролетарских организаций, аресты революционного актива, высылки, уничтожение организационных скреп пролетарской армии. Первой задачей победившего дворянства и буржуазии был организационный разгром пролетарской армии. Партийный аппарат, революционный штаб пролетарской армии в первую очередь подвергся ударам объединенного блока дворянства и буржуазии. Силами государственного аппарата партийные работники арестовывались, партийные организации громились и уничтожались, и пролетариат организационно обезглавливался. Вслед за уничтожением партийного аппарата дворянство и буржуазия силой государственного аппарата уничтожали широкие массовые организации пролетариата, профсоюзы; открытию профсоюзов ставились всевозможные затруднения, работники профсоюзов арестовывались и высылались. Буржуазия, со своей стороны, использовывала аппарат фабрики в целях дезорганизации пролетарской армии, разрушения ее рядов. На заводах создавались черные списки. Буржуазия объявляла локауты, увольнения всех рабочих и набирала потом по своему выбору и желанию новых, таким образом производила массовую чистку пролетарской армии, вырывая из нее революционные элементы. Вслед за организационным разрушением пролетарской армии соединенными усилиями победившего черного блока — вскрывалась истинная цель—усилить дворянство и буржуазию. Нужно было не только отстоять аппарат власти в своих руках, удержать в своих руках средства господства, но и воспользоваться своим господством в целях увеличения предпринимательской прибыли, в целях усиления эксплуатации пролетариата. Все завоевания революции 1905 г. на фабрике — фабрично-заводские комитеты, участие рабочих в расценках, наем и увольнение через фабрично-заводские комитеты — в эпоху реакции отнимаются. Экономическое положение рабочих ухудшается, рабочий день увеличивается, буржуазия переходит

к сдельной оплате труда, уменьшает заработную плату, подымая в то же самое время путем сдельной оплаты количество похищенного ею у пролетариата труда, и увеличивает рабочее время пролетариата. Истинные цели буржуазии сказываются с полной ясностью. Если сопоставить рост цен на хлеб за годы реакции и движение заработной платы за это же время, то цены на хлеб в период реакции будут неуклонно расти в то самое время, как заработная плата за эти годы будет неуклонно падать. Наступление контр-революционного блока на пролетариат вскрыло сущность дворянства и буржуазии. Оно демонстрировало перед широкой пролетарской массой полное срастание между аппаратом фабрики и государственным аппаратом. Дворянско-феодальное общество являлось послушным слугой буржуазии. Срастание между государственным аппаратом и буржуазией демонстрировалось перед широкой пролетарской массой всей деятельностью победившего в революции дворянско-буржуазного союза. Победивший в революции блок дворянства и буржуазии, срастаясь и переплетаясь, стремился лишь к усилению гнета эксплуатации, к увеличению эксплуатации, к ухудшению, таким образом, положения широкой армии рабочего класса, к увеличению прибавочного времени и прибавочного продукта, попадавшего в руки дворянства и буржуазии, и к уменьшению заработной платы рабочих масс. Перед отступающей в годы реакции пролетарской армией цели дворянства и буржуазии выкристаллизовывались с полной ясностью, выкристаллизовывалась сущность победившего в революции блока дворянства и буржуазии. Отступая, свертывая свои боевые колонны, пролетариат все же не отказывался совсем от борьбы и если в 1907—1908—1909 гг. волна пролетарского движения падает, уменьшается, пролетарские колонны свертываются, и только незначительные отряды пролетарской армии продолжают еще сражаться на политическом фронте и на фронте экономической борьбы, то в то же самое время внутри пролетарской армии идет перестановка революционных элементов, начинает расти накопление революционной энергии и революционного количества, которое, видя

перед собой объединенный фронт третьеиюньского блока, ставит своей задачей полное уничтожение господства всего третьеиюньского режима. Таким образом, классовые противоречия обостряются, усиливаются, растут. Цели классовой борьбы вскрываются с полной и необыкновенной ясностью, пролетариат видит перед собой объединенного врага — дворянство и буржуазию. Этим самым борьба пролетариата носит двойной характер. Пролетариат борется сразу и с пережитками дворянско-феодального режима и с гнетом капитализма. Этим самым пролетариат борется не только за себя, но и за все те широкие слои крестьянства, которые в эти годы приходят в столкновение со всем дворянско-феодальным режимом целиком и переплетшейся с ним буржуазией, захватившей в свои руки через банки помещичье землевладение.

Революция 1905 года вскрыла классовые противоречия и показала истинное лицо буржуазии и дворянства. Годы контр-революции, 1907—1914, были годами классовой размежовки, вскрытия классовой сущности и классовых целей победившего в революции 1905 года дворянства и буржуазии. Но эти же годы были годами классового самоопределения, уяснения, уточнения целей классовой борьбы и для пролетариата и для крестьянства. Расстановка классовых сил, таким образом, была совершена, как указывал это т. Ленин, в период 1905 – 1914 гг. Революция 1905 года важна не только тем, что вскрыла расстановку классовых сил, но и тем, что продемонстрировала перед широкими массами революционного пролетариата и крестьянства методы революционной борьбы, приучила его к массовым политическим выступлениям и поставила в декабре 1905 года пролетариат перед проблемой вооруженного восстания, продемонстрировала на практике, как нужно бороться с дворянством и буржуазией, каким образом и как организовать восстание, показывая ему, что восстание — это искусство. Революция 1905 года и годы контр-революции, вскрыв классовые противоречия и классовую сущность дворянства и буржуазии, вскрыли и классовую сущность оппортунизма и меньшевизма, связав пролетариат

и крестьянство крепкими узами с руководящей революционными боями 1905 года партией большевиков. Революция 1905 года дала пролетариату организационные формы, создала широкие массовые организации, советы рабочих депутатов, явившиеся органами организации восстания и органами власти на захваченных восстанием территориях.

Другим фактором, ускорившим революцию, т. Ленин считал империалистическую войну. Могучим ускорителем являлась всемирная империалистическая война,— писал он.

Война отдалила революцию, она отдалила открытый взрыв классовой борьбы в 12—14-ом гг., но она же и приблизила революцию, придав ей небывалый размах, бросив в горнило классовой битвы огромные батальоны полупролетарских масс, бывшие до этого в резерве.

Война обострила вопрос, она, — как писал Ленин,— неумолимо прямо ставила вопрос ребром: или погибнуть, или на всех парах устремиться вперед.

Но прежде чем пролетариат и мелкая буржуазия ясно поняли вызов, они должны были пройти длинный путь. Движение началось с того пункта, где остановилось в пятом году. Прежде всего вопрос стал об уничтожении самодержавия, об установлении революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Изменение структуры капитала изменило и позицию российской буржуазии. Самодержавие, как форма власти, не удовлетворяло и ее. Вместе с тем экономика войны, бросив буржуазию в оппозицию, вырвала фундамент из-под ее ног.

БУРЖУАЗИЯ И ВОЙНА.

Европейская война, захватившая в свои объятия Россию, произвела огромные изменения в конструкции как мирового, так и русского капитализма. По словам Ленина, в период европейской войны капитализм от монополистических форм перешел к государственно-монополистической системе, что означало тесное срастание капиталистического аппарата и аппарата государственного. Ведение войны требовало от России участия высокоразвитой промышленности. По словам кадетского депутата, произнесенным на заседании Государственной думы еще в августе месяце 1915 года: „Современная война не есть только война между всеми кадрами, которые подготовлены в мирное время... в этой борьбе не только подвергаются испытанию враждебные силы, но вместе с этим и организм страны, ее живые силы, которые создают ее промышленность, ее торговлю, ее культурно-экономическую мощь внутри“ [1].

Как видно, буржуазия отлично понимала условия успеха в европейской бойне, а война в своем стремительном беге, потребляя без остатка на полях сражений огромные массы ценностей, требовала все новой и новой жизни. Производство средств истребления, снаряжения и обмундирования армии, продуктов питания должно было не только не приостанавливаться, а все больше и больше расти. Требуя от промышленности усиленного производства, война не возвращала ей ничего. Процесс воспроизводства приостанавливался и прекращался. В процессе войны промышленность, стремясь к усиленному производству для войны военного снаряжения, поглощала свой основной капи-

[1] Речь Аджемова на заседании 4-ой сессии Госуд. думы.

тал, разрушая в процессе производства машины и орудия производства. Приток новых машин в промышленности замедляется и прекращается, машины в производстве изнашиваются и уничтожаются. О том, какой характер имеет этот процесс, дает представление табличка, рисующая техническое оборудование металлургических заводов России:

	Южный район		Подмоск. район		Приволжский район		Северный район	
	Годы:							
Было на заводах:	1912	16	1912	16	1912	16	1912	16
Вагранок . . .	95	97	88	75	43	50	4	4	19	17
Конверторов . .	32	28	7	3	1	—	—	—	4	4
Мартен. печей . .	82	88	67	75	18	38	15	18	29	28

„Если число вагранок на юге с 1908 по 1912 г. возросло на 16 тысяч, то за 1912—16 гг. лишь—на 2 тысячи". (Сарабьянов. „Металлопромышленность". Стр. 43—44).

Но промышленникам, в первую очередь, бросался в глаза не этот грядущий кризис промышленности, а внешнее проявление его, говорящее о развитии и росте. В связи с войной промышленная деятельность в целом ряде отраслей оживлялась, привлекая к себе новые капиталы. Число новых предприятий росло, старые разворачивались и увеличивались. Достаточно взглянуть на несколько цифр, чтобы видеть, как, быстро приспособившись к военным требованиям, промышленность стала осыпать буржуазию золотом. В. Милютин в своей книжке „Современное экономическое развитие и диктатура пролетариата в России" дает такую таблицу роста новых предприятий и размеров вложенных в них капиталов во время войны.

Годы:	Число новых предприятий	Сумма основных капиталов в миллионах
1913 г. 1 половина	226	295
1913 „ 2 „	173	231
1914 „ 1 „	176	240
1914 „ 2 „	158	182
1915 „ 1 „	108	130
1915 „ 2 „	213	279
1916 „ 1 „	272	386

В связи с войной особенно развивались и росли те отрасли промышленности, производство которых необходимо было для самой войны. Увеличиваются и растут капиталы предприятий по обработке металла, по выработке химических продуктов, обработке минеральных веществ, горного дела. В 1915 году было вновь организовано 11 акционерных предприятий по выплавке и обработке металла, в 1916 г.—38. Размер основного капитала, вложенного в эти предприятия в 1915 году, простирался до 19 800 тысяч рублей, в 1916 г. — до 64 033 тысяч руб. В области химической промышленности в 1915 г. возникло 6 новых акционерных предприятий, в 1916—1917 годах сумма вложенных в них капиалов в 1915 году равнялась 7 738 тысячам руб., а в 1916 году—20 450 тысячам руб. Вновь основанные акционерные компании в горном деле имели в качестве основного капитала в 1915 году — 46 843 тысячи рублей, а в 1916 году — 107 663 тысячи рублей.

Соответственно росту капиталов, вложенных в промышленность, росла и предпринимательская прибыль, росли дивиденды, выдаваемые акционерам. Русский Торгово-Промышленный банк в 1915 году выдавал на акцию 20 рублей дивидендов, а в 1916 г.—30 рублей; Азовско-Донской Коммерческий банк в 1915 году выдавал 30 рублей, в 1916 г. — 50 рублей. Это уже одно тесно связывало промышленность с ведением войны и заинтересовывало в победоносном ее окончании. Помимо того, интересы, затронутые войной, те выгоды, которые сулила она в случае своего победоносного окончания как российской промышленности, так и части аграриев, были чрезвычайно велики.

В один из счастливых для буржуазии дней, когда мрачные тучи на фронте еще не скопились и она еще могла надеяться на победу, представители буржуазии в Государственной думе точно формулировали те требования и пожелания своего класса, которые они надеялись осуществить с помощью войны. Опасаясь в тот момент преждевременного мира, мира, который не принесет русскому капитализму осуществления всех его требований, буржуазный депутат Ковалевский 27 ян-

варя 1915 г. на заседании Государственной думы заявил, что сейчас будет: „Более безопасно и естественно выставить сразу на своем знамени те цели, к которым Россию неизбежно приведет война. В первую очередь приходится поставить завершение векового нашего спора с Турцией относительно Босфора и Дарданелл, а также обеспечение наших прав в Святой земле. Вся черноземная половина России, наиболее населенная, промышленная и богатая, не может жить и развиваться без нашего господства на Черном море и свободного выхода из него... Проливы — ведь это ключи и замок от нашего дома, они должны находиться в русских руках с необходимой вокруг этих проливов территорией; наступает время для полного освобождения Армении от турецкого ига. Обращая взоры на Запад, мы твердо уверены, что Червонная Русь, Русская Буковина и с ними Угорская Русь будут окончательно присоединены к России и тем завершится историческое дело великого собирания русской земли. Многострадальной Прикарпатской Руси мы шлем горячий братский привет, но рядом с этим перед нами другая серьезная задача. Более ста лет тому назад польский народ был раздавлен и разъединен силой политических событий. Пришел момент для его восстановления, которое обещано верховным главнокомандующим и должно осуществиться под скипетром русского царя... Русский народ не должен ничего потерять в этой войне, чрезвычайные жертвы его должны быть временными и вознаградиться с лихвой в буквальном непосредственном смысле и в смысле широкой возможности для развития торговли и промышленности“.

Эта речь сплошь состоит из требования аннексий и контрибуций. Требования присоединений, целая программа захватов, экономическое уничтожение противника — вот цель, которую надеялась осуществить буржуазия в войне. Небывалый размах бойни, ее колоссальные потребности, предъявляемые ею к промышленности, огромные требования, непосредственная заинтересованность в целях войны — все это заставляло буржуазию принимать энергичное участие в военных действиях. Колоссальные потребности войны выковы-

вали в тылу новые организации буржуазии, ставили перед ней вопросы о полном учете и ясном и точном распределении всех хозяйственных благ. Это подводило буржуазию вплотную к организации власти, ставило перед ней вопросы о власти. Ожидание великих выгод для российского капитализма от победоносного окончания войны заставляло российскую буржуазию тесно связывать свои интересы с интересами франко-английского капитализма.

РОССИЯ И «СОЮЗНИКИ» В МИРОВОЙ ВОЙНЕ.

Российский капитализм и его дворянско-феодальная верхушка, державшаяся на непрерывной субсидии французских и английских биржевиков, втянутая западно-европейским капитализмом в борьбу мировых капиталистических клик, тесно держалась за союз с Францией и Англией, надеясь в момент дележа общей добычи урвать из-под рук союзников куски и для себя. В бескорыстное и добровольное осуществление всех своих требований со стороны французского и английского капитализма российские промышленники не верили, хотя и беспрекословно выполняли все требования французского генерального штаба, ведя операции на фронте по его указанию. Французский посол в Петрограде, если судить по его запискам, настойчиво указывал российскому правительству на те мероприятия и операции, которые, по его мнению, необходимо было предпринять на фронте. В своих записках Палеолог сообщает такой свой разговор с Сазоновым, происшедший 26 августа 1914 года:

Я спрашиваю Сазонова:

— Скоро ли наступит этот день? Подумайте, что наши потери громадны и что немцы находятся в 250 километрах от Парижа!

— Я думаю, что великий князь Николай Николаевич намерен предпринять важную операцию, чтобы задержать возможно большее число немцев на нашем фронте.

— Без сомнения, в окрестностях Сольдау и Млавска.

— Да".

В этом кратком ответе, мне кажется, я чувствую некоторое умолчание. Поэтому я умоляю Сазонова быть более откровенным.

— Подумайте, — говорю я, — какой это серьезный момент для Франции.

— Я знаю это... И я не забываю того, чем мы обязаны Франции; этого не забывают также ни государь, ни великий князь. Следовательно, вы можете быть уверены, что мы сделаем все, что в наших силах, с целью помочь французской армии... но с точки зрения практической трудности очень велики. Генерал Жилинский, главнокомандующий северо-западным фронтом, считает, что всякое наступление в Восточной Пруссии обречено на верную неудачу, потому что наши войска еще слишком разбросаны и перевозки встречают много препятствий. Вы знаете, что местность пересечена лесами, реками и озерами. Начальник штаба, генерал Янушкевич, разделяет мнение Жилинского, сильно отговаривает от наступления. Но квартирмейстер, генерал Данилов, с неменьшей силой настаивает на том, что мы не имеем права оставлять нашу союзницу в опасности и что, несмотря на несомненный риск предприятия, мы должны немедленно атаковать. Великий князь Н. Н. издал об этом приказ... Я не удивляюсь, если операции уже начались“ [1].

Эти ценные услуги, стоившие жизни сотням тысяч рабочих и крестьян, приносились буржуазией своим англо-французским союзникам в целях победоносного окончания войны.

Россия привязывала к своему фронту 49% всех военных сил Германии и Австрии. Это представляло огромное облегчение французам и англичанам. По словам французского генерала Люи Ривьера план Германии покончить с Францией в самом начале войны „был разрушен непосредственной операцией наших союзников, т.-е. русских“. Немецкие генералы и Людендорф и Фалькенгайн в своих воспоминаниях, посвященных Германии в период мировой войны, указы-

[1] Мор. Палеолог.—„Царская Россия во время мировой войны“, стр. 120—121.

вают, что наступление русских армий отодвинуло исход войны на неопределенное время. Россия в период мировой войны не только спасала Францию и Англию, но и Италию. Австрийское наступление в Тироле летом 1916 года было сорвано разгромом австро-венгерской армии в Галиции. День за днем русский фронт оттягивал немцев и австрийцев с франко-англо-итальянского фронта и приковывал к себе. Это затягивало войну, это — облегчало союзникам подготовиться и перейти в наступление. Сотнями тысяч своих солдат, подчас безоружными, Россия удерживала союзнический фронт. Союзники всеми силами старались упрочить участие России в мировой войне и ограничить аппетиты российского капитализма.

Для ведения мировой войны участие России было необходимо, но цели и задачи, преследуемые Россией и союзниками, вносили раскол в их отношения. И Россия и Англия одинаково стремились к овладению Константинополем и проливами. Это было яблоком раздора, которое не только сеяло рознь между союзниками и приводило к тому, что в то время, как союзники поддерживали друг друга на австро-германском фронте, они вели глухую войну между собою, объектом являлся Константинополь. Руководители российского министерства иностранных дел отлично понимали, что на пути к проливам, как говорила одна из секретных записок, „Россия имела два главных препятствия: противодействие Германии и Великобритании“. С точки зрения русских интересов, укрепление всякой иной державы на берегах Босфора, кроме России, было нежелательно. Франция и Англия менее всего желали перехода проливов в руки России. В одной из депеш греческий консул доносил своему правительству: „Желание Англии и Франции заключается в том, чтобы Россия не стала всемогущей на Востоке и, если Франция и Англия возьмут Константинополь, то их идея заключается в том, чтобы сделать город интернациональным. Несомненно, что для нас это было бы в тысячу раз лучше, чем видеть его окончательно в руках России“ [1].

---

[1] „Константинополь и проливы“, т. 2, стр. 7. Февральские дни.

10521147
БИБЛИОТЕКА
Ин-та марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС
КАБИНЕТ ИСТОРИИ
К. А.
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Борьба за Константинополь приводила к тому, что союзники должны были организовать операции, целью которых являлся скорейший захват Константинополя, а Россия занималась тем, что всеми силами препятствовала организации таких операций, надеясь собственными силами получить в свои руки основной приз войны. В июне 1915 г. министр иностранных дел Сазонов телеграммой в штаб верховного главнокомандующего указывал: „я считал недопустимым занятие союзниками Константинополя без участия в этой операции русских войск“ [1].

Желая во что бы то ни стало завладеть Константинополем самостоятельно, русское правительство было решительно против участия в захвате Константинополя греческих войск. На одной из телеграмм, относящейся к концу февраля 1915 года и посвященной вопросу об участии греков в операциях против Дарданелл, Николай II откровенно сделал такое замечание: „временное невмешательство Греции для России выгодно“ [2]. С этой точки зрения российское правительство довольно холодно отнеслось и к вопросу об участии Болгарии в мировой войне, поскольку считало, что болгары народ ненадежный, непослушный и злопамятный и могут в конечном итоге явиться орудием в руках англичан. Россия и Англия боролись между собой за Константинополь и ориентировались внутри Турции на разные группировки. Россия пыталась организовать переворот внутри Турции с помощью Джемаля и встретила энергичное противодействие в Париже и Лондоне. Франция готова была организовать в Турции независимое арабское государство и поделить с англичанами Переднюю Азию, оставив Россию без Константинополя. Настроение вражды между „доблестными союзниками“, главным образом между Россией и Англией, было таково, что руководящие круги дворянско-феодального аппарата считали, что по окончании войны России с Германией возможна новая война уже между Россией и Англией. В одном из своих писем Александра

---

[1] „Константинополь и проливы“, т. 2, стр. 181.
[2] „Константинополь и проливы“, т. 2, стр. 196.

Федоровна писала Николаю II, повторяя в точности то, что слышала от Распутина и стоявшей за ней банковской клики: „По мнению нашего друга для нас хорошо, что Китченер погиб, т. к. позже он мог бы причинить вред России и что нет вреда в том, что вместе с ним погибли и его бумаги. Видишь ли, его всегда страшила Англия, какова она будет по окончании войны, когда начнутся мирные переговоры“ [1].

Это сложное сплетение интересов вокруг Константинополя и внутренняя вражда, которая разделяла доблестных союзников, питали среди русского империализма надежду на то, что, бросив в горнило войны сотни тысяч жизней рабочих и крестьян, российской буржуазии все же удастся удовлетворить свои аппетиты и поставить союзников перед фактом своих аннексий. Оттягивая союзнические операции против Дарданелл, препятствуя организации сил для захвата Босфора и Дарданелл, российская буржуазия готовила силы, с помощью которых она надеялась захватить в свои руки основной приз войны и поставить союзников перед фактом. Путем ряда дипломатических давлений и переговоров самодержавие добилось от Франции и Англии согласия на получение Константинополя. Реализацию этого согласия самодержавие брало на себя и к началу 1917 года готовило десантную операцию против Константинополя не без задней мысли, что сорганизовавшиеся союзники могут в случае чего пойти на попятную, и основной приз войны уплывет из рук российской буржуазии. Во всеподданнейшей записке, составленной по иронии истории 21 февраля 1917 года, министр иностранных дел писал: „Мы не можем упускать из вида, что понятие полной победы, о которой много раз союзные правительства заявляли, на практике представляется не всем союзникам одинаково. Очевидно, с практической точки зрения, каждое союзное правительство будет считать победу полной постольку, поскольку оно достигнет осуществления своих приказаний. Поэтому, если по ходу военных событий окажется, что военные успехи французов

[1] Переписка Николая II и Александры Романовых, т. IV, стр. 289.

и англичан на Западном фронте дадут удовлетворительные по их понятиям результаты, то очень мало надежд рассчитывать на то, чтобы они продолжали войну для завоевания в пользу России Константинополя и проливов, вследствие чего мы должны сами принять меры к тому, чтобы обеспечить себе благоприятное решение интересующих нас вопросов". Российский капитализм не доверял своим союзникам и готовился захватить собственными силами основной приз войны. Этот раздор в лагере союзников пыталась использовать в своих интересах Германия. На-ряду с теми кровавыми ударами, которые наносил германский капитализм своей военной машиной на русском фронте, германский капитализм пытался оторвать Россию от ее союзников, сделав ей ряд уступок в основном, более всего интересующем ее вопросе о Константинополе. В начале 1915 года по постановлению германских властей фрейлина двора российской императрицы Васильчикова обратилась с рядом писем к Николаю II. Она написала три письма: 25 февраля, 17 марта и 24 мая 1915 г., в которых предлагает вступить в мирные переговоры с Германией. Письма эти были написаны с ведома руководителей германской внешней политики, и в них излагались конкретные предложения, на основе которых мог бы быть заключен мир между Россией и Германией. Перед написанием третьего письма Васильчикова беседовала с министром иностранных дел Германии — Яговым. Попытки завязать мирные переговоры не ограничивались Васильчиковой. В июле 1915 года директор „Дейтше Банк" приезжал в Стокгольм и высказывал желание добиться сепаратного мира с Россией. Желание директора „Дейтше Банка" было передано российскому послу в Стокгольме Неклюдову. Германия предлагала сделать проливы русско-турецко-германскими, исправить границу в царстве Польском и Галиции и гарантировала России заем в случае мира от 5 до 10 миллиардов марок. В начале декабря 1915 года Васильчикова была переправлена через германский фронт в Россию и снова выступила со своей миссией о сепаратном мире. Летом 1916 года происходили переговоры между германским

финансистом Варбургом и будущим министром внутренних дел Протопоповым. В октябре 1916 года опять-таки со стороны Германии была сделана попытка приступить к мирным переговорам. Наконец, в январе 1917 года болгарский посланец Ризов обратился к стокгольскому представителю России и представителю России в Христиании с предложением от имени Германии заключить мир. Были и другие попытки со стороны Германии оторвать Россию от союзников. В 1915 году промышленник Стиннес пытался завязать через представительство в Стокгольме переговоры о сепаратном мире. Германия в своих предложениях готова была в значительной степени удовлетворить интересы российского империализма и войти с ним в соглашение о Константинополе и проливах. Но в этот момент российская буржуазия желала гораздо большего и мечтала о полном захвате Константинополя, проливов и всего побережья Малой Азии и на приманку со стороны Германии не шла. Лишь перед самой революцией, когда близость революционного взрыва стала неизбежной и ясной даже для руководителей дворянско-феодальной монархии, со стороны российского дворянства, держащего верхушку государственного аппарата, была сделана попытка приступить к сепаратному миру и этим вырваться из смертельных рук революции. Английский посол в Копенгагене уведомлял статс-секретаря по иностранным делам Англии в 1917 году, что по его сведениям между чинами русского и германского министерства иностранных дел начаты переговоры о заключении сепаратного мира. Чернин, австрийский министр иностранных дел, в своих воспоминаниях указывает тоже, что в конце февраля 1917 года по новому стилю ему было сделано со стороны России предложение о начале мирных переговоров. Приступить к мирным переговорам самодержавие и не сумело и не успело, хотя семья Николая II не прочь была от заключения сепаратного мира. По крайней мере в течение всей войны между Александрой Федоровной и ее немецкими родственниками шла деятельная переписка. В письмах, которыми обменивались Николай II и Александра Федоровна, имеется ряд

указаний, что Александра Федоровна получала письма от своего брата из Германии. Милюков в своих показаниях следственной комиссии указывал, что по его сведениям существовало лицо, которое регулярно ездило за границу якобы за лекарствами. Романовы готовились к заключению сепаратного мира не только путем переписки, а предпринимали предварительные организационные шаги. На это указывает замена на посту министра иностранных дел — Сазонова Штюрмером, ярым германофилом. Штюрмер даже пытался подобрать себе особый состав чиновников, стоящих на точке зрения заключения сепаратного мира. Самодержавие, однако, не решалось на заключение сепаратного мира, видя в этом вполне справедливо и правильно полный разрыв с интересами основных масс российской буржуазии и стоящей за ней финансовой франко-английской группы и опасаясь, что такой разрыв с целью заключить сепаратный мир с Германией может наверняка стоить самодержавию существования и едва ли принесет реальную выгоду со стороны Германии.

БУРЖУАЗИЯ И САМОДЕРЖАВИЕ.

В России власть во время войны продолжает оставаться в руках дворянско-феодальной крупно-земледельческой группы, тесно спаянной в своих экономических интересах с французской биржей. Самодержавно-феодальное государство, принужденное исполнять волю своих парижских заимодавцев и вести войну, зорко смотрело на буржуазию, опасаясь умаления своих прав и покушения на них. Российское самодержавие, вынужденное вести войну, в то же самое время принуждено было употреблять целый ряд мер для охраны незыблемости своих устоев, а экономические пертурбации, которые производила война в народном хозяйстве, властно вторгались и в сферу крупного землевладения.

В период войны процесс перехода от сословно-дворянского землевладения к буржуазному идет особенно быстро. Таким образом базис под дворянско-

феодальным самодержавием суживался. Это заставляло его с первой минутой начала войны и за весь период войны с обостренным вниманием относиться к попыткам буржуазии в организованных рамках принять участие в войне. За этой работой на войну самодержавию чудилась борьба с ним, попытка его уничтожения. Родзянко рассказывает в своих мемуарах о таком интересном разговоре, происшедшем между ним и министром внутренних дел в конце 1914 года:

„Когда я ему изложил обстоятельства дела и предъявил письменное заявление великого князя верховного главнокомандующего (дело шло об организации поставки сапог для армии), министр внутренних дел буквально ответил мне нижеследующее: «Я не могу дать вам разрешения на созыв такого съезда — это будет нежелательной и всенародной демонстрацией в том направлении, что в снабжении армии существуют непорядки. Кроме того, я не хочу дать этого разрешения, так как под видом поставки сапог вы начнете делать революцию»“ [1].

Этот разговор происходил в конце 1914 года, а в 1916 г., когда уже стало ясно, что без буржуазии войну вести невозможно, и буржуазные организации принимали уже энергичное участие в организации войны, в ставке между Николаем II и начальником штаба, генералом Алексеевым, происходил такой разговор по поводу открытия съездов союза земств и городов:

„Ваше величество, не прикажете ли своевременно приветствовать оба съезда? — спросил Алексеев на докладе.

— Стоит ли? — ответил Николай. — Вся эта работа — систематический подкоп под меня и под все мое управление. Я очень хорошо понимаю их штуки... Арестовать бы их всех вместо благодарности!

— Но, ваше величество...

— Ну, хорошо, хорошо, пошлите им. Придет время, тогда и с ними сочтемся“ [2].

---

[1] Родзянко.—„Гос. дума и февр. революция 1917 г.“, стр. 15.
[2] 13 марта — 1916 г. Лемке, „250 дней в царской ставке“, стр. 631.

В глазах династии Романовых самым страшным врагом была буржуазия и ее организации. Романовы опасались, что земский и городской союз после войны явятся очагами революции. Александра Федоровна писала Николаю II в марте 1916 года. „Нельзя допустить, чтоб союз городов превратился в узаконенное и постоянное учреждение. ...Если они будут существовать после войны, они неизбежно превратятся в гнездо пропаганды и агентов Думы в стране“ [1]. Дума была другим врагом Романовых. Она была бельмом в глазу Николая II, и он лелеял мысль еще до войны покончить с ней. В 1913 году Николай II давал письменную инструкцию мин. вн. дел Маклакову изменить законы о Думе в „русском духе“. Николай писал: „Считаю необходимым и благонамеренным немедленно обсудить в совете министров мою давнишнюю мысль об изменении статьи учреждения Госуд. думы, в силу которой, если Дума не согласится с изменениями Госуд. совета и не утвердит проекта, то законопроект уничтожается. Это — при отсутствии у нас конституции — есть полная бессмыслица. Представление на выбор и утверждение государя мнений и большинства и меньшинства будет хорошим возвращением к прежнему спокойному течению законодательной деятельности, и притом в русском духе“ [2]. С такими затаенными планами Николай II охотно шел на все, чтобы избавиться от Думы. Застрельщицей выступала Александра Федоровна, в своих письмах она вела упорную кампанию против Думы. „...если ты примешь Родзянко (повидимому, он едет к тебе), — писала она в начале мая 1916 г., — скажи ему, что ты желаешь, требуешь, чтобы Дума закончила свою работу в течение месяца и что ему и всем остальным следует оставаться в деревне и наблюдать за полевыми работами“ [3]. Членов Думы Александра Федоровна считала определенно опасными и полагала, что на фронт, к войскам пускать их не следует.

---

[1] „Переписка Николая и Ал. Романовых“, т. IV, стр. 156.
[2] Монархия перед крушением, стр. 92.
[3] „Переписка“, т. IV, стр. 240.

Больше всего злобу Александры Федоровны возбуждали Родзянко и Гучков — их она считала крайними революционерами и желала им „отправиться на тот свет". „Гучкову — место на высоком дереве" — писала императрица [1]. Ненависть Романовых к буржуазии коренилась в том, что буржуазия разговаривала об ответственном министерстве. Николай II думал уничтожить Думу, а буржуазия думала о расширении своего участия во власти. Против ответственного министерства были и Александра Федоровна и такой непререкаемый авторитет в глазах Романовых, как Распутин. В вопросе об ответственном министерстве Николай был тверд и ни на какие уступки буржуазии не шел. Передавая царю свою беседу со Штюрмером, императрица писала в марте 1916 года: „Говорил также об ответственном министерстве, которого все требуют, даже порядочные люди, не сознавая, что мы совершенно не подготовлены для этого (как и наш Друг говорил, что это было бы окончательной гибелью всего)" [2]. В конце 1916 года, возвращаясь снова к этому вопросу, императрица писала Николаю: „Глупец тот, кто хочет ответственного министерства, как писал Георгий. Вспомни, даже m-r Дилини сказал, что нельзя давать конституцию, так как это будет гибелью России и твоей, и все истинно-русские говорят то же" [3]. Особенный ужас, гнев и негодование возбуждала в Александре Федоровне попытка буржуазии связаться с генералитетом. В руки императрицы попало письмо Гучкова к Алексееву с характеристикой внутренней обстановки. Александра Федоровна в целом ряде своих писем возвращается к этому моменту. „Надо изолировать Ал. от Гуч., от этого скверного, коварного влияния" — пишет она Николаю [4]. Романовы чувствовали себя окруженными врагами. Александра Федоровна считала, что только твердостью можно спасти положение. Для спасения положения

---

[1] „Переписка", т. V, стр. 140.
[2] „Переписка", т. IV, стр. 123.
[3] „Переписка", т. V, стр. 190.
[4] „Переписка" т. V, стр. 48.

была необходима опора, и Александра Федоровна писала Николаю II: „Мы обязаны спасти и сберечь гвардию“ [1].

При таком соотношении сил успешно выполнить все огромные хозяйственные задачи, которые ставила война, было, конечно, невозможно и трудно. Ведь, нельзя же было на самом деле проводить регулирование цен таким примитивным способом, как проделывал это, по свидетельству одного члена Государственной думы, харьковский губернатор, отправлявшийся лично на базар и там на возах самолично начинавший продавать продукты по установленной им цене. Для буржуазии было ясно, что задача организации победы одними дворянско-феодальными руками невозможна. По словам „Речи“ уже в 1916 году перед страной стояла задача: „Всемерно организовать победу, т.-е. воссоздать все действительные силы нации и устранить все препятствия, стоящие на пути к защите России“ [2].

Втянутая в водоворот войны и тесно притянутая в процессе развития новых хозяйственных форм к аппарату власти буржуазия отлично понимала, что с этим аппаратом организовать ничего невозможно. В многочисленных речах Госуд. думы на съездах Союза земств и городов буржуазия подробно и всесторонне выяснила как существующую физиономию аппарата власти, так и необходимость его замены другим. Буржуазия выработала вполне определенный план реорганизации государственного аппарата и точно и ясно сказала, каким путем и как пришла на к этому. На одном из заседаний съезда Союза городов, на 4-м съезде, состоявшемся в марте месяце 1916 г. в Москве, Челноков произнес следующую речь:

„Мы не стремились развивать свою деятельность до тех рамок, в какие она вылилась в настоящее время. Вначале мы собирались помогать раненым — и только, но, когда мы увидели, что правительство ведет страну к гибели и готовит армии разгром, мы из инстинкта самосохранения, из инстинкта государ-

---

[1] „Переписка“, т. V, стр. 29.
[2] „Речь“, № 30, 1916 г.

ственности, того инстинкта, который чужд правительству, принуждены были вмешаться, взять дела в свои руки. Мы не хотели заниматься политикой, но нас заставили сделать и это. Когда мы увидели, что **правительство не помогает, а только мешает нам, мы должны были поставить вопрос об удалении этого правительства** и замене его таким правительством, которое пользовалось бы доверием народа. Мы вначале верили, что Петербург, действительно, стал Петроградом, но теперь для нас совершенно ясно, что эти господа ровно ничего не забыли и ровно ничему не научились, и с этими господами, следовательно, нам более говорить не о чем. Ни от одного требования, заявленного нами на нашем сентябрьском съезде, мы теперь не отказываемся, напротив, мы заявляем эти требования с еще большей решительностью. Вам известна судьба, которая постигла нашу делегацию; ее не хотели выслушать, и тем не менее в настоящее время поддерживаемые всей страной мы еще раз и в еще более категорической форме должны заявить наши требования об ответственном правительстве, о прощении политических преступников, об уравнении в правах всех граждан без различия национальностей и вероисповеданий" [1].

Вопрос о необходимости так или иначе реформировать правительство был для буржуазии совершенно ясен. Ясно было для нее и то, в каком направлении должна была происходить эта реформа. Вопрос шел о передаче всей власти в руки буржуазии, о передаче таким образом, чтобы вся полнота власти была сохранена именно за буржуазией. Отсюда и политическая программа буржуазии с требованием ответственного министерства. Вокруг этой политической программы объединилась вся промышленная буржуазия, к ней примкнул даже ряд представителей аграриев. Это объединение вылилось в форме так называемого прогрессивного блока. Но провести эту программу в жизнь мирным путем буржуазии не уда-

---

[1] Доклад Отделения по охране обществ. безопасности и порядка Москвы. (Историко-Революционный архив. Москва).

валось. В то же самое время, борясь за осуществление своих классовых целей на правом фланге, буржуазии приходилось зорко следить за левым, за движением пролетариата, и из нападающей становиться обороняющейся.

Призрак грандиозного пролетарского движения становился все более и более страшным для буржуазии, рабочее движение несло для нее не расширение и укрепление ее положения, а уничтожение буржуазии, как класса, уничтожение всей системы, построенной на отношениях собственности. Выигрыш в войне становился для буржуазии не только экономической необходимостью, но и вопросом классового самосохранения.

Подгоняемая, с одной стороны, страхом народного восстания, а с другой стороны, борясь за осуществление своих исконных классовых интересов, буржуазия от словесных схваток с представителями правительства в Государственной думе решается перейти к более решительным действиям. Среди представителей буржуазии и высшего командного состава армии начинает мелькать мысль о разрешении вопроса о власти собственными средствами. Приобретает реальные очертания мысль о дворцовом перевороте.

По словам Гучкова, буржуазия уже летом 1915 года поняла необходимость „стать на путь государственного переворота". Технически план осуществления заговора был выработан в конце 1916 года. Гучков передает этот план так же, как и ген. Деникин. Генерал Деникин в своих записках по-солдатски откровенно рассказывает, какой был намечен технический план осуществления переворота. Думали в одной из поездок Николая по фронту предложить ему отречься от престола, а если бы он отказался — поступить с ним так, как некогда российское дворянство поступило с одним из его упрямых предшественников — императором Павлом. Участие высшего командного состава в готовящемся дворцовом перевороте чрезвычайно знаменательно. Переворот готовила буржуазия. Командный состав шел с ней. Это значило, что в период войны буржуазия захватила в свои руки руководство армией.

Один штрих, освещающий всю социальную сущность дворцового переворота, дает Гучков. Заговор буржуазии был заговором и против Романовых и против пролетариата и крестьянства. „. . . мы не желали бы касаться солдатских масс", — сказал Гучков на допросе следственной комиссии временного правительства, описывая подготовку дворцового переворота [1].

Милюков в своей „Истории 2-ой русской революции" сообщает, что существовало два кружка, которые обсуждали подробности предстоящего переворота, при чем в один из них входили „некоторые члены прогрессивного блока с участием некоторых земских и городских деятелей". Этот кружок, по словам Милюкова: „обсуждал вопрос о том, какую роль должна сыграть после переворота Государственная дума. Обсудив различные возможности, этот кружок также остановился на регентстве великого князя Михаила Александровича, как на лучшем способе осуществить в России конституционную монархию. Значительная часть членов первого состава Временного правительства участвовала в совещаниях этого кружка" [2].

Целью переворота, как указывает Милюков, было провозглашение конституционной монархии, устранение Николая II, не годящегося к этой роли, и провозглашение регентства Михаила. Станкевич в своих воспоминаниях тоже говорит о готовящемся дворцовом перевороте, его показания интересны тем, что указывают, что цели цензовых заговорщиков были известны представителям, лидерам мелкой буржуазии. Станкевич в своих воспоминаниях рассказывает:

„В конце января месяца мне пришлось в очень интимном кружке встретиться с Керенским. Речь шла о возможностях дворцового переворота. К возможности народного выступления все относились определенно отрицательно, боясь, что, раз вызванное, народное массовое движение может попасть в крайне левое русло, и это создаст чрезвычайные трудности ведения

---

[1] „Падение царского режима", т. VI, стр. 279.

[2] Милюков. — „История 2-й русской революции", том I, стр. 21, издание 1.

войны. Даже вопрос о переходе к конституционному режиму вызвал серьезные опасения и убеждение, что новой власти нельзя будет обойтись без суровых мер для поддержания порядка и недопущения пораженческой пропаганды. Но это не колебало общей решимости покончить с безобразием придворных кругов и низвергнуть Николая. В качестве кандидатов на престол назывались различные имена, но большее единодушие вызывало имя Михаила Александровича, как единственного кандидата, обеспечивающего конституционность правления" [1].

Воспоминания Станкевича на-ряду с показаниями Гучкова и Милюкова интересны, как показатель того идеологического настроения, которое царило среди заговорщиков. Прежде всего заговорщики, представители крупной и отчасти мелкой—Керенский—буржуазии, больше всего боятся массового восстания. Опасность массового восстания для них в том, что оно не даст гнать трудящиеся массы на бойню в интересах буржуазии. И в то же самое время буржуазия принуждена решиться на переворот. Переворот совершить не успели, революция началась раньше, и спастись от нее, предупредив ее, буржуазии не удалось. Но буржуазные заговорщики держались в революции тесной группой, пытаясь в момент революции провести в жизнь тот последний план буржуазии, о котором сказал в своих показаниях следственной комиссии Гучков:

„Предполагалось рекомендовать государю назначить только одно лицо, именно председателя", с этим заговорщики бросились в Псков и, говоря словами Гучкова, „подали совет государю, указав ему лицо, которое могло бы объединить и пользоваться доверием — указали кн. Львова" [2].

---

[1] В. Станкевич. — „Воспоминания", стр. 65.
[2] „Падение царского режима", т. VI, стр. 241.

ПРОЛЕТАРИАТ И ВОЙНА.

Война осыпала буржуазию золотом, но эта же война несла величайшие бедствия рабочему классу России. В период войны рабочий класс России количественно и качественно менялся. Огромные массы рабочих были взяты в армию, но развивающаяся промышленность требовала новых рабочих.

Война по-новому организовала и перетасовывала пролетариат. Новая организация сказывалась в том, что война требовала непрерывной работы фабрик и заводов, выступала против всяких попыток рабочего класса бороться за свое освобождение. Внутри пролетарской армии, занятой на фабриках и заводах, отслаивались слои, непосредственно связанные с ведением войны, в виде посланных на завод или оставленных на заводе военно-обязанных, ратников, пользующихся отсрочкой, и-т. п. Это расслаивало по военной линии пролетариат, создавая внутри пролетариата разные по своему положению слои.

Эта перетасовка пролетарских рядов приводила к тому, что пролетариат, возросший в период войны количественно, организационно, опутанный военными узами, качественно менялся. Новые призывы пролетарской армии вливали в пролетарские ряды чуждые пролетариату социальные элементы, в виде укрывающихся на заводе от тягостей фронта мелкобуржуазных элементов, и заменяли ушедших в армию мужчин работницами-женщинами. В 1913 году по 32-ум губерниям Европейской России считалось 1.348.300 рабочих, а в 1915 году число их поднялось до 1 440 900 рабочих, в 1916 году оно увеличилось до 1 477 900 рабочих. В Петрограде и Петроградской губернии в 1913 г. считалось 218.300 рабочих, а в 1916 году—их было 277 900 рабочих. В Московской губернии было в 1913 г. 384 100 рабочих, а в 1916 г. — 411 100 рабочих. Количественный рост пролетарского населения России сопровождался его качественными изменениями. Прежде всего росло количество подростков и женщин в рабочих рядах. Следующая таблица дает наглядное представление об

изменении рабочего класса России в половом и возрастном отношениях:

Возраст.	Пол.	1913 г. по всей России.	К началу 1917 г. По всей России.	К началу 1917 г. В 22 губерниях.
1. Взрослых	М.	62,7%	51,8%	45,5%
»	Ж.	26,6%	34,2%	40,2%
Итого об. п.		89,3%	86,0%	85,7%
2. Подростков	М.	5,5%	6,8%	6,4%
»	Ж.	3,8%	4,8%	5,3%
3. Малолетних	М.	0,8%	1,4%	1,4%
»	Ж.	0,6%	1,0%	1,2%
Всего	М.	69,0%	60,0%	53,3%
	Ж.	31,0%	30,0%	46,7%
Обоего пола		100,0%	100,0%	100,0%

(Струмилин. „Два года диктатуры пролетариата". Сборн. ст., стр. 18).

На плечи количественно и качественно изменившегося рабочего класса промышленники пытались переложить издержки по исчезновению основного капитала в промышленности. Уничтожение средств и орудий производства в процессе самого производства пытались заменить живой рабочей силой. Отсюда росло число рабочих как раз в тех областях, которые больше всего были связаны с войной и в которых больше всего замечалось уничтожение основного капитала, — это было в горно-добывающей и металлургической промышленности.

На-ряду с изменением полового и возрастного состава, и социальный состав самого пролетариата в период войны изменился. На заводы были брошены большие массы военно-обязанных крестьян. Все это приводило к тому, что сопротивляемость рабочего класса в первые годы войны падала, а предпринимательские аппетиты возрастали и экономическое положение рабочего класса во время войны ухудшалось. По словам исследователя рабочего движения за период войны в Петрограде т. Васильевской: „Со времени введения военного положения среди заводчиков и фабрикантов наблюдается

тенденция к уменьшению заработной платы, в особенности это проявляется на заводе „Новый Айваз“. Директор этого завода однажды высказался: „Теперь военное положение, — могу согнуть в бараний рог“.

„Со времени открытия военных действий, — приводит официальный документ т. Васильевская, — в Петрограде не было ни одной стачки, и было бы желательно поддерживать патриотическое настроение петроградских рабочих, что может быть с успехом выполнено, если на основании военного положения будет запрещено заводчикам и фабрикантам уменьшать расценку во время военных действий“ [1].

Такого распоряжения за время войны правительством, конечно, издано не было, и экономическое положение рабочих в период войны ухудшалось. Заработная плата если номинально и росла, то росла чрезвычайно медленно, а реально она безостановочно падала. При общем реальном падении заработной платы заработная плата рабочих отдельных производств имела свой своеобразный темп развития. Заработная плата рабочих, связанных с производством войны, росла быстрее и увеличивалась значительнее, чем заработная плата рабочих, производство которых для войны не имело никакого значения. Так, например, заработная плата в производстве каменной посуды в 1914 г. достигала 161 р. в год, в 1915 г.—239 р., а в 1916 г.—278 р. В то же самое время машиностроительные рабочие зарабатывали—409 руб., в 1915 г.—502 руб. и 1916 г.—852 рубля.

Интересно при этом отметить, что заработная плата резко скакнула вверх на втором году войны, в 1916 году, когда на сцене имеется уже сильное рабочее движение, но все же рост заработной платы отставал от роста цен на продукты. Цены на продукты питания росли гораздо быстрее, чем двигалась заработная плата.

Социальные изменения пролетарской армии понижали тонус ее политической жизни. Сила сопротивляемости падала и уступала под напором соединенных сил дворянства и буржуазии. Пролетарская армия в период войны в России попала в худшее экономическое положение.

---

[1] „Пролетарская революция“, № 1 (13).

Заработная плата за время войны отставала от роста цен на продукты питания. Если сопоставить рост цен на хлеб за период войны и рост заработной платы за первый год, принимая 1913 г. за 100, в апреле 1916 года рост цен на хлеб дает 182%, а заработная плата за это время дает лишь 141% [1]. Эти суммарные цифры для рабочих отдельных отраслей сильно колебались, колебались, приблизительно, вдвое. Нужные, необходимые для производства войны отрасли промышленности — металлургическая, машиностроительная, химическая промышленность, — давали рабочим большую заработную плату, в тех же отраслях промышленности, которые для производства войны не представляли особой необходимости — стекольная, керамическая, частью текстильная — заработная плата, сравнительно с заработной платой отраслей, необходимых для войны, отставала больше, чем вдвое. Заработок машиностроительных рабочих Московского округа в 1913 году равнялся, приблизительно, 398 руб., в 1915 году он повысился до 502, а в 1916 г. — до 852 руб., т.-е. он увеличился больше, чем вдвое. В то же самое время заработок рабочих стекольной промышленности составлял в 1913 г. 213 руб., в 1915 г.—232 руб. и в 1916 г.—336 руб. Таким образом, отрасли промышленности, непосредственно связанные с войной, раньше повысили свою заработную плату, и повысили свою заработную плату гораздо больше, чем это было с рабочими, занятыми в тех отраслях промышленности, которые для ведения войны не были нужны. Необходимо иметь в виду, что в тех отраслях промышленности, которые были необходимы для ведения войны, были заняты, главным образом, рабочие-мужчины, а по обработке льна, пеньки и хлопка — главным образом — работницы-женщины. Вся тяжесть войны падала больше всего на неквалифицированный слой пролетариата, на рабочих легкой индустрии, пополненной в огромном количестве женским трудом. Сопоставляя процентный рост цен на хлеб и рост заработной платы, можно прийти к выводу, что рабочие этих отра-

---

[1] „Труды комиссии по изучению современной дороговизны", т. III, стр. 167.

слей промышленности находились в худшем положении, их заработная плата отставала от роста цен на продукты питания; это влекло за собой голод, проституцию, вырождение этих отрядов рабочего класса.

Ухудшение экономического положения, естественно, должно было вызвать протест со стороны рабочего класса и, прежде всего, протест со стороны рабочих тех отраслей промышленности, которые больше всего страдали от тягостей войны. Борьба рабочих за улучшение своего положения за годы войны была обставлена чрезвычайными трудностями, и рабочему классу приходилось вести борьбу не только с предпринимателями, но со всем государственным аппаратом, объявившим в этот период стачечную борьбу государственным преступлением. В Москве, например, по московскому градоначальству и столичной полиции был издан приказ, в котором говорилось:

„В виду повторения случаев самовольного оставления рабочими работ на фабриках и заводах, изготовляющих предметы, необходимые для снабжения армии, приостановление деятельности которых угрожает безопасности государства, предлагаю гг. приставам разъяснить рабочим, что подобного рода деяния их ослабляют мощь русской армии и что таковое самовольное оставление работы составляет преступное деяние, предусматриваемое ст.ст. 1 359 (3, 4) Уголовного Уложения, караемое заключением виновных в тюрьме на время от 4 месяцев до 1 года и 4 месяцев“ [1].

Приказ этот был издан московским градоначальником в июле 1915 года, но карательная власть не ограничивалась возложением на столичную полицию роли агитаторов в рабочих кварталах, а на стачки отвечала жестокими репрессиями.

Дворянство и буржуазия объявляли всякую стачку непосредственной борьбой с буржуазно-дворянским строем, считая, что вместе с тем она направлена против империалистической войны. За стачку рабочим грозили жесточайшими карами, преследовали почти как за измену.

---

[1] Москва. Историко-Революционный архив. Дело Отделения по охране общественной безопасности Москвы, № 267, 1915 года.

В 1914 году, после объявления войны, в экономической борьбе приняли участие всего на всего 31907 человек. Ухудшающееся из месяца в месяц экономическое положение пролетариата толкало рабочую армию на борьбу за улучшение своего положения. В 1915 году в экономической борьбе приняли участие 397 259 чел., в 1916 г. рабочая армия, борющаяся на экономическом фронте, возросла до 720 932. За время войны из года в год росла армия пролетариата, борющаяся на экономическом фронте, росло и упорство борьбы. На одного стачечника потерянных рабочих дней в 1914 году приходилось 5, а в 1916 г. — 5, 2 дня. Рост экономической борьбы вел за собой рост и политической борьбы. В годы войны трудно было отличить и провести грань между экономической и политической борьбой. Сама экономическая борьба в тех условиях, в которые ее поставило правительство, являлась не только борьбой за улучшение положения рабочего класса на фабрике, но являлась ударом по всему дворянско-буржуазному миру. Вся обстановка этой экономической борьбы учила рабочие массы, что смысл рабочей борьбы сводится не к экономическому улучшению, а к политической борьбе и к полному уничтожению дворянско-буржуазного господства. За годы войны пролетариат медленно, но неуклонно тяжелыми массами переходил к чисто политической борьбе. Сотни тысяч стачечников, которые принимали участие в экономической борьбе пролетариата, в 1916 г. одинаково можно считать и участниками политического движения; в стачках 1916 года, на-ряду с экономическими требованиями, выбрасывались и политические лозунги.

Резко вычерченная и оформленная, с выявленными определенными и резкими лозунгами, политическая борьба пролетариата развертывается на второй год войны, в конце 1915 и в начале 1916 гг. Объявление войны застало российский пролетариат неподготовленным. Летние стачки 1914 года и вызванный ими локаут подорвали кадры рабочих, принимавших в них участие, аппарат самодержавия успел во время этих стачек потрепать организационный руководящий штаб

пролетариата. Экономически подорванные, организационно расстроенные пролетарские армии встретили войну неподготовленными и идеологически. В пролетарских рядах началась упорная, не на жизнь, а на смерть борьба между оборончеством, ставшим на позицию принятия войны, и интернационалистами-большевиками. Дворянско-самодержавный аппарат развил отчаянное наступление, выражавшееся в почти полном уничтожении всех сохранившихся еще легальных организаций пролетариата и в уничтожении целого ряда нелегальных организаций партийных руководящих центров; в первые месяцы войны рабочие организации, партийные и профессиональные, были разбиты и уничтожены, а рабочий класс был дезорганизован.

„В начале империалистической войны, — сообщает т. Жигарев о положении среди рабочих Петрограда, — все организации были разгромлены. Существовавшие ранее организации на Васильевском острове также были разгромлены. Часть активных работников была арестована, часть выслана..."[1].

Разгром рабочих организаций в начале войны прокатился по всей России и всей своей тяжестью упал на революционное крыло российской социал-демократии. И в Петрограде и в провинции в начале войны организационно рабочий класс был обессилен. О провинции интересные данные об этом процессе сообщает т. Базанов относительно Харькова.

„Конец 1914 и начало 1915 гг. были одним из самых тяжелых периодов в жизни харьковской организации. Произведенные накануне мировой войны массовые аресты наиболее активных работников, свирепый разгром профессиональных и других легальных рабочих организаций, где сосредоточивалась в то время почти вся партийная работа, закрытие рабочей прессы — все это нанесло тяжелый удар организации.

„Я у себя в губернии с корнем вырву всякую крамолу, — цинично заявлял хозяйничавший в то время в Харькове генерал-губернатор Кошура-Массальский, расправляясь с рабочими организациями. И, действи-

[1] „Красная Летопись", № 2—3, стр. 136.

тельно, путем беспрерывных, ни на чем не основанных массовых арестов, ретивому сатрапу удалось на некоторое время терроризовать рабочие массы и придушить общественную жизнь.

„К началу 1915 года из всех рабочих организаций в Харькове оставался лишь один «желтый профсоюз» торговых служащих, плясавший под дудку хозяев и долженствовавший по воле Кошуры-Массальского в пении патриотических дифирамбов войне выражать мнение рабочих масс“ [1].

Война не только принесла разгром рабочих организаций, но она принесла с собой и сильное идеологическое расслоение рабочего класса. В рабочих рядах стали ожесточенно бороться между собой, с одной стороны, шовинисты-оборонцы, а с другой стороны, интернационалисты. Борьба между оборончеством и интернационалистами особенно развернулась в период выборов представителей от рабочих в военно-промышленные комитеты. Интернационалисты-большевики считали, что задача социал-демократии сейчас — превратить войну империалистическую в войну гражданскую.

Перед пролетариатом и партией встала чрезвычайно сложная задача идеологической мобилизации пролетарских масс, уяснения им ясной и определенной цели. Партийные организации попробовали возобновить свою работу в 1914 году, но ни в 1914, ни в начале 1915 года партийным организациям не удалось собрать под свои знамена большого количества пролетариата. Первые попытки восстановленного партийного аппарата двинуть пролетариат Петрограда на борьбу предпринимались уже в январе месяце 1915 г. В январе 1915 г. петроградская организация большевиков попробовала призвать пролетариат к демонстрациям в день 9 января, но, как рассказывает в своих воспоминаниях т. Ефремов, эта „энергичная попытка, однако, не увенчалась успехом, и ни одной забастовки не произошло, не считая печатников, но и эта заба-

---

[1] Базанов, Я.—„Семь месяцев партийной работы в Харькове“, „Пролетарская революция“, № 9.

стовка носила частичный характер“ [1]. Попытка призвать пролетариат Петрограда к празднованию 1 мая в 1915 году тоже не имела успеха. Во второй половине 1915 года и 1916 г. положение меняется, рабочее движение принимает массовый характер, создаются органы руководства стачечной экономической борьбой, растет партийный аппарат, растет связь между партийным аппаратом и рабочей массой. Если в январе 1915 г. демонстрации в память 9 января не удались, то 9 января 1916 года они принимают массовый характер, в них принимают участие десятки тысяч рабочих Петрограда. По словам т. Шляпникова, 9 января 1916 года забастовки и демонстрации прошли с подъемом и организованно. Всего в эти дни в Петрограде бастовало до 100 000 рабочих. Рабочее движение в 1916 году начинает принимать резко выраженный политический характер, характер массовых политических демонстраций. В первые 4 месяца войны в 1914 г. в политических стачках принимало участие 2 845 чел., в 1915 году рабочая армия, принимавшая участие в политических стачках, поднялась до 155 835 чел., в 1916 году в чисто политических стачках принимали участие 263 721 чел.

На-ряду с количественным ростом участников политических стачек и политические битвы приобретали более упорный характер. В первые месяцы войны, в 1914 году, на одного стачечника, принимавшего участие в политической стачке, приходилась $^1/_5$ потерянного рабочего дня, в 1916 г. на одного участника приходилось 2,5 потерянных рабочих дней, т.-е. значительно возросло упорство политической борьбы. Стачки этих лет сопровождаются массовыми политическими демонстрациями. Политические стачки носят резко выраженный анти-военный характер, направленный против всего дворянско-буржуазного строя, идут они под руководством большевиков.

В 1916 году разыгрался целый ряд отдельных частичных сражений, в которых, по приказу руководящего центра в Петрограде, принимали участие

---

[1] „Красная Летопись“, № 2—3, стр. 117.

десятки тысяч рабочих. В октябре 1916 года стачечная борьба охватила весь Петроград. Буржуазия пыталась бороться со стачками локаутом, в ответ на это Петроградский комитет партии выпустил листовку, где указывал рабочим общий смысл борьбы и вскрывал цели предпринимательского локаута: „В ответ на закрытие заводов, мы призываем всех еще работающих оставить работу с требованием немедленного открытия предприятий, работы и хлеба. Пусть предательские замыслы разбить наши ряды встретят еще большую сплоченность и единодушие. Долой локаут! С этим лозунгом идите от завода к заводу, от предприятия к предприятию. Оставим работу, пока не будут приняты на работу все выброшенные теперь на улицу. Нужно отстоять свое право жить и бороться... Пойдем, организуем демонстрации с кличем: Да здравствует стачка за снятие локаута! Да здравствует борьба революционного пролетариата, во имя наших лозунгов! Долой буржуазию! Долой царскую монархию! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует революционная борьба за социализм!“

Стачки октября 1916 года в Петрограде свидетельствуют, что пролетариат в это время всецело идет за большевиками, что он к концу 1916 года встал уже на революционные позиции, занял свое место в революционной борьбе, и теперь своими экономическими и политическими стачками стремится к определенной цели: уничтожению самодержавия, уничтожению дворянско-буржуазного государства, уничтожению войны.

Овладение пролетарскими массами далось большевикам не сразу. В течение 1914—15 гг. в пролетарских рядах шла упорнейшая борьба между представителями оборончества и большевиками.

Большевики призывали массы не к миру с буржуазией, а к борьбе, к превращению войны империалистической в войну гражданскую. Еще 1 ноября 1914 г., в самом начале войны, т. Ленин писал: „Пропаганда классовой борьбы и в войне есть долг социалиста, работа, направленная к превращению войны народов в гражданскую войну, есть единственная социалистическая работа в эпоху империалистического вооружен-

ного столкновения буржуазии всех наций. Долой поповски-сантиментальные и глупенькие воздыхания «о мире во что бы то ни стало!» Поднимем знамя гражданской войны!“ [1].

Злободневными задачами социал-демократии сейчас является упрочение влияния среди пролетариата и распространение его на деревню.

„Задача пролетариата России, — писал Ленин в 1915 году, — довести до конца буржуазно-демократическую революцию в России, дабы разжечь социалистическую революцию в Европе. Эта вторая задача теперь чрезвычайно приблизилась к первой, но она остается все же особой и второй задачей, ибо речь идет о разных классах, сотрудничающих с пролетариатом России. Для первой задачи сотрудник — мелкобуржуазное крестьянство России, для второй — пролетариат других стран“.

Борьба между оборонцами и пораженцами в рабочих рядах протекала в чрезвычайно тяжелых условиях, тяжелых прежде всего для интернационалистов-пораженцев. Небольшой отрывок из доклада жандармского отделения департамента полиции о рабочем движении в Петрограде в 1916 году рисует бытовую обстановку, в которой приходилось работать большевикам в это время. 12 февраля 1916 года министру внутренних дел доносили: „В 7 часов вечера, сего числа, по окончании работ на заводе Общества механических гильзовых и трубочных заводов Барановского (Выборгская наб., дом № 21), во дворе у ворот собралась толпа около 350 человек, из которой выступили два оратора. Первый из них, оценивая текущий момент, сказал, что мы, рабочие, можем достигнуть конца этой кровавой бойни-войны только революцией, на что второй ответил ему: «Ты лжешь, ты призываешь товарищей с оружием в руках действовать против властей для прекращения войны, а оружия у тебя нет, и вообще нас постигнет такая же участь, какая постигла наших товарищей в 1905 году, которые так же призывали; мы всего можем добиться мирным путем». Через несколько

[1] „Против течения“, стр. 8, 9.

минут рабочие разошлись, при чем небольшая группа у ворот запела «Вставай, подымайся», но, заметив приближение наряда полиции, тотчас же пение прекратила. Совершенно аналогичная сходка и по тому же поводу одновременно происходила на Металлическом заводе, на котором присутствующие также не пришли ни к какому заключению и спокойно разошлись по домам. Около этого же времени на телефонной фабрике Эриксон (Б. Сампсониевский пр., 70) при выходе рабочих из мастерских один из них напомнил, что сегодня исполнилась годовщина ареста бывших членов Государственной думы, и предложил устроить сбор в пользу их семейств. Рабочие к призыву отнеслись равнодушно и спокойно разошлись по домам..." [1].

Этот отрывок дает представление как о тех политических вопросах, которые ставились перед рабочим классом, так и о той обстановке, в которой протекала политическая жизнь пролетариата. Количественное и качественное изменение пролетариата во время войны приводило к тому, что в первые годы войны сила отпора со стороны рабочих масс была ослаблена. Но это же приводило к тому, что до сих пор еще не захваченные политической борьбой массы, втянутые в водоворот фабрики, втягивались сначала в экономическую, а потом и в политическую борьбу рабочего класса. В первые месяцы войны стачечные волны упали, но в период 1915—1916 годов число стачек поднялось до 1 882, и в них приняло участие 1 160 тыс. рабочих. В 1916 году политическое движение пролетариата и тяга к созданию рабочих организаций охватывают не только пролетариат Петрограда, но дают о себе знать и повсюду в провинции. По сведениям, например, пермского губернского жандармского управления: „23 мая за рекой Камой в лесу... состоялось собрание рабочих Мотовилихинского завода в количестве 8 человек, работающих в разных цехах завода. На собрании был поставлен вопрос о необходимости организации нелегального профессионального союза" [2].

[1] Москва. Историко-Революционный архив. Дело деп. пол. 4-го Делопр. по г. Петрограду, стр. 106.
[2] Москва. Историко-Революционный архив.

Стачечные волны в 1916 году захватывают в свои объятия десятки тысяч рабочих. Судя по официальной статистике, в октябре 1916 года в „экономической борьбе участвует 187 134 человека, а в политической — 138531 чел. Отличать экономическое движение этого периода от движения политического чрезвычайно трудно, а количественный рост того и другого свидетельствует о том, что революционные процессы охватывают большие массы рабочих. Экономическая борьба в целом ряде случаев кончается столкновением с войсками и переходит в открытое столкновение, идущее под лозунгами свержения царской монархии и уничтожения и прекращения войны. Таким образом, изменения, произведенные войной в капиталистическом организме России по отношению к рабочим, приводили к тому, что, с одной стороны, час столкновения между пролетариатом и буржуазным миром был отдален, а, с другой стороны, к схватке готовились огромные пролетарские массы, огромные массы, как втянутые вновь в фабричный котел, так и массы пролетариата, надевшие серые солдатские шинели. Волны пролетарской революции, утихшие во второй половине 1914 года, после объявления войны поднимались во второй половине 1916 года с новой силой и с новым упорством. В ряды пролетариата были влиты новые батальоны мелкобуржуазных масс, и они на-ряду со старой гвардией пролетариата ставили вопрос об уничтожении дворянско-феодальной России. Крестьянские волны вздымались за ними.

В сентябре-октябре мес. 1915 года в России происходили выборы от рабочих в рабочие группы военно-промышленных комитетов. Буржуазия, стремясь к победоносному окончанию войны, думала использовать силы рабочих и избежать роста революционных организаций в рабочих рядах путем привлечения буржуазных элементов пролетариата на свою сторону. В этих целях буржуазия пригласила в военно-промышленные комитеты представителей от рабочих. Выборы в военно-промышленные комитеты, которые происходят по России в сентябре-октябре 1915 года, рисуют картину ожесточенной борьбы между оборончеством и больше-

виками; эта картина борьбы говорит о том, что оборончество в рабочих рядах имеет известные корни, и соотношение сил между оборончеством и большевизмом, если и не совсем одинаково, то лишь в незначительной степени склоняется на сторону большевизма. В целом ряде местностей выборы в рабочие группы были фальсифицированы усилиями жандармского управления. Там, где они происходили, они рисуют картину жесточайшей борьбы между представителями того и другого течения. В департаменте полиции сохранились присланные почтой из всех городов России описания выборов, изложение речей. Там, где выборы от рабочих в военно-промышленные комитеты все же состоялись, под влиянием ли меньшевистской оборонческой организации, под влиянием ли обаяния имени Плеханова, как было в одном из рабочих районов, рабочие, на практике, сталкиваясь с деятельностью военно-промышленных комитетов, приходили к выводу, что работа в военно-промышленных комитетах — не их дело, это — дело буржуазии, что военно-промышленные комитеты озабочены лишь защитой интересов буржуазии. Рабочие группы при воен. пр. ком. были в ряде мест. Но, как отмечает департамент полиции относительно Московской группы „Рабочая группа вышеназванного комитета не пользуется никаким авторитетом и совершенно игнорируется рабочими организациями". Ряд московских профсоюзов, влачащих полулегальное существование, отказался принимать участие и, вообще, иметь какое-нибудь дело с Московской рабочей группой. Осенью 1915 года пролетариат, уже выступавший массовыми колоннами на борьбу за улучшение своего положения, еще окончательно не перешел на сторону большевиков и не объявил войну всему буржуазно-дворянскому миру, но во вторую половину 1915 и в течение 1916 г. завоевание пролетариата большевиками совершилось. Существующие легально рабочие группы военно-промышленных комитетов и существующие нелегально, под градом преследований, партийные организации большевиков являлись в это время двумя руководящими центрами пролетарской борьбы. Пролетариат все больше и больше выстраивается и группи-

руется вокруг своих нелегальных организаций, игнорируя совершенно ту группу рабочих, которая вошла в военно-промышленные комитеты. В 1916 году рабочие группы военно-промышленных комитетов стали генералами без войск, и если продолжали возбуждать опаску и недоверие со стороны представителей старой власти, то это объяснялось лишь тем, что для дворянско-буржуазного класса России всякая рабочая организация таила в себе страх и ужас уничтожения дворянско-буржуазного господства. Большевики ставили вопрос об уничтожении войны, об объявлении войны войне; в манифесте центрального комитета большевиков, изданном еще в 1914 году указывалось, что задачей социалиста теперь должна быть война войне и подготовка грядущей социалистической революции. Оборонцы свои мечты дальше жалких реформ не простирали. Разные цели ставили и разные задачи: большевики призывали пролетариат к массовой политической борьбе, к отмежевке от буржуазии и ее аппарата, а рабочие группы военно-промышленных комитетов, состоящие на $^1/_3$ из наемных агентов охранного отделения, стремились своими выступлениями и призывами привязать пролетариат к выступлениям буржуазии, связать его революционную мощь и силу.

КРЕСТЬЯНСТВО И ВОЙНА.

По отношению к крестьянству война принесла огромные тягости. Она взяла больше 50 проц. мужчин рабочего возраста в армию, она лишила крестьянские хозяйства средств и орудий производства. Во время войны производительность сельско-хозяйственных машин и орудий непрерывно падала, и Измайлович в своей книжке „Русское сельско-хозяйственное машиностроение“ приводит данную Советом съезда фабрикантов таблицу производства земледельческих машин:

Производство	1914 г.	90%	нормального производства
„	1915 „	52%	„ „
„	1916 „	20%	„ „
„	1917 „	15%	„ „

Параллельно падению производства сельско-хозяйственных машин и орудий шло и падение числа этих орудий, попадающих в сельское хозяйство. В 1911—1913 г.г. сельское хозяйство России потребило 61 700 сенокосилок и 62 473 конных граблей, а в 1916 году оно получило лишь 3 757 косилок и 5 550 конных граблей. („Народное Хозяйство в 1916 г.“, вып. 5 — 7, стр. 8). Таким образом, доставка орудий производства в сельское хозяйство замирала, в то же самое время это сельское хозяйство, испытывающее острую нужду в рабочих руках, принуждено было удовлетворять потребности рынка. Это приводило лишь к тому, что диференциация среди крестьянства во время войны шла усиленным темпом, а количество беспосевных и лишенных рабочего скота крестьянских хозяйств увеличивалось и росло. Хрящева в книжке „Крестьянство в войне и революции“ приводит такую небольшую таблицу, иллюстрирующую классовые группировки деревни во время войны:

Губернии.	%% хозяйств.			
	Без посева		Без рабочей силы.	
	1910 — 1912 гг.	1917 г.	1910 — 1912 гг.	1917 г.
Тульская	4,2	6,5	29,5	30,1
Пензенская . . .	—	9,8	31,6	36,1
Симбирская . . .	10,2	13,4	39,0	35,7
Калуж. Жиздр. у.	6,5	14,6	14,3	21,0
	1908 г.	1917 г.	1908 г.	1910 г.
Новгород., Белоз. у.	1,0	14,7	19,5	31,7
Тихвинск. уезд . .	1,0	12,6	15,5	22,4

Классовые противоречия в деревне росли, их рост отражался в армии.

АРМИЯ И ВОЙНА.

Война потребовала огромного напряжения от всего народного-хозяйственного организма России. В первую голову война предъявила огромные требования к армии. Целым рядом повторных мобилизаций за время войны через ряды армии прошло около $18^1/_2$ миллионов чело-

век. Кадровый состав армии, бывшей под ружьем, в 1915—16 гг. достигал 10 миллионов человек. Огромное количество призванных в армию колоссально меняло лицо арми, ее отношение к идущей в стране классовой борьбе меняло самую социальную сущность армии. Армия не только менялась количественно, но и самое главное,—менялась качественно. Качественное изменение армии вызывалось тем, что в армию, в результате целого ряда мобилизаций, хлынула целая волна крестьян, пролетариата и буржуазии. И до этого социальный состав российской армии состоял из крестьянства, пролетариата и буржуазии, но соотношение между этими элементами в довоенной армии и в армии в период войны было разное. В довоенный период, когда армия достигала не более 1 200—1 300 тысяч, она воспроизводила социальную структуру страны, и в ней, как и во всей стране, господствующее положение принадлежало командному составу, рекрутирующемуся из собственнических группировок, из дворянско-землевладельческого класса. Пролетариат и крестьянство, как во всей стране, так и в армии составляли эксплуатируемую часть населения. Война, увеличившая армию приблизительно в десять раз, изменила соотношение социальных прослоек, в том отношении, что количественно увеличила пролетарско-крестьянский слой армии и втянула в армию огромное количество разнообразных буржуазных элементов, более приспособленных технически для несения командных должностей, чем представители пролетариата и крестьянства. Война изменила социальную физиономию командного состава, который в этот период переживает быстрый процесс буржуазиации. На-ряду со старым дворянско-землевладельческим командованием в армии появляются в большом количестве „прапорщики военного времени“, представители буржуазии разных рангов и калибров, которые захватывают в свои руки низший и средний командный состав.

Изменение социальной физиономии командного состава армии было качественным изменением, вызванным ростом количества армии. Другое изменение, вызванное огромным ростом количества армии, сказывалось

в том, что армия из небольшой, сравнительно, группы вооруженных людей, находящейся в руках господствующего класса, превращалась почти что в вооружение всего взрослого населения страны. Новые социальные элементы, втянутые в нее, меняли лицо армии, превращая ее из орудия в руках дворянства и части буржуазии в орудие в руках буржуазии, стремящейся руками пролетариата и крестьянства достигнуть победоносных результатов войны. Армия, как орудие борьбы, переходила из рук одного класса в руки другого. Миллионная масса пролетариата и крестьянства, хлынувшая в армию, превращала армию в орудие в своих собственных руках. Дворянство и буржуазия оказывались бессильными овладеть тем количеством армии, обуздать ту силу, которую они сами призвали к оружию. Целый ряд указаний говорит о том, что в период войны, на-ряду с количественным ростом и переходом командного состава в руки буржуазии, армия переживает процесс падения дисциплины. По свидетельству одного современника, описывающего положение солдат в период войны, в начале 1917 года в самарских казармах, в армии шло неуклонное падение дисциплины. „Сандецкий день за днем сыпал приказы, один свирепее другого, а в казармах с каждым днем дисциплины становилось все меньше. Сандецкий запирал все глуше и глуше солдат в казармы, среди солдат участились самовольные отлучки. Офицеры терялись между двух огней, провинившихся в иной раз было так много, что в роте не хватало винтовок, чтобы всех поставить под ружье, почему невозможно было проверить, кто отбыл наложенное наказание, кто нет. Солдаты чутьем поняли это трудное положение своего начальства, и проступки пошли расти, как грибы“ [1]. Падение дисциплины являлось результатом прилива новых социальных элементов в армию и свидетельствовало о стихийном вырывании армии из рук командного состава.

Армия в период войны качественно меняется, в своих недрах она несет и воспроизводит всю клас-

[1] Революция 1917—18 гг. в Самарской губ., т. 1, стр. 4.

совую борьбу, которая кипела в период войны в России. Буржуазия пришла в армию с лозунгом борьбы до победного конца и со стремлением избежать революционной борьбы и добиться перехода власти в свои руки. Широкие массы пролетариата и крестьянства приходили в армию без стремления к победоносной войне до конца. Они принесли с собой навыки классовой борьбы, классовые стремления и цели, ставящие вопрос об уничтожении дворянско-буржуазного господства. Условия европейской войны для российской армии создали наилучшую обстановку для агитации, ставя во весь рост вопросы о смысле и целях войны. Российская армия обслуживала в период войны интересы французских и английских банкиров, это становилось не сразу ясным для рабочего-крестьянского состава армии, но что армию гнали фактически на убой, невооруженную, не снабженную снарядами и ружьями и другими техническими средствами борьбы, — это становилось ясным каждому солдату с первого момента прибытия на фронт. Согласно мобилизационным предположениям, одна потребность в винтовках в армии была исчислена в 6,6 миллиона, а фактически война потребовала 17,7 миллиона винтовок; армия в период войны все время переживала острейший голод, острейший недостаток элементарных орудий борьбы в виде ружей, не говоря уже о том, что она оказалась лишенной не только винтовок, но патронов и снарядов. Переписка начальника штаба первого периода войны, генерала Янушкевича, с бывшим военным министром Сухомлиновым вся посвящена вопросу недостатка оружия. По словам Янушкевича, „нужны сверхчеловеческие усилия, чтобы обеспечить работу войск патронами и винтовками“. Отсутствие патронов, отсутствие снарядов, отсутствие вооружения приводило к тому, что кровавые операции, которые велись российскими армиями, кончались очень часто неудачей и влекли за собой колоссальные жертвы. В одном из писем Янушкевича к Сухомлинову Янушкевич указывает, что недостаток патронов влечет за собой и неудачу боевых операций и разложение армии. „Жду ваших приказаний по поводу условий снабжения

патронами, — пишет он Сухомлинову. — Из-за них приходится отчасти уходить, т. к. нет средств поддержать достаточно сильный огонь. Вопрос, как изволите видеть, приобретает положительно грозный характер, все драконовские меры для уменьшения и регулирования расхода приняты и значительно сокращают его, но и только... Теперь есть части, находящиеся в непрерывном бою уже 85 дней. Это уже не бой, а титаническая борьба на смерть, лишний артиллерийский патрон сберегает десяток раненых и убитых, удерживает добровольцев пленных (а есть уже и такие). Бога ради, простите за назойливость, но по долгу совести должен вам представить все, как оно есть в действительности. Если бы теперь могли сразу «хлынуть» новобранцы и прибыть в армию лишних 12 парков, то сразу бы инициатива была вырвана у немцев. А сейчас это недостижимо, и на сердце прямо тяжко. Мне так по ночам и чудится чей-то голос: «продал, прозевал, проспал»". [1].

Условия, в которых находились русские арми, посланные защищать интересы буржуазии, принужденные сражаться почти голыми руками и заполнявшие густыми колоннами недостаток вооружения, неизбежно способствовали возникновению в широкой солдатской массе вопросов о смысле и целях войны. Интерес к общественным вопросам, к вопросам войны и мира, был в армии огромный. Соответствующие организации, армейские военные цензурные отделения штабов армии свидетельствуют о том, что среди нижних чинов и офицерства существует „крайне чуткое отношение к политическим событиям в России". Чуткое отношение к политическим событиям в России, по словам Лемке, проведшего ряд дней в армии, прежде всего, сказывалось в стремлении солдат к миру; жажда мира в армии была всеобщей, охватила огромные слои, в первую очередь, — солдатский состав армии. По словам одного из офицеров, приводимым Лемке в его дневнике, „жажда мира разлагает дух армии". Солдаты — рабочие и крестьяне, загнанные в окопы, не только жаждали

---

[1] „Красный Архив", т. 3, стр. 43—44.

мира, а по-своему пытались разрешить поставленную перед ними задачу, жажда мира переходила в борьбу за мир. Война была чужда рабоче-крестьянскому составу армии, требовала от него огромных жертв, несла ему смерть и увечье, не давая фактически ничего взамен. На-ряду с жаждой мира, в армии начинается стихийная борьба за мир, попытки вырваться неорганизованным путем из об'ятий войны, растет количество самострелов, количество дезертиров, количество пленных, растут, словом, те способы, которые дают рабоче-крестьянскому составу армии стихийную возможность вырваться из объятий войны.

Вслед за стихийно выросшими формами борьбы за мир в армии растут и выступают более оформленные, планомерные в классовом отношении попытки вырваться из об'ятий войны, создать мир, уничтожить господство дворянства и буржуазии. В 1915 году во флоте происходит ряд попыток возмущения, вызванных стремлением рабоче-крестьянского состава флота — матросов, вырваться из об'ятий войны. По словам доклада, представленного в ноябре 1915 г. председателем Совета министров Горемыкиным, во флоте среди матросов наблюдается сильное брожение и определенный рост политических интересов и устремлений. Во флоте происходит не только рост политических интересов и устремлений, но частью в армии и частью во флоте ведется организационная работа русских соц-дем. большевиков, оформляющая тревожное настроение матросов и дающая ему планомерный выход. В ноябре 1915 г. из корабле „Гангут“ возникло беспокойство, вызвавшее сильное волнение среди матросов всех судов Балтийского флота. Дыбенко в своих воспоминаниях описывает подготовку выступления на корабле „Гангут“ и на броненосце „Император Павел I“. На этих судах происходили собрания матросов, решавших вопрос о том, принимать ли участие в непосредственном выступлении или готовиться к дальнейшей борьбе? По словам Дыбенко после выступления на корабле „Гангут“, во флоте не только не прекратилась организационная работа, но был даже намечен день восстания.

Это восстание грозило найти отклик и на других кораблях эскадры, и Дыбенко рассказывает о том, как во время восстания на „Гангуте“ на броненосце „Император Павел I“ было собрано совещание матросов, на котором присутствовало до 130 человек, для решения вопроса о том, принимать ли участие в восстании на „Гангуте“. Попытки восстания во флоте, если и не увенчались успехом, то все же сильно всколыхнули и наэлектризовали матросскую массу. После восстания на „Гангуте“ организация восстания во флоте шла усиленным темпом и, как свидетельствует Дыбенко: „Всеобщим решением днем восстания был намечен день перемирия, однако, нам не пришлось ждать перемирия, события развертывались быстрее наших предположений“ [1].

Выступление на „Гангуте“ не только сопровождалось обсуждением его на других кораблях эскадры, но имело само по себе сильное революционно-пропагандистское значение. Оно вызвало сильное волнение и на других кораблях. По свидетельству доклада мин. вн. дел Хвостова председателю сов. мин. Горемыкину, „происходившие на «Гангуте» беспорядки вызвали сильное волнение среди матросов всех судов Балтийского флота и береговых команд, при чем среди них возникли толки о необходимости освобождения арестованных“. Настроение среди команд флота таково, что принятие репрессивных мер со стороны правительства может вызвать „бунт“. Выступление готовится, утверждал министр внутр. дел, и среди „сухопутных частей кронштадтского гарнизона“. Это уже было организованной, планомерной попыткой рабоче-крестьянского состава армии вырваться из рук войны. Буржуазия, в лице буржуазных организаций, опираясь на буржуазную часть командного состава, ставила вопрос о захвате власти в свои собственные руки. Пролетариат и крестьянство России находили горячий отклик в рабоче-крестьянском составе армии, росла волна революционного движения пролетариата, росли волны революционных взрывов и среди рабоче-крестьян-

[1] Дыбенко — „Мятежники“, стр. 16.

ского состава армии. Буржуазия, стремясь к победоносному окончанию войны, поставила под ружье почти все взрослое население страны, призвала под ружье миллионные массы пролетариата и крестьянства, для которых в процессе войны постепенно выкристаллизовывались истинные цели рабоче-крестьянского движения: уничтожение господства дворянства и буржуазии, уничтожение войны и разрухи, борьба за освобождение пролетариата и крестьянства.

НА ПОДСТУПАХ К ФЕВРАЛЮ.

Приближение революционного взрыва было уже очевидно внимательно следящим за событиями русской жизни уже в пятнадцатом году. События января и февраля месяцев семнадцатого года проходят под знаком приближающейся революции. В оборонческих и связанных с ними кругах была мысль приурочить большое выступление рабочих ко дню открытия Государственной думы в середине февраля. Мысль эта встретила резкий отпор со стороны интернационалистических организаций, и рабочие не пошли за оборонцами. Но тут интересно отметить, что перспектива такого выступления рабочих страшно напугала буржуазию. Буржуазия отлично понимала, что революции ей не избежать, но буржуазия боялась и не желала массового выступления пролетариата. Поэтому, как только вопрос о массовой демонстрации петроградского пролетариата стал в порядок дня, буржуазия присоединила свой голос к голосу петроградского командующего войсками Хабалова, угрожавшего и уговаривавшего рабочих не принимать участия в этой демонстрации. Милюков, фактический руководитель и глава буржуазной России, поместил в газетах призыв к рабочим „не принимать участия в демонстрациях 14 февраля и оставаться в этот день спокойными". По толкованию Милюкова, только спокойствием рабочие „расстроят планы своих врагов и лучше всего поддержат своих друзей". Один призрак революции так пугал Милюкова, что он употреблял все свое красно-

речие на то, чтобы отговорить рабочих от поддержки Государственной думы. „Сознательность отношения рабочих кругов к тому тяжелому моменту, который мы переживаем, дает мне надежду, что мой предостерегающий голос будет услышан, и коварный замысел не удастся".

Это выступление Милюкова чрезвычайно интересно исторически и политически: для буржуазии рабочая революция не что иное, как „коварный замысел". И представители буржуазии в Государственной думе больше всего боятся, чтобы эта Дума не стала органом восстания. И это делает та самая Дума, которая в послефевральский период русской революции громко заявляла о своей претензии на власть и усиленно доказывала всем и каждому, что она именно и является творцом и организатором русской революции.

Демонстрация 14 февраля не удалась, она не состоялась, но революционное брожение в рабочих рядах не улеглось, а, наоборот, усиливалось и росло. Оно охватывало все большие массы Петрограда и, наконец, стихийно хлынуло на улицу. С первых же шагов рабочего движения в конце февраля резко выявились и обнаружились его отличительные черты. Это было прежде всего огромное стихийное движение рабочего класса, охватившее все слои петроградского пролетариата сверху донизу. Оно отличалось чрезвычайным упорством и носило вполне определенный политический характер.

САМОДЕРЖАВИЕ И „СОЮЗНИКИ" В ДНИ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

О беспорядках в Петрограде Александра Федоровна сообщила царю в письме от 24-го февраля. В ее оценке это были просто выступления, вызванные недостатком хлеба. Дальше она повысила классификацию начавшегося движения и 25-го характеризовала его уже как хулиганское движение. 24 царица писала: „Вчера были беспорядки на Васильевском острове и на Невском, потому что бедняки брали приступом булочные. Они

вдребезги разнесли Филиппова и против них вызывали казаков... Я надеюсь, что Кедринского (Керенского) из Думы повесят за его ужасную речь, это необходимо (военный закон, военное время) — и это будет примером. Все жаждут и умоляют тебя проявить твердость". 25-го февраля, характеризуя беспорядки в столице, царица писала: „Хулиганское движение, мальчишки и девчонки бегают и кричат, что у них нет хлеба просто для того, чтобы создать возбуждение, — и рабочие, которые мешают другим работать. Если бы погода была очень холодная, они все, вероятно, сидели бы по домам. Но это все пройдет и успокоится, если только Дума будет хорошо вести себя". 26-го Александра Федоровна опять возвращалась к вопросу о беспорядках в своем письме к Николаю II. „Вся беда от этой зевающей публики, — писала она. — В городе дела вчера были плохи, произведены аресты 120 — 130 человек. Главные вожаки и Лелянов привлечены к ответственности за речи в Городской думе. Министры и некоторые правые члены Думы совещались вчера вечером. Калинин[1] писал в 4 часа утра о принятии строгих мер, и все они надеются, что завтра все будет спокойно. Те хотели строить баррикады и т. д. В понедельник я читала гнусную прокламацию".

О положении в Петрограде Николай II узнал не только из писем от Александры Федоровны, но из тех телеграмм и заявлений, которые посылались в ставку представителями старой власти и буржуазии. В ответ на эти заявления Николай II вместо уступок, о которых просила его буржуазия, вместо передачи власти в руки ответственного министерства, послал приказ „принять самые решительные меры для подавления революционного движения и бунта среди некоторых войсковых частей петроградского гарнизона". В этой телеграмме Николай предоставлял диктаторские права председателю Совета министров Голицыну. Николай не только не шел на какие-либо уступки, но собирал силы для подавления движения в Петрограде. 27-го февраля Нико-

[1] Под этой фамилией в письме фигурирует Протопопов. Прим. ред.

лай лично сообщил генералу Иванову о назначении последнего главнокомандующим петроградским округом. По словам Иванова, в показаниях, данных следственной комиссии Временного Правительства, это назначение произошло таким образом: „После обеда государь мне говорит: «Я вас назначаю главнокомандующим петроградского округа. Там в запасных батальонах беспорядки и заводы бастуют»“. Получив такое назначение Иванов, как он сообщает, в ночь с 27-го на 28-го опять разговаривал с Николаем, указав ему на то, что для успеха его миссии необходимо наладить продовольственное дело и обеспечить жителей продовольствием. На это Николай II, как передает генерал Иванов в своих показаниях, усилил те полномочия, которыми был наделен генерал, как главнокомандующий. Государь говорит: „Да, да, хорошо“ и потом добавил: „Пожалуйста, передайте генералу Алексееву, чтобы он поддерживал председателя Совета министров, чтобы все требования генерала Иванова исполнялись и прибавил «беспрекословно». Я тогда оговорку сделал, что не для всех это требуется, а только для четырех министров, но не успел я договорить, как он повторил еще более определенно, чтобы все требования исполнялись“ [1].

Назначение Иванова не ограничилось только разговорами, Иванов получил в свое распоряжение войска, с которыми и пытался двинуться к Петрограду. В его распоряжение должны были быть даны войска с фронта, при чем старались обеспечить генерала лучшими войсками, подбирая для него преданные части, части, на которые можно было надеяться, и старались поставить во главе отдельных отрядов испытанных генералов. Начальник штаба верховного главнокомандующего лично передал командующему начальниками штаба Северного фронта генералу Данилову приказание о назначении генерал-адъютанта Иванова главнокомандующим петроградского военного округа и распорядился отправить с северного фронта на Петроград отряд из двух кавалерийских полков, двух пехотных полков и пулеметной команды. Такой же отряд для

[1] „Падение царского режима“, том V, стр. 317 — 318.

подавления движения в Петрограде должен был быть направлен с западного фронта. При этом начальник штаба верховного главнокомандующего сказал: „Нужно назначить прочных генералов, так как, повидимому, генерал Хабалов растерялся, и в распоряжение генерала Иванова нужно дать надежных, распорядительных и смелых помощников“ [1].

Отряд генерала Иванова до Петрограда не дошел. Во-первых, как рассказывает сам генерал Иванов, он сам в виду неопределенности положения не хотел вводить отряд в город. „Если войска верны, то будет кровопролитие, если войска не верны, то лезть будет глупо“, — объяснял генерал Иванов следственной комиссии Временного Правительства свое поведение под Петроградом, но ключ к нему заключался в том, что уже на станции Дно генерал Иванов убедился, что все войска, не те, которые шли с ним, а те, которые стояли под Петроградом и вокруг Петрограда, на станции Дно, Вырица, в Царском Селе, Бологое, все эти войска перешли на сторону революции. Из самого Царского Села Иванову пришлось уйти, так как батальон гвардейского стрелкового полка и тяжелый дивизион с пулеметами двинулись на вокзал с целью выбить оттуда Иванова. Иванову с его войсками пришлось отступить, не дойдя до Петрограда. Он ушел в Вырицу и там остался, так как средств передвижения у него не было. Третьего марта он получил телеграмму с приказом возвращаться назад, и на его место должен был быть прислан Корнилов. С большими трудностями Иванову 3 марта после ряда приказов и телеграммы Родзянко, приказывавшего возвратиться в Могилев, удалось выбраться из Вырицы.

В то время, как генерал Иванов странствовал со своими войсками, остатки старой власти и в Петрограде и в ставке пробовали спасти свое положение. Первое проявление народного восстания, восстания солдат и рабочих для них было неожиданным, несмотря на то, что к революционному выступлению они давно и по своему тщательно готовились. В первый

---

[1] Шляпников, — „Семнадцатый год“, кн. 2, стр. 201.

момент, как уверяет председатель Совета министров князь Голицын, они даже не поняли, с чем, в сущности говоря, они имеют дело. „Сначала я думал, — говорил Голицын на следственной комиссии,—что это просто уличные беспорядки, которые могут сами собой прекратиться". Для прекращения таких беспорядков был собран ряд заседаний Совета министров. 26-го февраля было заседание Совета министров в Мариинском дворце. На одном из этих заседаний было решено убрать Протопопова и назначить вместо него другого генерала, способного справиться с начавшимся революционным движением. Более подробные сведения о заседаниях Совета министров в дни Февральской революции дал в своих показаниях военный министр генерал Беляев. По его словам заседания происходили 25-го, 26-го и 27-го февраля на квартире председателя Совета министров. На заседании 25-го, в субботу, обсуждался вопрос, что предпринять в связи с начавшимся революционным движением. Было высказано желание войти в соглашение с Государственной думой и найти,—как заявил Беляев,—так сказать, почву, на которой можно было понять друг друга. Для этого было решено, что в воскресенье, 26-го, министр иностранных дел Покровский и министр земледелия Риттих поговорят с членами Думы и выяснят с ними почву для соглашения. 26, в воскресенье, на заседании Совета министров были доложены результаты переговоров с представителями Государственной думы. Думцы выставили требование отставки всего Совета министров и создания кабинета доверия. После обсуждения этого заявления Советом министров была послана Николаю II в ставку телеграмма. В этой телеграмме указывалось, что необходимо принять предложение, выдвинутое Государственной думой: ответственность министров перед председателем Совета министров и назначение председателем Совета министров лица, пользующегося полным доверием императора.

Деятельность петроградских представителей власти не ограничивалась тем, что они заседали и пробовали столковаться с самодержавием и частью с буржуазией, но они пробовали и организовать сопротивление рево-

люции. С этой целью 27-го февраля в Петроград был вызван великий князь Михаил, который вел переговоры стороны с представителем буржуазии, в лице Родзянко, и с представителем союзников в лице Бьюкенена.

Великий князь пробовал столковаться и непосредственно с Николаем II. 27-го на заседании Совета министров присутствовал великий князь. После заседания Совета министров великий князь Михаил Александрович, председатель Совета министров князь Голицын, Родзянко, присутствовавший здесь, Крыжановский и военный министр Беляев ушли в другую комнату, где обсуждался вопрос о том, какую телеграмму пошлет Николаю II великий князь. В этой телеграмме считали нужным указать, что необходимо, чтобы Совет министров вышел в отставку. Затем, как рассказывает Беляев,—„Великий князь со мной отправился на квартиру военного министра, чтобы по телеграфу непосредственно передать начальнику штаба верховного главнокомандующего. Мы, кажется, приехали часов в девять. Пока соединяли, пока Алексеев подошел к аппарату, одним словом великий князь послал такую телеграмму, что события очень серьезные, необходимо, чтобы вышел в отставку весь Совет министров и чтобы был назначен председатель Совета министров, который сам избрал бы себе министров, при чем он сказал, что может быть его величество уполномочит его сейчас же это объявить". Со своей стороны в качестве премьер-министра великий князь предлагал Львова. По словам Беляева, на эту телеграмму через полчаса или через час пришел ответ от Николая II: „Благодарит за внимание, его величество выедет завтра и сам примет решение" [1]. Таким образом попытка великого князя столковаться и с буржуазией и с самодержавием и добиться уступок не увенчалась успехом. В организации сопротивления тоже принимал энергичное участие великий князь Михаил, не терявший до последней минуты надежды на то, что позиции самодержавия в виде конституционной монархии удастся отстоять. 27-го фе-

[1] „Падение царского режима", том 2, стр. 242.

враля, т.-е. в тот самый день, когда великий князь вел по прямому проводу переговоры со ставкой и с Николаем II, он вел также переговоры и с английским послом Бьюкененом, стараясь выяснить отношение Англии к провозглашению в России конституционной монархии. 27-го февраля великий князь еще надеялся, что Николаю II удастся пробиться в Петроград. По словам Бьюкенена, великий князь пригласил его к себе и сообщил, что надеется, что Николай прибудет в Царское Село еще сегодня около 6 часов вечера. Беседа с Бьюкененом велась великим князем до его совещания с председателем Совета министров, Родзянко, генералом Беляевым, до попытки самолично вступить в переговоры с Николаем II. Михаил Александрович говорил Бьюкенену, что по его мнению „Родзянко должен представить для подписи его величеству манифест, дарующий конституцию и уполномачивающий Родзянко избрать членов нового правительства, и что сам он, равно как и великий князь Кирилл Владимирович, дали бы свои подписи под таким манифестом с целью подкрепить позицию Родзянко. Его величество сказал, что он надеется увидеть министра вечером, и спросил меня, не пожелаю ли я чего-нибудь сказать. Я ответил, что попросил бы его только умолить императора от имени короля Георга, питающего столь горячую привязанность к его величеству, подписать манифест, показаться перед народом и прийти к полному примирению с ним“ [1].

Это сообщение Бьюкенена интересно тем, что указывает на то, что буржуазия и переходящие на сторону буржуазии обломки старой династии шли в контакте с представителями союзников. Этот отрывок указывает, что буржуазия думала, что не все позиции ее проиграны в этот момент и что ей удастся овладеть движением. Попытки со стороны буржуазии и части дворянства в лице правительственных группировок овладеть движением делались в февральские дни неоднократно. Эти попытки делались в первые дни одинаково, как представителями старой власти, так

[1] Бьюкенен — „Мемуары дипломата“, стр. 180.

и пытающейся опереться на нее в эти дни буржуазией. Беляев указывает, что в воскресенье к нему обратился Родзянко с просьбой принять меры против растущего революционного движения и предложил с целью рассеяния толп вызвать пожарных, чтобы они обливали демонстрантов водой. Правительственный аппарат в Петрограде пытался связаться с идущими с фронта войсками генерала Иванова. Генерал Беляев указывает, что в момент своего сиденья с войсками в адмиралтействе генерал Иванов, идущий к Петрограду, вызвал к телефону по прямому проводу генерала Хабалова. Иванову было сообщено о положении в Петрограде, и его ожидали к 11 часам 1 марта. В организации обороны от наступающей революции принимал энергичное участие великий князь Михаил, но он принимал участие и в выработке стратегического плана обороны. Между руководящими обороной от революции генералом Хабаловым и Зенкевичем, вечером 27-го февраля занявшими Зимний дворец, шел спор, где держаться — в адмиралтействе или в Зимнем дворце. Преимущество адмиралтейства было в том, что оно давало возможность держать под обстрелом подступы от трех вокзалов, обстреливать Невский проспект, Гороховую и Вознесенский проезд. Во время этого спора во дворце очутился великий князь, который тоже высказал свое мнение. Как рассказывает генерал Хабалов, — „совершенно случайно приехал во дворец великий князь Михаил Александрович... Великий князь также высказался, что лучше не занимать дворца". Мнение великого князя решило дело. Пред генералами встал вопрос, куда отступать. Была мысль занять Петропавловскую крепость. Путем телефонного разговора с помощником коменданта Петропавловской крепости Хабалову удалось выяснить, что крепость не занята, но пройти к крепости без боя не удастся. Не располагая достаточными силами, решили боя за овладение Петропавловской крепостью не вести и занять адмиралтейство. В ночь с понедельника на вторник, с 27-го на 28-ое февраля, адмиралтейство было занято оставшимися в руках правительства в Петрограде войсками. Пехота и пулеметы были размещены во

2-м этаже, а артиллерию оставили на дворе; готовились таким образом к обороне. Однако, к обороне по словам Хабалова, совершенно не были способны: не было провианта, не было снарядов, не было сена, чтобы кормить лошадей. В адмиралтейство заперлось около 1½ тысяч человек. Морское министерство, опасаясь подвергнуть адмиралтейство осаде и обстрелу, потребовало от остатков правительственных войск очистить адмиралтейство. Хабалов указывает, что в связи необходимостью очистить адмиралтейство, возникла мысль, не попробовать ли пробиться из города. Был собран совет. Порядка, как рассказывает в тот момент Хабалов, было очень мало. „Советчиков было очень много, командиров тоже, может быть слишком много или слишком мало. В совете было решено так: сложить все оружие в самом здании адмиралтейства, а самим выйти обезоруженными“ [1]. Так и было поступлено. В последний момент у сторонников династии Романовых в Петрограде оказалось всего лишь два орудия и 80 снарядов. Сложив оружие, войско разошлось, не сдаваясь, как описывает этот последний момент генерал Хабалов: „просто разошлись постепенно, оставив орудия; сдачи не было. Кому же сдаваться? Сдаться можно, если бы были войска, а тут кому было сдаться? Сдаться было некому, но и выйти вооруженными, так как стреляли, нельзя было“ [2]. Монархия таким образом развалилась сама собой.

В последних минутах царской монархии энергичное участие принимали союзники — послы Франции и Англии. В Петрограде они были все время в курсе дела. С ними вел беседу великий князь Михаил, к ним приехал представитель от Родзянки, на фронте военный представитель от союзников принимал тоже энергичное участие в событиях. Представитель союзников с одной стороны считал, что монархия в лице Николая Романова должна пойти на уступки и провозгласить конституционную монархию. Для представителей союзников самое главное было создать такой

---

[1] „Падение царского режима“, том I, стр. 205—206.
[2] „Падение царского режима“, том I, стр. 206.

строй, который обеспечивал бы безболезненное продолжение войны. Эти мысли развивал в Петрограде Бьюкенен Михаилу Александровичу, это же заявил на фронте особым письмом Николаю II представитель Англии генерал Вильямс. Генерал Вильямс 1 марта обратился к Николаю II с письмом, в котором указывал, что, по его мнению, для Николая „настало время призвать народ ваш помочь Вам нести ту громадную тяжесть, которая лежит на ваших плечах". По мнению Вильямса, помощь эта должна была заключаться в создании свободы слова, необходимо, как говорил он, дать отдушину народному настроению. „Свобода слова, — писал генерал Вильямс, — в парламенте или Думе, казалось бы, могла бы служить этой отдушиной", через которую народ будет знать, что он может высказать государю свои чувства при посредстве своих избранников. Такие же настроения развивались и в Петрограде послами Англии и Франции. 11 марта по новому стилю (26 февраля) Палеолог встретился с лидером кадетской партии Маклаковым, который указал ему, что события растут и развиваются. Палеолог в своих воспоминаниях говорил, что на это сообщение он заявил лишь одно: „Я умоляю вас не забывать только об элементарных обязанностях, которые налагает на Россию война". Представитель кадетов обещал. „Вы можете положиться на меня, — сказал, по словам Палеолога, — Маклаков" [1].

В течение первых дней революции, 26—27-го, представители Англии и Франции посещали министерство иностранных дел. 27-го они приходили два раза. 27-го во время посещения министра иностранных дел Покровского Палеолог сказал ему: „В таких серьезных обстоятельствах представитель союзной Франции имеет право подать императорскому правительству совет, касающийся внутренней политики". По мнению Палеолога, как он это формулировал Покровскому, „немедленное назначение министерства, внушающего доверие Думе, мне кажется более чем когда-либо необходимым;

---

[1] Палеолог — „Царская Россия накануне революции", стр. 339.

поэтому нельзя больше терять ни одного часа“ [1]. 28-го февраля, судя по запискам Палеолога, к нему обратился представитель Родзянко с запросом о том, как он смотрит на события. На это посол Франции сказал: „В качестве посла Франции меня больше всего озабочивает война. Итак я желаю, чтобы влияние революции было по возможности ограничено и чтобы порядок был поскорее восстановлен. Не забывайте, что французская армия готовится к большому наступлению и что долг обязывает русскую армию сыграть при этом свою роль“. — „В таком случае вы полагаете, что следует сохранить императорский режим?“ — „Да, но в конституционной, а не в самодержавной форме“. — —„ Николай II не может больше царствовать; он никому больше не внушает доверия, он потерял всякий престиж. К тому же он не согласился бы пожертвовать императрицей“. — „Я — продолжает Палеолог — допускаю, чтобы вы переменили царя, но сохранили царизм. И я стараюсь ему доказать, что царизм самая основа России, внутренняя и незаменимая броня русского общества, наконец, единственная связь, объединяющая все разнообразные народы империи. Если бы царизм пал, будьте уверены, он увлек бы в своем падении русское здание. Он уверяет меня, что и Родзянко и Гучков и Милюков такого же мнения, что они энергично работают в этом направлении, но что элементы социалистические и анархические делают успехи с каждым часом. Это еще одна причина, говорю я, чтобы поспешить“ [2].

Показания Палеолога намечают два периода в отношениях союзников к революции. Союзники и в ставке и в Петрограде употребляли все усилия на то, чтобы вынудить уступки со стороны Николая II и тем самым помочь осуществлению проведения требований буржуазии и части дворянства, примкнувшего к ней, с другой стороны, после того, как Николай II оказался глухим к требованиям Франции и Англии и российской буржуазии, союзники пытаются сформулировать свои требования оставшейся один на один с револю-

[1] Палеолог—„Царская Россия накануне революции“, стр. 342.
[2] Палеолог—„Царская Россия накануне революции“, стр. 349—350

цией буржуазии и настаивают в целях борьбы с растущим революционным движением пролетариата и крестьянства, в целях продолжения войны, на провозглашении в России конституции. Не добившись ничего от Николая, не сумевшего удержаться на престоле, союзники все же не бросают его на произвол судьбы. В ставке среди союзных военных миссий возникает мысль, после отречения Николая, проводить его в Царское Село. Это предложение в письменном виде было изложено Алексееву и отклонено им. В то же самое время и между союзниками и осколками царской монархии в первые дни марта велась беседа и о дальнейшей судьбе династии Романовых. Генерал Вильямс, военный представитель Англии, записал свой разговор с матерью Николая II Марией Федоровной и великим князем Александром Михайловичем. В этой беседе обсуждался вопрос об отъезде Николая. Уже до беседы, как заявил Вильямс Марии Федоровне, он сам телеграфировал своему правительству относительно возможных планов государя отправиться в Англию. Союзники думали перетянуть Николая в Англию; в то же самое время они, считаясь с уже совершившимся фактом революции, пытались принять участие в укреплении власти буржуазной части Временного правительства и в особенности тех остатков старой династии, которым Николай, в момент отречения, передал власть. Союзники приветствовали назначение главнокомандующим великого князя Николая Николаевича, сделанное Николаем II в момент отречения, и настаивали на скорейшем приезде Николая Николаевича в ставку. 5-го марта представители военных миссий союзников послали главнокомандующему армиями фронта телеграмму, в которой приветствовали назначение великого князя Николая Николаевича главнокомандующим всей армией и флотом и заявляли, что они сохраняют „полную уверенность в окончательную и близкую победу наших армий, направленных против общего врага“ [1].

---

[1] „Красный Архив“, том XVI, стр. 49—50—51.

Таким образом союзники играли энергичную роль и принимали оживленное участие в Февральской революции. В первый момент революции они пробовали, вынудив уступки у Николая II, помочь проведению в жизнь программы прогрессивного блока и этим самым обеспечить победоносное окончание войны. После того, как Николай II оказался также неспособным к сопротивлению, как он был неспособен к управлению, союзники поддерживают российскую буржуазию, идущую с ними в тесном контакте. Но и после свержения Николая II они не бросают его на произвол судьбы, а пытаются вывезти в Англию, сохранить ему и жизнь и свободу. Вслед за провозглашением Временного правительства в первые дни марта союзники вступают в переговоры с Милюковым, ставшим министром иностранных дел в первом Временном правительстве. Они настаивают, как рассказывает Бьюкенен в своих воспоминаниях, на необходимости сохранения великого князя Николая Николаевича в качестве верховного главнокомандующего „всего более способного держать армию в руках". По словам Бьюкенена своей задачей в тот момент, после отречения Михаила, они считали „поддержку и укрепление власти Временного правительства в его борьбе с советом. Последний разрушил армию своей социалистической пропагандой, и хотя большинство его членов высказывали себя сторонниками продолжения войны, но крайние левые его члены отстаивали мир во что бы то ни стало". Для союзников поддержка российского Временного правительства была необходима, поскольку Франция и Англия намеревались добиться продолжения войны. Российская буржуазия тоже стремилась к победному окончанию войны, и для нее тоже было необходимо сохранение союзных отношений. Вот почему попытка со стороны Бьюкенена и Палеолога взять с Временного правительства вексель в виде обещания соблюдать союзные договоры не встретила противодействия. По словам Палеолога первое совещание с Милюковым происходило 17-го марта (4-го марта по ст. стилю). В этой беседе Милюков заявил, что революция произошла помимо желания и воли буржуазии. „Мы не хотели

этой революции перед лицом неприятеля, — сообщил будто бы Милюков Палеологу, — я даже не предвидел ее; она произошла без нас по преступной вине императорского режима. Все дело в том, чтобы спасти Россию, продолжая войну до конца, до победы". В результате беседы Палеолог потребовал от Милюкова „чтобы Временное правительство не откладывало дальше торжественного заявления своей воли продолжать войну до конца и верности союзу". В ответ на настояние Палеолога Милюков заявил, что „все требуемые союзниками гарантии будут даны" [1]. Союзникам нужен был вексель от Временного правительства, что буржуазия в благодарность за поддержку будет продолжать войну, российской буржуазии нужна была поддержка со стороны союзников не только для победоносного окончания войны, но и для укрепления своего положения внутри России.

БУРЖУАЗИЯ В ФЕВРАЛЬСКИЕ ДНИ.

Как только, приблизительно с 23-го февраля, волны рабочего движения начинают разливаться по столице, представители буржуазии в лице Государственной думы обнаруживают энергичную деятельность,—направленную не к поддержке народного движения, не к приданию ему организованных форм, а к его прекращению и уничтожению. Родзянко лично объезжает город, пытается наладить продовольственный вопрос и экстренной выдачей недоданного хлеба прекратить и расстроить плотные ряды восставших рабочих. Для подавления начавшейся революции, по мнению буржуазии, нужно спешно реорганизовать правительственный аппарат и, удовлетворивши требования буржуазии, передать в ее руки власть. 26-го февраля из Таврического дворца Родзянко отправил царю телеграмму:

„Положение серьезное, в столице анархия, правительство парализовано, транспорт продовольствия и топлива пришел в полное расстройство, растет обще-

[1] „Палеолог. Царская Россия накануне революции", стр. 367—370.

ственное недовольство, на улицах происходит беспорядочная стрельба, части войск стреляют друг в друга, необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство, медлить нельзя, всякое промедление смерти подобно, молю бога, чтобы в этот час ответственность не пала на венценосца".

С этой телеграммы начинаются непрерывные переговоры и телеграммы Родзянки в Ставку и в Псков главнокомандующему северным фронтом о положении дел в Петрограде. Вслед за первой телеграммой царю Родзянко отправляет большую телеграмму главнокомандующему северным фронтом генералу Рузскому, указывающую ему на положение дел в Петрограде и намечающую необходимые, для спасения буржуазии и для благополучного выполнения ее интересов в войне, меры. Рузскому Родзянко писал: „Волнения, начавшиеся в Петрограде, принимают стихийный характер и угрожающие размеры, основы их—недостаток печеного хлеба и слабый подвоз муки, внушающий панику, но, главным образом, полное недоверие к власти, неспособной вывести страну из тяжелого положения... Война при таких условиях не может быть победоносно окончена, считаю единственным и необходимым выходом из создавшегося положения безотлагательное призвание лица, которому может верить вся страна и которому будет поручено составить правительство, пользующееся доверием всего населения"[1].

В тот же день, 27-го, Родзянко отправил другую телеграмму царю: „Положение ухудшается, надо принять немедленно меры, ибо завтра будет уже поздно, настал последний час, когда решается судьба родины и династии".

Уже из этих телеграмм видна вся позиция российской буржуазии в первые дни Февральской революции. Революции, массового движения она испугалась. Шульгин, член прогрессивного блока, бывший в Таврическом дворце с первой минуты революции, в своих

[1] „Архив Русской Революции", книга 3-я, стр. 247.

воспоминаниях дает картинное, острое, полное жгучей классовой ненависти описание первой встречи буржуазии с восстанием.

„Бесконечная, неисчерпаемая струя человеческого водопровода бросала в Думу все новые и новые лица... Но сколько их ни было — у всех было одно лицо: гнусно-животно-тупое или гнусно-дьявольски-злобное...

Боже, как это было гадко!.. Так гадко, что, стиснув зубы, я чувствовал в себе одно тоскующее, бессильное и потому еще более злобное бешенство...

Пулеметов!

Пулеметов—вот чего мне хотелось. Ибо я чувствовал, что только язык пулеметов доступен уличной толпе и что только он, свинец, может загнать обратно в его берлогу вырвавшегося на свободу страшного зверя...

Увы — этот зверь был... его величество русский народ...

То, чего мы так боялись, чего во что бы то ни стало хотели избежать, уже было фактом. Революция началась.

* * *

С этой минуты Государственная Дума, собственно говоря, перестала существовать. Перестала существовать даже физически, если так можно выразиться“ [1].

Это показание Шульгина дает точную картину положения буржуазии.

Революции не хотели, с ней боролись, ее стремились избежать. Восстание захватило, залило Думу, понесло ее с собой. Восстание ее уничтожило — так определяет положение и отношение Гос. думы в дни февральской революции националист и монархист член Гос. думы. Дума не руководила, не создавала и не организовывала революцию, наоборот, революция (рабочие, солдаты) захватила ее.

Думские лидеры, представители российской буржуазии всех оттенков и видов, при виде революции вспомнили лишь об одном—„Пулеметов“. Но пулеметов

---

[1] Шульгин.—„Дни“, изд. 2-ое, стр. 136.

в руках у буржуазии не было. Буржуазия думала, что они есть у самодержавия. Борьба с революцией толкала на сговор с самодержавием, на захват аппарата власти, на организацию сопротивления революции.

Буржуазия принимает в первый момент все меры к тому, чтобы легальным путем захватить в свои руки власть и с ее помощью раздавить народное движение. За спиной начинающегося рабочего движения буржуазия пытается столковаться с самодержавием. Родзянко не только занимался тем, что рассылал телеграммы в Ставку различным генералам, он попробовал провести в жизнь программу, которая намечалась среди заговорщиков в отдельных кружках буржуазии.

27-го февраля, рассказывает сам Родзянко, в Петроград прибыл великий князь Михаил Александрович. И вот между ним и председателем Государственной думы, самим Родзянко, его товарищем Некрасовым, секретарем Думы Дмитрюковым и членом Думы Савиным состоялось совещание, на котором великому князю заявили, что единственным средством спасти положение является выступление с его стороны, он „должен был явочным порядком принять на себя диктатуру над городом Петроградом, понудить личный состав правительства подать в отставку и потребовать по телеграфу по прямому проводу манифеста государя императора о даровании ответственного министерства. Нерешительность, как уверяет Родзянко, великого князя способствовала тому, что план этот не был приведен в исполнение“ [1].

Объяснение, данное Родзянкой позиции великого князя, не вяжется с фактами. Князь вел активную политику в эти дни. Осуществить предложение Родзянки на практике мешала не нерешительность, а недостаток сил. Великий князь пытался принять участие в военном сопротивлении революции, — пытался приобрести союзников. Об этом определенно говорят как показания ген. Хабалова на допросе в следственной комиссии, так и воспоминания английского посла Бьюкенена.

---

[1] Родзянко.—„Госуд. дума и февральская революция“, стр. 40.

Днем, 27-го февраля, после того как Государственная дума получила указ о своем роспуске, состоялся ряд совещаний членов Думы.

Шульгин в своих воспоминаниях упоминает о трех совещаниях под-ряд. Шидловским было собрано бюро прогрессивного блока, потом происходило заседание старейшин и, наконец, частное совещание членов Государственной думы. Собравшиеся думцы обнаружили полное бессилие и растерянность.

Бюро прогрессивного блока не пришло ни к чему. Организация, созданная для борьбы с революцией и для захвата власти в руки буржуазии, в момент революции оказалась бессильной, безвольной, почти безгласной. Революция шла — руководители буржуазии должны были решить, что делать. Шульгин пишет в своих воспоминаниях об этом заседании:

„Я не помню, что говорилось. Но помню, что никто не предложил ничего заслуживающего внимания... Да и могли ли предложить? Разве эти люди способны были управлять революционной толпой, овладеть ею?“ [1].

Вслед за заседанием бюро прогрессивного блока в кабинете у председателя Думы состоялось заседание старейшин. Перед столпами третьеиюньского режима встал вопрос: что делать? Дума была распущена приказом, продолжать заседания значило не повиноваться высшей власти. По словам Шидловского, на этом заседании выступил Некрасов (к. д., будущий член Вр. Прав.) с предложением установить военную диктатуру и передать власть популярному генералу. Некрасов выдвинул в диктаторы кандидатуру генерала Маниковского, начальника главнаго артиллерийского управления. По словам Шидловского: „Предложение это не было принято и даже не подвергалось голосованию, и частное совещание вынесло известное постановление о том, чтобы не разъезжаться и поручить избрание временного комитета совету старейшин“ [2].

Собрание решило указу о роспуске подчиниться, но членам Думы не разъезжаться и немедленно со-

---

[1] Шульгин.—„Дни“, изд. 2-ое, стр. 124.

[2] Шидловский.—„Воспоминания“, ч. II, стр. 52, 53, изд. в Берлине.

браться на частное совещание. Совещание это собралось в полуциркульном зале Таврического дворца. Его описание дано у Шульгина, и запись происходившего была напечатана в 153 № „Воли России“ за 1921 год.

Совещание открылось речью Родзянки, в которой он заявил: „Нам нельзя еще высказываться определенно, так как еще не знаем соотношения сил“. Перед думцами стояла задача: определить свое отношение к начавшейся революции. Шульгин описывает этот исторический и неповторимый для буржуазии момент, когда власть падала ей в руки.

„Родзянко доложил, что произошло... И поставил вопрос: «что делать?»“.

В ответ на это то там, то здесь, то справа, то слева просили слова взволнованные люди и что-то предлагали... Что?

Я не знаю. Не помню. — «Что-то...» Кажется, кто-то предложил Государственной думе объявить себя властью... Объявить, что она не разойдется, не подчинится указу... Объявить себя Учредительным собранием... Это не встретило, не могло встретить поддержки.... Кажется, отвечал Милюков... Во всяком случае, Милюков говорил, рекомендуя осторожность, рекомендуя не принимать слишком поспешных решений, в особенности, когда мы еще не знаем, что происходит и так ли это, как говорят, что старая власть пала, что ее больше нет, когда мы вообще еще не разобрались в обстановке и не знаем, насколько серьезно, насколько прочно начавшееся народное движение.

Кто-то говорил и требовал, чтобы Дума сказала, с кем она: со старой властью или с народом? С тем народом, который идет сюда, который сейчас будет здесь“ [1].

В прениях выступали Керенский, Шульгин и другие. Шульгин на этом заседании произнес программную речь, четко формулировавшую цели и надежды буржуазии; он указал на то, что может разделять восставших рабочих и солдат и Думу — буржуазию. Буржуазия ясно и отчетливо понимала, что с народным дви-

[1] Шульгин. — „Дни“, 2-ое изд., стр. 132.

жением ей не по дороге. „...Мы не можем, — сказал на этом заседании Шульгин, — быть солидарными с восставшей частью населения. Представьте, что восставшие пожелают окончить войну. Мы на это согласиться не можем".

В результате прений на этом заседании Думы решили образовать особый Временный Комитет.

27-го февраля создается Исполнительный Комитет Государственной думы, в него входят: Родзянко, Милюков, Дмитрюков, Ржевский, Шидловский, Некрасов, Львов, Шульгин, Караулов, Коновалов, Керенский и Чхеидзе. Этот Временный Исполнительный комитет Госуд. думы опубликовывает воззвание, целиком выясняющее его позицию и объясняющее, каким образом буржуазия могла решиться на такой шаг. В этом воззвании Временный комитет писал: „Временный Комитет членов Госуд. думы при тяжелых условиях внутренней разрухи, вызванной мерами старого правительства, нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка. Сознавая всю ответственность принятого ими решения, комитет выражает уверенность, что население и армия помогут ему в трудной задаче создания нового правительства, могущего пользоваться его доверием".

Таким образом, не для укрепления завоеваний революции, а для восстановления порядка решался комитет Госуд. думы на создание нового правительства. Это было актом самозащиты. Восстановление порядка— вот политическая программа буржуазии в то время, а восстановление порядка мыслилось ею, как передача власти в ее руки и выполнение трудящимися, солдатами и рабочими, ее приказаний и воли. Решившись заняться восстановлением порядка и выставив это как свою политическую программу, представители буржуазии откровенно сказали, что их вынудило на это, почему им пришлось отказаться от попыток столковаться за спиной народного движения с представителями старой власти. Мстиславский в своих воспоминаниях рассказывает очень интересную сценку о том, как после образования Временного комитета Госуд. думы его представители, в лице Родзянки, пытались захва-

тить в свои руки военное руководство восстанием в Петрограде, и, когда эта попытка встретила сопротивление, то, словно нехотя, выжимая из себя слова, заговорил Родзянко: „Временный комитет Государственной думы постановил принять на себя восстановление порядка в городе, нарушенного последними событиями. Насколько восстановление это в кратчайший срок необходимо для фронта, вы и сами должны понимать. Комендантом Петрограда назначается член Государственной думы полковник генерального штаба Энгельгардт". Энгельгардт при этих словах покраснел и, полуоборотом наклонив голову, не вставая, раскланялся.

Резко вмешался Соколов:

„Штаб уже сложился. Штаб уже действует. Люди подобрались, при чем тут полковник Энгельгардт? Надо предоставить тем, кто работает здесь с первой минуты восстания, самим решить, кто чем и кем будет командовать, тем более, что дело сейчас не в водворении порядка, а в том, чтобы разбить Хабалова и Протопопова. Тут нужны не назначенцы от высокого собрания, а революционеры. И потом совершенно недопустимо, чтобы Петроградский совет, являющийся в настоящее время единственной действительной силой, Совет революционных рабочих и восставших солдат, оказался совершенно отстраненным от им же созданного и его задачи осуществляющего штаба. Совет уже выделил в штаб группу своих членов; если Временному комитету угодно принять участие, — пожалуйста, но большинство в штабе, и большинство решающее, должно безусловно принадлежать Совету".

Энгельгардт краснел все больше и больше, офицеры заволновались. Но Родзянко, досадливо и попрежнему пренебрежительно морщась, грузно стукнул ладонью по столу:

„Нет уж, господа, если вы нас заставили впутаться в это дело, так уж потрудитесь слушаться".

Соколов вскипел и ответил такою фразою, что офицерство наше, почтительнейше слушавшее Родзянку, забурлило сразу. Соколова обступили и закричали в десять голосов.

Это чрезвычайно ценное показание. Оно ясно вскрывает, как сама Государственная дума, в лице своего руководителя и представителя, смотрела на свое участие в революции. В революцию она была втянута, революция захватила ее против ее воли. Но, принимая участие в революции, представители буржуазии, как это видно из приведенных у Мстиславского цитат, ставили себе вполне определенную цель — не укреплять революцию, а подавлять ее. Для них это была не революция, а нарушение порядка, грозящее ущербом насущнейшим интересам буржуазии, и если не удалось подавить революцию и восстановить порядок вооруженной рукой, то буржуазия пробовала теперь, захватив организационный аппарат в свои руки, обеспечить его введение другими способами.

Интересно в показаниях Мстиславского и то, какие социальные группы могли стать на помощь буржуазии. Это члены ее класса, занимавшие командные высоты в войсках. В своих воспоминаниях Родзянко цинично откровенно рассказывает о том, что побудило Государственную думу взять власть в свои руки: „Колебаться было уже поздно, да и невозможно, в виду поступавших тревожных известий о волнениях, начинавшихся в провинции".

Размах движения — вот что заставляло Государственную думу рвать с самодержавием... Но, если Государственная дума на это шла, то она шла на это с вполне определенной целью. И в воспоминаниях Родзянки и в воззвании Временного комитета Государственной думы цели эти выражены вполне определенно и ясно.

„Государственной думе,—пишет Родзянко,—ничего не оставалось другого, как взять власть в свои руки и попытаться хотя бы этим путем обуздать нарождающуюся анархию и создать такую власть, которую бы послушались все и которая способна была бы прекратить нарождающуюся беду".

Таким образом, буржуазия была поднята к власти волнами восставшего народа. В первый момент она надеялась путем закулисных интриг вырвать уступки у самодержавия и с ним вместе подавить народное движение.

Временный комитет занялся переговорами с советом министров. Совет министров, по словам кн. Львова, ответил: „На мятеж совет министров отвечает только оружием", — а в то же время волны революции заливали армию, вопрос о боеспособности армии, вопрос о войне ставился ребром. На-ряду с переговорами с представителями старой власти в Петрограде буржуазия пыталась войти в непосредственную связь с главой старой династии. Родзянко и Шидловский сделали попытки отправиться к Николаю II, но попытка получить для этой поездки разрешение Совета кончилась неудачей. Совет Рабочих Депутатов, рассказывает Шидловский, соглашался на поездку Родзянко при двух условиях:

„Во-первых, с ними должен поехать и Чхеидзе, против чего мы совсем не возражали, а во-вторых, Совет соглашался только на первый абзац нашего текста, а второй отвергал совершенно (Совет соглашался на безусловное отречение, а не на передачу власти). Тогда Родзянко и я заявили, что такого отречения мы государю не повезем, так как считаем невозможным предложить ему бросить престол на произвол судьбы, не указывая при этом преемника или не давая указаний насчет того, как поступить с ним" [1].

Поездка Родзянки и Шидловского не состоялась, но буржуазия слишком большое значение придавала своим переговорам с падавшей династией, чтобы от них отказаться. Буржуазия, стремясь обуздать и подавить революцию, стремилась к сохранению династии. Шульгин дополняет рассказ Шидловского о неудачной попытке поездки Родзянки; он рассказывает, что, когда думцы узнали об этом от Родзянки, то выступил Гучков, который сказал: „Надо действовать тайно и быстро, никого не спрашивая... ни с кем не советуясь... надо поставить их перед свершившимся фактом... надо дать России нового государя..."

Гучков и Шульгин убежали из Петрограда тайком от Совета Рабочих Депутатов, но с ведома и согласия думского комитета, — цель их поездки была выяснена

[1] Шидловский.—„Воспоминания", ч. II, стр. 84.

и одобрена буржуазией. С этой целью думский комитет думал перетянуть бывшего царя в Царское Село под Петроград и для этого же добивался пропуска в Псков Шульгина и Гучкова. Следы проведения в жизнь решения совещания, одобрившего и мысль и план Гучкова, имеются в мемуарной литературе. В Лугу явился представитель Временного комитета Госуд. думы и здесь пытался добиться пропуска через Лугу царского поезда и Гучкова и Шульгина. Переговоры в Луге один из мемуаристов излагает в таких чертах: „Лебедев перешел ко второму и самому горячему вопросу, касавшемуся проезда через Лугу царского поезда. Он сказал, что через несколько часов из Петрограда выедут в Псков члены Думы Шульгин и Гучков, которым поручены переговоры с государем, и результатом этих переговоров явится приезд государя в Царское Село, где будет издан ряд важнейших государственных актов. Поэтому необходимо обеспечить путь следования царя, и военный комитет должен дать гарантии, что царский поезд не будет задержан в Луге и благополучно проследует дальше. Военный комитет ответил Лебедеву, что никто не будет поставлен в известность относительно истинной цели поездки Николая II в Царское, и не зная, как к этому отнесутся петроградские солдаты и рабочие, он отказывался дать сейчас какие-либо гарантии...“ [1]

Представителям Думы Гучкову и Шульгину все же удалось пробраться в Псков к Николаю II, и хотя их встреча и не имела актуального значения для революции, а передача беседы апокрифична, все же общий тон ее гармонирует с общей обстановкой и деятельностью буржуазии в февральские дни. Встреча состоялась 2-го марта в 10-ть часов вечера. Представители буржуазии отчетливо понимали, что сил для сопротивления у старой власти уже нет и что движение носит массовый стихийный характер.

„... Движение, — сказал будто бы Гучков Николаю, — вырвалось из самой почвы и сразу получило анархический отпечаток, власти стушевались. Я отпра-

---

1 „Архив гражданской войны“, ч. II, стр. 33, 34.

вился к замещавшему генерала Хабалова генералу Занкевичу и спрашивал его, есть ли у него какая-нибудь надежная часть или хотя бы отдельные нижние чины, на которых можно было бы рассчитывать. Он мне ответил, что таких нет и все прибывшие части тотчас переходят на сторону восставших" [1].

„Пролетариат и армия шли рука об руку, буржуазия не могла с ними справиться сейчас, но ей необходима была почва для приближающейся борьбы. «В Думе, — сказал член Думы Шульгин царю, — это сумасшедший дом. Нам придется вступить в решительный бой с левыми элементами», а Гучков, развивая ту же тему, пояснил: «У всех рабочих и солдат, принимающих участие в беспорядках, уверенность, что водворение старой власти — это расправа с ними, а потому нужна полная перемена. Нужен на народное воображение такой удар хлыстом, который сразу переменил бы все»" [2].

Характеризовав положение, буржуазия сорвала с Николая II последнюю ставку, проведя через него назначение премьер-министром Львова.

Получив в свои руки акт об отречении Николая, буржуазия ухватилась за него обеими руками. Она придавала огромное значение этой в сущности нечего не стоящей бумаге. Он узаконял программу буржуазии назначением Львова премьером. Акт тщательно прячется. Гучков передал акт Лебедеву, тот Ломоносову, и, наконец, документ был спрятан среди старых газет в министерстве путей сообщения. О путешествии акта от Гучкова до старых газет подробно рассказывает в своих воспоминаниях Ломоносов. Он привез его в министерство путей сообщения, он прятал его там, он принимал участие в подготовке к обнародованию акта. Вот как он описывает судьбу акта об отречении Николая II в недрах мин. путей сообщения.

— „Грамоту ищут по всему городу. Возможно, и сюда придут. Где она? — спросил Добровольский.

— У меня в кармане.

---

[1] „Научные Известия", сборник первый, стр. 139.
[2] „Научные Известия", сборник первый, стр. 141.

— Это не годится. Надо спрятать.

— Положить в несгораемый шкаф. Приставить караул.

— Нет, положить в самое незаметное место... и не в этой комнате... Конечно, сохранение этой грамоты или ее уничтожение положения не изменит, но все-таки... во-первых, отречение освобождает войска от присяги... во-вторых, ее уничтожение окрылит черные силы.

— А не снять ли нам, Анатолий Александрович, с акта несколько копий?

— Пожалуй, но только, чтобы никто ничего не знал. Составим Комитет спасения „пропавшей грамоты„ из трех.

— Нет, из четырех. Лебедев ее спас.

— Правильно, позовите его сюда.

Пришел Лебедев, ему объявили положение, и мы с ним отправились снимать копию в секретарскую. А комиссары начали принимать доклады разных учреждений министерства. Лебедев диктовал, я писал. Когда копия была готова, я позвал комиссаров в секретарскую. Мы все вчетвером заверили копию, а подлинник спрятали среди старых запыленных номеров официальных газет, сложенных на этажерке в секретарской.

— Ну, теперь по копии можно начать печатание,— сказал я.

— Нет, надо спросить Думу,— возразил Добровольский.

— Зачем? Ведь, чем скорей грамота будет напечатана, тем скорее весь этот шум прекратится. Да и при том набор, корректура, печать — все это потребует времени. А кроме того, наборщики ждут.

— Нет, надо спросить.

Через несколько минут последовал приказ: „не печатать, но наборщиков не распускать»“ [1].

Акт об отречении не понадобился никому, лишь при составлении акта об отречении Михаила буржуазные крючкотворы ставили вопрос, был ли Михаил

---

[1] Ломоносов.—„Воспоминания“, стр. 57, 59, 60.

царем до отречения или нет. Отречение Михаила — последний акт исчезающей навсегда монархии. Буржуазия последний раз взвесила свои силы и, уступая напору пролетариата и крестьянства, отказалась от немедленного провозглашения монархии. При отречении Михаила присутствовал весь цвет буржуазии — Временный комитет Государственной думы и будущий состав Вр. прав. На этом собрании лишь два голоса — Милюков и Гучков — высказались за сохранение монархии. Описание этого собрания даны у Шульгина, Милюкова, Набокова. Судя по описанию Милюкова, ему пришлось говорить два раза, защищая и настаивая на сохранении монархии. Милюков доказывал, что вне Петрограда можно собрать воинскую силу, необходимую для защиты великого князя, Милюкова поддерживал Гучков. Оба они заявили, что в случае принятия решения, несогласного с их предложением, они в правительство не войдут. Шульгин в таких красочных тонах изображает последнее выступление Милюкова:

„Головой — белый, как лунь, сизый — лицом (от бессонницы), совершенно сиплый от речей в казармах и на митингах, он не говорил, а каркал хрипло...

— Если вы откажетесь... Ваше высочество... будет гибель... Потому что Россия... Россия теряет... свою ось... Монарх... это — ось... Единственная ось страны... Масса, русская масса, вокруг чего... вокруг чего она соберется? Если вы откажетесь... будет анархия... хаос... кровавое месиво... Монарх — это единственный центр... Единственное, что все знают... Единственное общее... Единственное понятие о власти... пока... в России... Если вы откажетесь... будет ужас... полная неизвестность... ужасная неизвестность... потому что... не будет... не будет присяги... а присяга — это ответ... единственный ответ... единственный ответ, который может дать народ... нам всем... на то, что случилось... Это его — санкция... его одобрение... его согласие... без которого... нельзя... ничего... без которого не будет... государства... России... ничего не будет...

* *
*

Белый, как лунь, он каркал как ворон... Он каркал мудрые, вещие слова... самые большие слова его жизни...

И все же...

И все же он оставался тем, чем он был... Милюковым...

* *
*

Великий князь слушал его, чуть наклонив голову... Тонкий, с длинным, почти еще юношеским лицом, он весь был олицетворением хрупкости...

Этому человеку говорил Милюков свои вещие слова. Ему он предлагал совершить: подвиг силы беспримерной...

* *
*

Что значит совет принять престол в эту минуту?

Я только-что прорезал Петербург. Стотысячный гарнизон был на улицах. Солдаты с винтовками, но без офицеров шлялись по улицам беспорядочными толпами...

А за этой штыковой стихией — кто? — Совет Рабочих Депутатов и „германский штаб — злейшие враги": социалисты и немцы.

* *
*

Совет принять престол обозначал в эту минуту:

— На коня! На площадь![1].

Милюковым монархия была интересна тем, что монархию защищал именно он — представитель российской буржуазии. Угроза Милюкова и Гучкова напугала представителей буржуазии. Гучковым они еще соглашались пожертвовать, но без Милюкова обойтись не могли. Набоков передает, что Львов, В. Н., обратился к нему, как члену партии к.-д., с настоянием уговорить Милюкова.

---

[1] Шульгин.— „Дни", изд. 2-ое, стр. 239.

„Что Гучков уходит, — это не беда: ведь оказывается (sic!), что его в армии терпеть не могут, солдаты его просто ненавидят. А вот Милюкова непременно надо уговорить остаться. Это уж дело ваше и ваших друзей помочь нам", передает слова Львова Набоков [1].

Несмотря на настояния Милюкова и Гучкова, Михаил отказался от престола. Сил для принятия престола не было, собравшиеся на Миллионной лидеры буржуазии все время боялись, что восставшие рабочие и солдаты найдут их. Акт об отречении Михаила был написан Некрасовым, но был признан неудачным и отредактирован Набоковым и Нольде.

Этот акт буржуазия старалась использовать в своих классовых целях, учитывая и используя обстановку. В то же время буржуазия, отказываясь временно от монархии, старалась открыть дорогу к престолу членам династии Романовых.

История с отречением со стороны членов прогрессивного блока была одним из эпизодов осуществления на практике заговора против революции — каким являлась вся деятельность временного комитета Гос. думы и созданного им Временного Правительства. Набоков в своих воспоминаниях в таких чертах описывает настроение и тактику буржуазии в момент составления акта об отречении Михаила [2].

„Для того, чтобы найти правильную форму для акта об отречении, надо было предварительно решить ряд преюдициальных вопросов. Из них первым являлся вопрос, связанный с внешней формой акта. Надо ли было считать, что в момент его подписания Михаил Александрович был уже императором, и что акт является таким же актом отречения, как и документ, подписанный Николаем II? Но, во-первых, в случае решения вопроса в положительном смысле, отречение Михаила могло вызвать такие же сомнения относительно прав других членов императорской фамилии, какие в сущности вытекали и из отречения Николая II, с другой стороны, этим санкционировалось бы невер-

---

[1] „Времен. Правительство", стр. 27.

[2] Акт об отречении Михаила датирован 3 марта 1917 г.

ное предположение Николая II, будто он вправе был сделать Михаила императором. Таким образом, мы пришли к выводу, что создавшееся положение должно быть трактуемо так: Михаил отказывается от принятия верховной власти. К этому, собственно, должно было свестись юридически ценное содержание акта. Но по условиям момента, оказалось необходимым, не ограничиваясь его отрицательной стороной, воспользоваться этим актом для того, чтобы в глазах той части населения, для которой он мог иметь серьезное нравственное значение, — торжественно подкрепить полноту власти Временного Правительства и преемственную связь его с Государственной думой. Это и было сделано в словах: «Временному Правительству, по почину Государственной думы возникшему и облеченному всей полнотой власти». Первая часть формулы дана Шульгиным, другая — мною" [1].

Таким образом, при составлении этого акта, с одной стороны, старались оставить открытой дорогу к престолу другим членам семьи Романовых, с другой — усилить Временное правительство на счет правых группировок, отмежеваться от революции и, связав Вр. прав. с Думой, тем самым привлечь к нему и либерально-буржуазные группировки. Эти стороны акта оценил и Милюков. „Его этот текст удовлетворил, — пишет Набоков, — и, кажется, послужил окончательным толчком, побудившим его остаться в составе Временного правительства" [2].

Позиция буржуазии была определенной и выдержанной; все, что она делала, все, что она могла делать, было направлено против рабочих и крестьян. Сила в этот момент была у пролетариата и крестьянства, эта сила двигала буржуазией. Переговоры с царем Николаем II велись 2-го марта, но вопрос о судьбе царя для буржуазии стал ясен 27-го февраля: для нее было необходимо сохранить не персонального носителя власти, а самую форму власти. Народное движение заставило ее отказаться от этого.

---

[1] Набоков, „Времен. Правит.", стр. 33, 34.
[2] Набоков — „Врем. Прав.", стр. 36.

27-го уже окончательно выяснилось, что самодержавное правительство не может оказать никакого сопротивления наступившей революции и стихийно валится в пропасть. Развернувшуюся в Петрограде революцию самодержавие сначала просто не поняло, а потом, поняв, не нашло ни сил, ни средств для борьбы. 25-го февраля царица в своем письме к Николаю II охарактеризовала движение в Петрограде, как „хулиганское движение". А через два — три дня в руках правительства в Петрограде осталось не более 1 500 солдат при двух орудиях без снарядов. Войско это спокойно сложило свое оружие в Адмиралтействе и разошлось. Попытка буржуазии с помощью правительства легализировать свое положение, столковаться с ним за спиной народа и предпринять наступление на революцию не удалась. Революция, восставшие пролетариат и крестьянство, с одной стороны, и буржуазия, с другой, оставались один на один. Положение обязывало представителей буржуазии как-нибудь сорганизоваться и с помощью этой организации так или иначе удержать в своих руках власть и свое собственное положение.

В телеграммах и разговорах по прямому проводу, которыми обменивался Родзянко с представителями генералитета, стесненное положение буржуазии, плававшей среди безбрежного моря народной революции, отразилось очень ярко. 2 марта, например, Родзянко говорил Рузскому:

„Манифест запоздал (речь идет о манифесте об отречении), его надо было издать после моей первой телеграммы немедленно, о чем я просил государя императора. Время упущено, и возврата нет. Повторяю вам еще раз: народные страсти разгорелись в области ненависти и негодования... Молю бога, чтобы он дал силы удержаться хотя бы в пределах теперешнего расстройства умов, мысли и чувств, но боюсь, как бы не было еще хуже".

Представители буржуазии тщательно следили за настроением масс, и, уступая массовому напору, Родзянко, а за ним и другие представители буржуазии отказались от поддержки и защиты династии. „Дина-

стический вопрос поставлен ребром", передавал Родзянко Рузскому, и тут же добавляет, что и сам он опасается, как бы массовое народное движение не уничтожило и его самого. Под напором рабочей революции буржуазия отказалась от одного из своих требований. 3-го марта Родзянко сообщает опять тому же Рузскому, что вопрос о династии настолько обострился, что он просит не опубликовывать манифеста об отречении и передаче власти Михаилу.

„Вспыхнул неожиданно, — говорил Родзянко Рузскому,—для всех нас такой солдатский бунт, которому еще подобных я не видел и которые, конечно, не солдаты, а просто взятые от сохи мужики и которые все свои мужицкие требования нашли полезным теперь заявить. Только слышно было в толпе: «земли и воли», «долой династию», «долой Романовых», «долой офицеров», и начались во многих частях избиения офицеров. К этому присоединились рабочие, и анархия дошла до своего апогея. После долгих переговоров с депутатами от рабочих удалось прийти только к ночи, сегодня, к некоторому соглашению, которое заключается только в том, чтобы было созвано через некоторое время Учредительное собрание, для того, чтобы народ мог высказать свой взгляд на форму правления, и только тогда Петроград вздохнул свободно, и ночь прошла сравнительно спокойно... Провозглашение императором великого князя Михаила Александровича подольет масла в огонь, и начнется беспощадное истребление всего, что можно истребить, мы потеряем и упустим из рук всякую власть, и усмирить народное волнение будет некому. При предложенной форме возвращение династии не исключено и желательно, чтобы, примерно, до окончания войны продолжал действовать Верховный совет и ныне действующее Временное правительство. Я вполне уверен, что при таких условиях возможно быстрое успокоение, и решительная победа будет обеспечена" [1].

Этот документ в высшей степени ценен. Буржуазия, уступая напору народного движения, отступает

[1] „Архив Русской Революции", том 3-ий, стр. 266 — 267.

шаг за шагом, но, отступая, она все время думает о том, как бы уничтожить это движение, захватить его в свои ручи. Капитал, подгоняемый страхом, оставляет часть своих позиций, но, отказываясь от ряда своих требований и свертывая свои знамена, принимая участие в организации нового правительства, которое должно довести страну до Учредительного собрания и создать законченную систему новых отношений, он думает и заботится только о выполнении своих классовых целей, о сохранении своего господства. Буржуазия приняла участие в революции с целью подавить революцию и „восстановить порядок". Эта мысль о восстановлении порядка, т.-е. о закреплении своих классовых позиций, ни на минуту не покидает ее.

Во время переговоров с Исполнительным Комитетом Совета буржуазия выставила ряд требований, необходимых для сохранения ее господства. Для сохранения же и укрепления своего господства она принимала и другие меры, кроме **временных** уступок требованиям восставших рабочих и солдат. 2-го марта Родзянко телеграфировал Алексееву:

„Необходимо для установления полного порядка, для спасения столицы от анархии командировать сюда на должность главнокомандующего Петроградским военным округом доблестного боевого генерала, имя которого было бы популярным и авторитетным в глазах населения. Комитет Госуд. думы признает таким лицом генерала Корнилова" [1].

Не дожидаясь прибытия в Петроград Корнилова, вызванного с целью обуздания Петрограда и введения в нем „порядка", Временный комитет Госуд. думы назначает 2 марта своего главнокомандующего в столице.

Рядом с попытками захватить в свои руки командные высоты в Петрограде буржуазия в лице Временного комитета принимает ряд мер к захвату власти в провинции. 1-го марта Родзянко срочно посылает телеграмму в Москву московскому городскому голове

[1] „Архив Русской Революции", книга 3-я, стр. 264.

Челнокову, сообщая ему о происшедшем перевороте и заявляя, что власть принята Комитетом Госуд. думы.

Для буржуазии революция была делом чужим и враждебным, и не даром Станкевич указывает в своих воспоминаниях, что члены прогрессивного блока плакали по ночам в истерике. По словам Станкевича, „буржуазия в разговорах наедине ужасалась, содрогалась и чувствовала себя плененной враждебной стихией, идущей каким-то неведомым путем". Но представители буржуазии не только валялись в истерике, но и боролись за осуществление своих классовых интересов. Решающим фактором борьбы являлась воинская сила, и на овладение воинским аппаратом были направлены в первые дни все цели и стремления буржуазии. Вопрос об овладении войском был вопросом о судьбе революции, и вокруг этого вопроса разгорелась первая схватка между Советом Рабочих Депутатов и Временным комитетом Государственной думы.

Вопрос о войске был вопросом о судьбе революции, и буржуазия начала решительное наступление в борьбе за овладение войском. Родзянко произнес целый ряд речей к солдатам, в которых он указывал и призывал сохранять дисциплину и слушаться офицеров:

„Я — старый человек и обманывать вас не стану, слушайтесь ваших офицеров, они дурному вас не научат и будут распоряжаться в полном согласии с Государственной думой".

Вопрос о войске интересовал не одну буржуазию. По вопросу о войске занимали и особую, близкую буржуазии, позицию и меньшевики-оборонцы, они были даже против включения представителей от „солдат в Совет", не желая вносить „политики в армию", но эта предательская позиция была уничтожена самой восставшей солдатской массой, перешедшей на сторону рабочих и нашедшей себе центр в лице Совета. „После долгих колебаний, — пишет Шляпников, — в значительной мере под давлением солдат, было постановлено организовать при Совете Рабочих Депутатов «Солдатскую секцию». Солдатская же масса и бывшие среди них большевики решили и судьбу

войска, вырвав его из рук буржуазии изданием знаменитого приказа № 1".

Какое огромное значение придавала буржуазия этому приказу, показывает тот факт, что почти нет ни одного буржуазного мемуариста, не говорившего бы о нем с пеной у рта. Контр-революционная печать во всех странах и во все времена реставрационных попыток буржуазии отзывалась о нем с бешеной злобой, как об акте, „разрушившем" старую армию, т.-е. вырвавшем власть в ней из рук буржуазии.

Под сень Временного комитета Государственной думы собирались и буржуазные части войска. В Петрограде 10 марта состоялось собрание офицеров петроградского гарнизона, которое вынесло резолюцию — признать власть Исполнительного комитета Государственной думы впредь до созыва Учредительного собрания. Генералитет и командный состав пробовали поставить под знамена Временного комитета Государственной думы воинские части, сохранившиеся еще в их руках.

„1-го марта в Таврический дворец, — пишет в своих воспоминаниях полковник Перец, — приехал великий князь Кирилл Владимирович, его сопровождали адмирал, командующий гвардейским экипажем и эскорт чинов гвардейского экипажа. Великий князь прошел в Екатерининский зал, куда был приглашен председатель Государственной думы М. В. Родзянко. Обратившись к последнему, Кирилл Владимирович отрапортовал: «Имею честь явиться к вашему высокопревосходительству. Я нахожусь в вашем распоряжении, как и весь народ, я желаю блага России. Сегодня утром я обратился ко всем солдатам гвардейского экипажа, разъяснил им значение происходящих событий, и теперь я могу заявить, что весь гвардейский экипаж в полном распоряжении Государственной думы»".

М. В. Родзянко поблагодарил великого князя и, обратившись к окружавшим его солдатам, сказал:

„Я очень рад, господа, словам великого князя. Я верил, что гвардейский экипаж, как и все остальные войска, в полном порядке выполнят свой долг,

помогут справиться с собственным врагом и выведут Россию на путь победы".

Эта группировка сил вокруг Временного комитета Государственной думы, с одной стороны, и вокруг Совета, с другой, ставила в порядок дня вопрос о взаимоотношении между этими двумя резко противоположными по своей классовой сущности учреждениями. Вопрос о взаимодействии между Временным комитетом Государственной думы и Советом Рабочих Депутатов являлся в то же время вопросом реального соотношения сил. Цели, с которыми создались эти учреждения, были различны. Целью Временного комитета Государственной думы было, говоря грубо, оседлать революцию, использовать ее в интересах буржуазии. Цели Совета Рабочих Депутатов были прямо противоположны.

ПРОЛЕТАРИАТ В ФЕВРАЛЬСКИЕ ДНИ.

Первым днем рабочего движения в Петрограде можно считать 23-го февраля. В этот день бастовало 50 предприятий, и 87 534 пролетариев Петрограда приняли в нем участие. Движение росло со сказочной быстротой, и 24-го февраля в нем уже принимает участие 197 000 рабочих. 25-го в нем принимают участие уже 240 000 рабочих (цифры приблизительные — характерен процесс), и к вечеру этого дня Выборгский район Петрограда, населенный, главным образом, рабочими, всецело переходит в руки восставшего народа. Сообщение градоначальства с Выборгской стороной в этот день прерывается. 26-го движение продолжает расти, и к 5-ти часам дня 27-го во власти сторонников старого режима остаются лишь градоначальство, адмиралтейство, Зимний дворец, телефонная станция и Петропавловская крепость.

Рабочее движение этих дней с первого же своего возникновения обнаруживает необыкновенное упорство. На этот его упорный характер указывает целый ряд донесений посылаемых против рабочих, полицейских и войсковых частей.

„Забастовщики, — доносил один из районных приставов, — энергично разгоняемые нарядами полиции и вытребованными войсковыми частями, рассеиваемые в одном месте, вскоре собирались в других, проявляя в данном случае особое упорство".

Это донесение от 23-го февраля — момента начала движения. В одном из последних донесений констатируется также основная черта движения, при чем отмечается, что восставших рабочих не только не удается разогнать, но выступившая на улицу масса на выступление войск отвечает контр-выступлением.

„Во время беспорядков, — говорится в донесении за 26-ое февраля, — наблюдалось, как общее явление, крайне вызывающее отношение буйствовавших скопищ к воинским нарядам, в которые толпа, в ответ на предложение разойтись, бросала камнями и комьями сколотого с улиц льда. При предварительной стрельбе войсками вверх, толпа не только не рассеивалась, но подобные залпы встречала смехом. Лишь по применении стрельбы боевыми патронами в гущу толпы оказывалось возможным рассеивать скопища, участники коих, однако, в большинстве прятались во дворах ближайших домов и, по прекращении стрельбы, вновь выходили на улицу".

Правительственные же донесения резко подчеркнули и отметили и политический характер движения. Толпы, по этим донесениям, ходили по улицам с пением революционных песен, с криками: „Долой царя, долой правительство!" В первые дни движения, как отмечают мемуаристы тех дней, Государственная дума не была центром движения. Восставшие массы рабочих и солдат концентрировались в центре на Невском и вокруг него. Пролетарские массы Петрограда начали революцию. Против них правительство двинуло войско, но это войско было уже не то, которое подавляло рабочее движение в пятом году. Классовый состав армии резко бил наружу. Столкновение войск с восставшим пролетариатом приводило лишь к тому, что войсковые массы разлагались, теряли боеспособность, переходили на сторону восставших рабочих. Суханов в своих записках приводит целый ряд

интереснейших сценок, рисующих этот процесс овладения войсками восставшими рабочими.

„26-го февраля, — например, рассказывает Суханов о том, что ему лично пришлось наблюдать, — на Троицком мосту, заграждая вход, стояла плечом к плечу цепь солдат Гренадерского полка. Несмотря на присутствие офицера, они держались весьма «вольно», оживленно беседуя с толпой на политические темы. Агитация их была в полном ходу — в терминах совершенно недвусмысленных. Солдаты посмеивались, иные сосредоточенно слушали и молчали... Вообще прямого неповиновения не было, но для активных операций это был явно негодный материал, и начальствующим лицам отряда явно не оставалось ничего делать, как пассивно созерцать сквозь пальцы эту картину разврата".

27-го февраля тот же Суханов отмечает еще целый ряд таких же сцен. По его словам:

„Патрули и отряды демонстрировали свое полное разложение в качестве боевых сил царизма. Это были беспорядочные группы серых шинелей, совершенно сливавшихся и открыто братавшихся с вольной публикой и рабочей толпой".

Этот же факт разложения и растворения царской армии в восставших рядах пролетариата отмечают и другие мемуаристы.

Пешехонов так описывает настроение гренадер, преграждавших дорогу к Гренадерскому мосту: „Солдаты стояли в цепи «вольно», разговаривали друг с другом; с улыбками посматривали на демонстрантов и даже при приближении их не обнаруживали ни малейшего намерения оказать сопротивление. Нервно прохаживавшийся вдоль цепи молодой офицер порой останавливался, как будто готовясь что-то скомандовать, но потом опять шел дальше. Когда в один из антрактов я подошел к цепи, то сразу несколько солдат зашептало мне: «Пусть идут!.. Мы не будем препятствовать!.. И ружья у нас не заряжены»" [1].

---

[1] „Февраль. Рев". Мемуары, изд. I, стр. 43.

Сталкиваясь с рабочей толпой без боя, армия переходила на сторону своего класса. Революционная атмосфера разбивает правительственные войска вернее всяких баррикад, — свидетельствовал Мстиславский, и эта революционная атмосфера была основной силой революции, „на нее в нашем случае приходилось возложить все надежды, на стихию только“ — пишет член военной комиссии Совета, руководящего боевого органа революции.

С.-Д. В ФЕВРАЛЬСКИЕ ДНИ.

Большевистская организация в Петрограде в лице Бюро Центрального Комитета и Петроградского Комитета с первой минуты февральского взрыва принимала в нем энергичнейшее участие. 24-го февраля, еще не будучи уверен, что происходила последняя схватка с самодержавием, Шляпников, бывший тогда членом Бюро ЦК, пишет:

„Мы приняли решение развивать движение в сторону вовлечения в него солдатской массы и отнюдь не ограничивать это выступление каким-либо механическим постановлением, определяющим всеобщую стачку трех дней“ [1].

Рост и размах движения, превращая его в последнюю схватку с царизмом, ставил ребром вопрос о войске, об отношении к армии. 25-го февраля Бюро ЦК, выполняя свое решение развивать движение, издало воззвание, призывая всех на борьбу. В то же время и в Бюро ЦК и среди близких к нему лиц идет обсуждение тактики по отношению к армии. Шляпников, по его словам, упорно проводил мысль о том, что необходимо, воздерживаясь от открытых столкновений с войсками, всячески завлекать их в движение:

„По моему предположению, деятельность наших членов должна была в этот день заключаться в том, чтобы призывать рабочие массы к братанию с солдатами... Мы подробно остановились на том, как это

---

[1] Шляпников.—„Семнадцатый год“, стр. 87.

нужно сделать, например, на Выборгской стороне по отношению к Московскому и другим полкам. Я предложил устраивать поблизости казарм, если нельзя прямо в самом казарменном дворе, летучие митинги, от имени которых обращаться к стоящим там солдатам. Находящимся внутри казарм пересылать записки или, еще лучше, направлять гонцов. Одним словом, всячески будоражить казармы, разрушить ту усиленную изоляцию войск от народа, которую практиковало офицерство" [1].

На-ряду с настойчивой рекомендацией партийным организациям проводить эту линию Бюро, ЦК издает 27-го листовку, где задачей дня уже провозглашает свержение царизма; в то же время этой листовкой делается попытка развернуть движение еще больше, превратить его из петроградского во всероссийское:

„Царская власть не способна удовлетворить нужды народные... Необходимо свергнуть эту власть. Настало время решительной борьбы. Всеобщая всероссийская стачка — наше главное оружие. Для борьбы с конными и пешими народными палачами нам должны помогать наши друзья всех родов оружия. Пусть солдаты, наши братья и дети, идут в наши ряды с оружием в руках".

28-го февраля от имени Центрального Комитета, тогда социал-демократической партии большевиков, выпускается манифест, в котором говорится, что задача рабочего класса, задача революционного движения, идущего на улицах Петрограда:

„Создать временное революционное правительство, которое должно встать во главе нового нарождающегося революционного строя. Временное революционное правительство должно взять на себя создание временных законов, защищающих все права и вольности народа, конфискацию монастырских, помещичьих, кабинетских и удельных земель и передать их народу, введение восьмичасового дня и созыв Учредительного собрания на основе всеобщего, без различия пола, национальности и вероисповедания, прямого, равного избирательного права с тайной подачей голосов... Немедленная и неотложная задача временного револю-

[1] Шляпников.—„Семнадцатый год", стр. 132.

ционного правительства — войти в сношение с пролетариатом воюющих стран для революционной борьбы народов всех стран против своих угнетателей и поработителей. Все на борьбу! К открытой борьбе с царской властью и ее приспешниками. По всей России поднимается красное знамя восстания... Да здравствует демократическая республика! Да здравствует революционный рабочий класс! Да здравствует революционный народ и восставшая армия!"

Это была обширная программа, целиком охватывающая все то, за что бился рабочий класс и солдаты на улицах Петрограда. Эта программа связывала огромные массы в единое целое, придав им огромную силу и устойчивость. Стихийное массовое движение имело вполне определенную и резко выраженную социальную физиономию.

Таким образом, позиция большевиков в февральские дни была ясна. Эта была позиция не заглушения движения, а его организации, развертывания и роста.

Не такова была позиция меньшевиков. По сообщению т. Шляпникова, никем нигде не опровергнутому, „в некоторых кругах, близких к оборонческим центрам, поговаривали о том, что нужно ликвидировать движение. Оставшаяся на свободе часть членов рабочей группы военно-промышленного комитета открыто высказывалась за окончание всеобщей забастовки" [1].

Это сообщение вполне гармонирует и подтверждается описанием позиции и действия меньшевистских вождей в февральские дни, данным Мстиславским и Шульгиным. Шульгин описывает свой разговор с Чхеидзе уже во время „февральских дней" — речь шла о выборном офицерстве.

„Не знаю почему,—пишет Шульгин,—меня потянуло к Чхеидзе, я подошел и, наклонившись над распростертой маленькой фигуркой, спросил шопотом:

— Неужели вы в самом деле думаете, что выборное офицерство — это хорошо?

„Он поднял на меня совершенно усталые глаза, заворочал белками и шопотом же ответил со своим

---

[1] Шляпников.—„Семнадцатый год", стр. 121.

кавказским акцентом, который придавал странную выразительность тому, что он сказал:

— И вообще все пропало... Чтобы спасти... чтобы спасти—надо чудо... Может быть, выборное офицерство будет чудо... Может не будет... Надо пробовать... Хуже не будет... Потому что я вам говорю: все пропало" [1]

Мстиславский в своих воспоминаниях указывает, что меньшевики и эс-эры тех дней определенно боялись масс, боялись революции.

Так резко и определенно выкристаллизовываются противоположные течения с.-д. С одной стороны,— большевики, шедшие на революцию, готовившие ее, организовавшие и организующие ее, принявшие в ней горячее непосредственное участие, и, с другой,—социалистические лидеры Государственной думы, меньшевики и эс-эры, Чхеидзе и Керенский. О настроениях и поступках последнего дает богатый материал Суханов в своих „Записках о революции". Эти лидеры не успели и не сумели ни остановить, ни понять движения, они связывали все движение масс с мыслью, что все пропало и погибло от действия этих масс. Они предают пролетариат и крестьянство в первый же момент своего вступления в Советы. Лидеры, не верящие массам, лидеры, боящиеся масс — такова позиция меньшевиков и эс-эров в февральские дни. Она объясняет многое.

ОРГАНИЗАЦИЯ СОВЕТА РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ.

Параллельно росту стихийного рабочего движения среди руководящих кругов пролетариата возникла мысль о придании ему планомерности и организованности и о создании руководящих органов рабочего движения. По инициативе петроградского союза рабочих потребительных обществ днем 25 февраля, в помещении союза, было созвано собрание, на котором присутствовали представители меньшевиков и социал-демократической фракции Государственной думы, и тут

[1] Шульгин.—„Дни", „Русская Мысль", 1923 г. Книга 1.

впервые родилась мысль о необходимости созвать Совет Рабочих Депутатов по типу Совета 1905 года. Здесь же был намечен и план организации Совета. Но план этот осуществить не удалось [1].

27-го в Таврическом дворце, в комнате № 12, собрались представители рабочих организаций. Шляпников описал это собрание. На этом собрании присутствовали Керенский, Чхеидзе и Скобелев и освобожденные революцией из „Крестов“ члены рабочей группы военно-промышленного комитета. Эта-то группа и решила немедленно образовать Совет Рабочих Депутатов. Ею было решено послать во все районы товарищей с призывом избирать депутатов в Совет и было выпущено от сконструировавшегося на этом собрании Временного исполнительного комитета Совета Рабочих Депутатов воззвание:

„Граждане! Заседающие в Государственной думе представители рабочих и солдат и населения Петрограда объявляют, что первое заседание их представителей состоится сегодня, в 7 часов вечера, в помещении Государственной думы. Всем, перешедшим на сторону народа, войскам немедленно избрать своих представителей, по одному на каждую роту. Заводам избрать своих депутатов по одному на каждую тысячу. Заводы же, имеющие менее тысячи рабочих, избирают по одному депутату“.

Первое заседание Совета состоялось вечером 27-го февраля от 9-ти до 12-ти часов ночи. Число депутатов на этом собрании было довольно велико. Собрание носило мало организованный характер, определенного порядка дня не было, вопросы выдвигались самим ходом революции. Между прочим, на этом же первом собрании выдвинулся и вопрос об отношении к Временному комитету Государственной думы. Интересно отметить, что вся атмосфера, в которой происходило это собрание, носила на себе печать стихийного хода революции. Бои шли еще на улицах. Тесной организационной связи между оперировавшими на улицах войсковыми частями и рабочими в этот момент еще не

[1] Изв. Сов. Раб. и Солд. Деп., № 155—1917 г.

было. Стеклов в своей речи на мартовском совещании Советов рассказывал, что в этот момент „окруженные вокруг Думы отдельными солдатскими взводами, не имевшими даже унтер-офицеров, не успевшими еще сформировать никакой политической программы движения, мы узнаем в то же время, что министры на свободе и собираются где-то, не то в адмиралтействе, не то в Мариинском дворце. Нам не было известно настроение войск вообще, настроение царскосельского гарнизона; имели сведения, что они идут на нас. Мы получили слухи, что с севера идут пять полков, что генерал Иванов ведет 26 эшелонов, на улицах раздавалась стрельба, и мы могли допускать, что эта слабая группа, окружавшая дворец, будет разбита, и с минуты на минуту ждали, что вот придут и, если не расстреляют, то заберут нас. Мы же, как древние римляне, важно сидели и заседали, но полной уверенности в успехе революции в тот момент совершенно не было".

На своем первом же заседании Совет сконструировался, как вполне определенное учреждение. Самым фактом его создания стихийное движение получило организационное выражение, получило организационный центр, получило выражающий классовый характер движения организационный аппарат. Совет становился тем флагом и тем знаменем, вокруг которого могли сплотиться и организоваться массы восставших рабочих и солдат.

На первом заседании Совета была избрана литературная комиссия; в ее состав вошли: Соколов, Стеклов, Суханов, Гриневич и Пешехонов. Этой комиссии и было поручено написать воззвание от имени Совета. Воззвание это не только объясняло происшедшие события, но, что самое главное, оно говорило восставшим, что есть уже новый центр рабочего движения, что есть уже аппарат революционной борьбы рабочего класса, что зародыш власти рабочего класса существует и организует силы вокруг себя. В этом же воззвании Совет Рабочих Депутатов, приглашая всех поддержать рабочее движение, призывал на местах образовывать ячейки власти и брать все дело в свои руки. С первых же шагов революции сказывалось основное свойство

Совета: **«Советы могут быть органами власти или ничем».** Привожу это первое воззвание Совета целиком:

„Старая власть довела страну до полного развала, а народ до голодания, терпеть дальше стало невозможно. Население Петрограда вышло на улицы, чтобы заявить о своем неудовольствии. Его встретили залпами. Вместо хлеба царское правительство дало народу свинец. Но солдаты не захотели итти против народа и восстали против правительства. Вместе с народом они захватили оружие, военные склады и ряд важных правительственных учреждений. Борьба еще продолжается, она должна быть доведена до конца. Старая власть должна быть низвергнута и уступить место народному правлению. В этом спасение России. Для успешного завершения борьбы в интересах демократии народ должен создать свою собственную властную организацию. 27-го ферваля в столице образовался Совет Рабочих Депутатов из выборных представителей заводов и фабрик, восставших воинских частей, а также демократической и социалистической партий и групп. Совет Рабочих Депутатов, заседающий в Государственной думе, ставит своей задачей организацию народных сил и борьбу за окончательное упрочение политической свободы и народной власти в России. Совет назначил районных комиссаров для установления народной власти в районах Петрограда и приглашает все население столицы немедленно сплотиться вокруг Совета, образовать местные комитеты в районах и взять в свои руки управление всеми местными делами. Все вместе общими силами будем бороться за полное устранение старого правительства и созыв Учредительного собрания, избранного на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права".

Это воззвание является первым актом Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Оно вполне определенно призывало к тому, чтобы свалить окончательно старый режим. Никаких перемирий, никаких компромиссов с падающим самодержавием оно не допускало. Созданное в пылу боя оно выражало настроение революционных рабочих итти до конца, выражая классовую сущность движения, оно вплотную подошло к вопросу

о власти, становясь основным стержнем и рычагом движения.

Совет вел организационную работу на местах; уже 28-го от его имени в районы Петрограда направлены были комиссары для организации районной власти. Пешехонов, ставший комиссаром Выборгской стороны, собрал там Совет, учредил в нем отделы, издал воззвание. Пешехонов был народный социалист, человек более чем умеренный; свою миссию он понимал как установление народной власти и вот, устанавливая народную власть, комиссар Совета сталкивается со стремлением рабочих вооружиться. Пешехонов сам в своих воспоминаниях сообщает об этом „...в самой организации нашей милиции — на мой взгляд—было много неправильного. В частности, товарищ, заведывавший ею, социал-демократ, все время стремился придать ей классово-рабочий, а может-быть, даже и партийный характер“ [1]. Это замечательное заявление. Оно дает яркую картину той пропасти, какая таилась между соглашателями разных оттенков, захватившими в свои руки Совет, и рабочими. Рабочие стремились к оружию, к вооружению класса, их звали к этому большевики, соглашатели — к восстановлению порядка. Не даром, отправляясь в район комиссаром Совета, Пешехонов на всякий случай зашел в комитет Государственной Думы.

„Прежде, однако, чем отправиться, — пишет он, — я счел необходимым зайти в Исполнительный комитет Государственной думы, чтобы получить от него полномочия. Начало уже обозначаться раздвоение власти, и я опасался, что оно дойдет до самого низа“ (стр. 438). Комиссар совета таким образом сам считал себя и комиссаром Думы. Он не стремился к захвату власти в руки пролетариата, а лишь к восстановлению порядка. Соглашатели с первой минуты становились слугами и агентами буржуазии в рабочих кварталах, на фабриках и заводах.

На заседании же совета 27-го февраля был сконструирован и руководящий орган Совета — его Исполнительный Комитет. В состав первого Исполнительного

[1] „Февр. Революция.“ Мемуары, стр. 457.

Комитета входили: думские депутаты Керенский, Скобелев и Чхеидзе и восемь человек, выбранных от пленума Совета: Александрович-Дмитриевский, Шляпников, Павлович-Красиков, Залуцкий, Стеклов, Суханов, Шатров-Соколовский и Капелинский, секретари: Гвоздев, Гриневич-Шехтер, Панков и Соколов. Кроме этого, были представители от партий. От большевиков — Молотов и затем Сталин, от меньшевиков — Богданов и Батурский, от Бунда — Эрлих и Рафес, от эс-эров — Русанов и Зензинов, от с.-д. межрайонцев — Юренев, от латышских социал-демократов — Стучка и Козловский, от эн-эсов — Пешехонов и Чернолуцкий, от трудовиков — Брамсон и Чайковский, которого потом заменил Станкевич; кроме этого, в состав Исполнительного Комитета входили и представители национальных социалистических организаций.

Первое заседание Исполнительного Комитета хорошо описано у Шляпникова в его книге „Семнадцатый год". Созданный в бою исполнительный орган Совета принимает на себя и боевые задачи. Первые вопросы, которые пришлось решить Исполнительному Комитету, были вопросы организации власти и вооружения рабочих. Уничтожение восставшим пролетариатом старого строя тотчас же выдвинуло организационную проблему: нужно было на местах, в низах, создавать орган управления и организации, орган борьбы за революцию, орган охраны завоеваний революции. Сам процесс революции толкал к этому, и Исполнительный Комитет принужден был назначить комиссаров от Совета во все районы Петрограда для организации, как говорит Шляпников, „народной власти"; на-ряду с этим Исполнительному Комитету пришлось санкционировать и стихийное вооружение пролетариата.

По вопросу о вооружении рабочих были небольшие прения, но в общем вопрос прошел без особых разногласий: „постановили вооружить десять процентов питерских рабочих",—свидетельствует в своих воспоминаниях Шляпников [1].

---

[1] Шляпников, — „Семнадцатый год", стр. 152.

Нужно было вырвать армию из рук буржуазии, и Совет 1 марта издал приказ № 1.

Момент боя властно ставил перед Советом вопрос о власти, само создание Советов толкало революцию вперед, Советом осуществлялась программа буржуазной революции, уничтожение царизма. Приходилось браться за власть. Но если Совету приходилось принимать революционные меры, то все же, как откровенно указал всем в своих записках Суханов, Совет не чувствовал склонности к раздуванию революции, наоборот, руководящее ядро стремилось не поднимать острых вопросов. По вопросу о войне и мире Суханов пишет:

„Этот вопрос и был снят с очереди первым планомерным вмешательством в стихийный процесс революции, Исполнительный Комитет еще не имел ни малейшей возможности занять ту или иную позицию по этому вопросу, а главное — не в расчетах его руководящего большинства было форсировать проблему мира“ [1].

О том, как ставилась в руководящих кругах Совета проблема власти, пока можно судить лишь по показаниям Суханова. Совет к власти не стремился, о взятии власти в свои руки не думали, руководители большинства больше боялись, что буржуазия, чего доброго, не возьмет в свои руки власть. Участие во власти, вхождение во Временное правительство Исполнительный Комитет отвергал, и Керенский очутился в составе Временного правительства вопреки воле Исполнительного Комитета, утвержденный в своем звании лишь аплодисментами, буквально, общего собрания Совета. Относительно же условий, на которых создавалось Временное правительство, Исполнительный Комитет, в общем, по словам Суханова, вынес вполне определенное решение, с которым и отправились на переговоры о власти представители Совета.

---

[1] Суханов, стр. 243.

ФЕВРАЛЬСКИЕ ДНИ В ПРОВИНЦИИ И НА ФРОНТЕ.

В Петрограде в февральские дни на общественной арене боролись три силы: восставший, двигающий и создающий революцию пролетариат, буржуазия, стремящаяся сначала уничтожить революцию, а потом ее оседлать, и падающая, разлагающаяся, неспособная к активному сопротивлению дворянско-феодальная монархия. Эти же три силы выступали в февральские дни повсюду: в провинции и на фронте. В провинции, лишь только вести о перевороте просочились сквозь цензуру, массы рабочих заняли улицу и, захватив в свои революционные волны солдат, повели наступление на растерявшуюся и терявшую почву под ногами, но все еще пробующую сопротивляться старую власть.

Держа в своих руках правительственный аппарат, представители старой власти пробовали несколько дней скрывать петроградские события. В некоторых местах военная цензура и жандармерия запрещали печатать агентские телеграммы.

В Харькове, например, военная цензура запросила штаб цензуры при Киевском военном округе, как поступать с агентскими телеграммами, поступающими от нового правительства. Штаб по телеграфу сообщил, что телеграммы петроградского телеграфного агентства, как ложные, должны задерживаться военной цензурой. Редактор „Южного Края“ за напечатание телеграммы о выборах Государственной думой комитета и за помещение в вечернем издании статьи по поводу выбора комитета оштрафован на 3 000 рублей. Но это были последние попытки.

Повсюду, как только весть о петроградских событиях доходила до пролетариата, он энергично брался за укрепление и завершение революции. В Туле, например, рабочие патронного завода в количестве 45 000 выступили 2-го марта на улицу, требовали освобождения политических заключенных. Губернатор всячески пробовал отказать восставшим рабочим в их требовании, но к рабочим присоединились войска, и, несмотря на то, что властью утром были розданы боевые

патроны, под давлением восставших рабочих и солдат, тульскому губернатору пришлось отменить приказание и отобрать назад боевые патроны у верных еще ему войск. В два часа ночи 2-го марта революция в Туле была закончена.

В Нижнем представители рабочих выступили с энергичными требованиями арестовать агентов старой власти, и, несмотря на то, что представители буржуазии в образовавшемся Исполнительном комитете общественной безопасности в Нижнем отказались выполнить это требование, рабочие принялись сами за разоружение и аресты властей. Только тогда представители буржуазии решились на арест губернатора. Там, где были партийные ячейки, организации, или даже отдельные лица, они принимали участие в движении, брали на себя руководство, идеологически оформляли его.

В Киеве, 28-го февраля, партийная организация нашей партии выступает с лозунгами: „Долой войну и самодержавие, да здравствует Учредительное собрание!"

Повсюду в провинциях рабочие массы так же, как и в Петрограде, вели за собой буржуазию, стремящуюся всеми силами к удержанию старого строя и думающую больше всего не о революции, а о подавлении ее. В Саратове, например, 1-го марта состоялось экстренное частное совещание гласных Городской думы:

„На совещание явился губернатор и произнес речь, в которой говорилось о любви к родине, о мерах против того, чтобы ликование не было вынесено на улицу, что в этом деле ему, главноначальствующему, должны помочь гласные думы. Что же касается меня, сказал губернатор, то я не оставлю своего поста до тех пор, пока государь император не издаст приказ об отставке и не признает нового правительства. Ура за армию и ее вождя! Гласные прокричали «ура». Губернатор, держа дворянскую фуражку под мышкой, быстро, торопливо удалился, видимо избегая разговора с гласными. Растерянные, недоумевающие, они из залы направляются в кабинет городского головы: как быть, что делать. Заместитель городского головы Яковлев осторожно пытается навести мысль гласных на путь

директив, данных губернатором. Губернатор ждет манифестации. Но успеха нет. Гласный Арапов предлагает послать приветствие Родзянке, а гласный Юсупов — образовать комитет, вроде комитета общественной безопасности; кадет Красников против всяких комитетов: нет в них надобности, не ликовать, а работать надо. Решено созвать на 9-ть часов вечера Городскую думу, пригласив и общественные организации... Заседание открылось заместителем городского головы Яковлевым при переполненном зале. Центральным местом был вопрос о том, избирать или не избирать комитет, каковы должны быть его полномочия. Характерно, что кадеты, в лице гласных Красникова, Никонова и других, вообще были против комитета или не соглашались на чисто информационные функции его. Никонов договаривался до того, что предлагал оставить на месте старую полицию, которая, по его мнению, и теперь будет послушным органом“ [1].

Таким образом, повсюду как в столице, так и в провинции, буржуазия стремилась всеми силами, с одной стороны, к тому, чтобы задержать революцию, а с другой стороны, уступая напору революционного натиска рабочих, покушалась на удержание и сохранение государственного аппарата в своих руках.

Очень своеобразен был ход февральской революции на фронте. На фронте февральская революция была принята классовым составом армии по-разному. Солдатский состав армии — рабочие и крестьяне — давно уже представляли на фронте тот элемент, из которого могли сложиться боевые кадры революции. Солдатский состав армии принял ее, как новую весть, как перспективу исполнения его заветных чаяний и надежд. В солдатском составе армии на фронте февральская революция нашла огромные кадры, готовые поддержать ее словом и делом. Армия была давно уже на стороне революции, и это настроение солдатских масс обеспечивало успех февральскому перевороту не только на фронте, оно закрепляло его повсюду. Известия о перевороте дошли до солдатских рядов не

[1] Сборник. Февраль, 1922.

сразу. Армия узнала о совершившемся частью из газет, частью из рук командного состава, частью, там, где были партийные товарищи и организации, от этих последних. Отсюда и революция на фронте в феврале проходила по-разному. Там, где были организации, или просто политически подготовленные, прошедшие партийную школу товарищи, там инициатива и руководство движением исходило от них. Например, в Карсе, в полосе фронта, несмотря на деятельность цензуры, весть о петроградских событиях доходила до большевиков:

„6-го марта, — рассказывает т. Метелев, — мы подымаем более смелую часть солдат и выводим на улицу города. В центре города собираются две-три сотни вооруженных бойцов. Охватывает жуткое настроение: что же делать дальше? А вдруг форты начнут садить по нас из орудий? Все-таки выступают, к ним присоединяется гарнизон, и февральская революция совершается в Карсе“ [1].

Но не везде было так.

Со стороны командного состава были попытки представить известие о петроградском перевороте солдатским рядам так, чтобы все революционное, что совершалось в эти дни, исчезло и до фронта не дошло. Но, как только весть о переводе достигла армии, классовый состав армии резко реагировал на него. Классовый состав армии вскрылся и определенно выявился в февральские дни.

Немногие мемуаристы рассказывают о том, как происходило объявление февральского переворота на фронте. Первое марта на Рижском фронте, рассказывает, например, один из наблюдателей, проходило так:

„Полк был собран... Коротконогий командир полка к нам приближался, не дойдя десяти шагов, врылся в снег своими коротышками и, вынув клинок шашки, заревел голосом надтреснутого колокола: «Братцы подходи ближе, без команды, кругом плотней».

Мы окружили его плотным кольцом, перестав удивляться сегодняшнему необычаю.

---

[1] „Пролет. Револ.“ № 1 (13), стр. 228.

«Слушай внимательно! — орал коротыш. — Братцы, свершилось великое историческое дело: министров по шапке». Коротыш махнул рукой, изобразив по «шапке». — «Теперь вековая стена, которая разделяла царя от народа, рухнула, царь и народ слились воедино. Царь — отец, мы — его дети. Народные представители, Государственная дума будут трудиться вместе с отцом-царем на благо родины. Родзянко, Милюков...» Сердце оторвалось и покатилось. В висках застучали молоточки. Мысль, как молния: «Вот оно, начинается! Доведем войну до победоносного конца. Да здравствует император Николай II!» Дико-радостное, необъятное ревело ура.

Выстраиваясь к церемониальному маршу, солдаты громко говорили, сморкались, курили, дисциплина сразу стала понижаться. Тупые серые лица солдат словно сняли маски, стали одухотвореннее, блестели глаза, играли губы. Офицерство собралось на левом фланге, как-то сразу оставив солдат одних".

Это небольшое описание вскрывает все классовое отношение армии; верхи командного состава принимали все меры к тому, чтобы представить переворот в выгодном для себя свете. Пролетарско-крестьянский состав армии своим классовым чутьем понял и оценил происходившие события. Классовые группировки армии резко обособлялись. Для одних солдатских низов открывалась новая перспектива борьбы за свое классовое освобождение. Почва классового господства других колебалась.

Попытки представить переворот в благоприятном для себя свете и удержать за собой командные высоты проводились верхами армии повсюду. Войска румынского фронта и Одесского военного округа были оповещены о февральском перевороте приказом такого содержания:

„В последние дни в Петрограде происходили народные беспорядки, в прекращении которых приняли участие войска. Председатель Государственной думы М. В. Родзянко во главе составленного им комитета способствовал всеми мерами водворению порядка и спокойствия с целью довести войну до полной победы

над врагом. Победа возможна только при полном соблюдении порядка и дисциплины в войсках. Враги—немцы желают, чтобы у нас в тылу были беспорядки, и всеми мерами стараются их вызвать через своих секретных сотрудников, поэтому войска должны стоять на страже порядка и дисциплины, чтобы разбить и уничтожить врага".

Таким образом, февральская революция этим приказом связывалась с немецкими источниками. Революция становилась изменническим выступлением, направленным против победоносного окончания войны. Февральская революция в Петрограде была определенно объявлена немецкой затеей и на румынском фронте. Командующий фронтом издал здесь секретный циркуляр, в котором утверждал, что беспорядки в Петрограде начались „не" без помощи наших врагов.

Эти враги стремятся уничтожить нашу стойкость и вырвать из наших рук победу.

„Последние атаки немцев—это попытки поколебать нашу стойкость в связи с сделанными ими через своих приспешников беспорядками" [1].

Такой же характер преступного бунта придавался февральскому перевороту и в объявлении по войскам Кавказской армии. По приказанию наместника на Кавказе в газетах было напечатано объявление:

„В виду циркулирующих разнообразных слухов, сообщается, что в Петрограде произошли события, вызвавшие перемену высших правительственных лиц, при чем в настоящее время в столице наступило успокоение. Войска Кавказской армии победоносно продвигаются вперед на соединение с нашими доблестными союзниками-англичанами. Соблюдение полного спокойствия населения Кавказа крайне необходимо, как обеспечение победы армии и безостановочного подвоза и снабжения населения продовольствием".

Все эти объявления и приказы свидетельствуют лишь об одном: командный состав армии, так же как и вся буржуазия, был втянут в революцию, но в его руках, как и в руках всей остальной буржуазии, не было ни-

---

1 „Лет. Рев." № 4 (10).

какой физической силы, никакой возможности остановить и уничтожить революцию. Государственный аппарат власти, находящийся в его руках, давал ему возможность, если не уничтожить революцию, то сделать попытку использовать ее в своих целях. Не выступая активно против революции, командный состав и буржуазия стремились использовать революцию в своих собственных целях: удержать аппарат власти в своих руках и выиграть войну. Специфическая обстановка фронта, с одной стороны, подсказывала метод действия, а связь командного аппарата в армии с буржуазией — приглушая противореволюционные настроения, создавала видимость союза между командным аппаратом, буржуазией и революцией. Это сохраняло командный состав в руках буржуазии — это ставило перед рабочей и крестьянской массой армии огромные трудности на пути к действительной победе революции. Захватив власть в свои руки или случайно очутившись у власти, обломки самодержавия в армии пытались войти в союз с буржуазией и остановить революцию. Назначенный последним приказом Николая II главнокомандующим армиями в. к. Николай Николаевич вступает в энергичную переписку с Родзянко, дает ряд советов и указаний и требует передачи и сохранения в неприкосновенности в армии власти командного состава. 5-го марта он отправил Родзянко следующую телеграмму. „Как верховный главнокомандующий, считаю своим долгом категорически заявить, что для победы безусловно необходима правильная организация командного состава и его взаимоотношений, исходящая от верховного главнокомандующего, как едино могущего преподать ее армии и флоту... Я отдал категорическое распоряжение, чтобы на всем подчиненном мне театре войны принимались только распоряжения, относящиеся до армии и флота и военных учреждений тыла, исходящие от моего исключительно имени и притом из Ставки...“ (Кр. Арх., кн. 5, стр. 221).

Таким образом, классовый характер переворота сказался везде и повсюду. Двигающей силой революции, ее активными выполнителями и творцами являлись рабочие и крестьяне. Буржуазия была вовлечена в дви-

жение, шла за ним, шла с целью использовать его в своих собственных интересах. Эти противоположные по своим целям и интересам силы с первой же минуты создали и свои собственные классовые организации. В Петрограде был Совет Рабочих Депутатов и Временный комитет Государственной думы, и повсюду, по всем равнинам бесконечной России, создавались, с одной стороны, Советы Рабочих Депутатов, группирующие вокруг себя пролетарские и полупролетарские слои, с другой стороны, выступали на сцену городские думы, временные комитеты общественной безопасности и подобные им организации, вышедшие из рядов буржуазии и группирующие вокруг себя буржуазные элементы.

Эта группировка сил происходила во всероссийском масштабе. Петроградский Совет, с одной стороны, становился тем знаменем, вокруг которого строились пролетарские ряды. Буржуазия стала группироваться вокруг Временного комитета Государственной думы. Буржуазные организации с первой минуты своего зарождения стали заявлять о своей преданности и верности Временному комитету Государственной думы. Со всех концов России полетели во Временный комитет Государственной думы телеграммы. Курская городская дума, например, телеграфировала Родзянке:

„Переживая широтою русского сердца восход светлой зари, глубоко верим, что новое правительство, облеченное доверием народа, засозда ние которого так упорно и долго боролись все слои русского общества, приведет Россию на путь победы и возрождения. Вполне присоединяясь ко всему созданному новым правительством, городская дума приветствует Государственную думу с актом великой победы над врагами России. Да здравствует Временный комитет Государственной думы".

И такие телеграммы шли от целого ряда буржуазных организаций. Совет съезда торговли и промышленности поспешил призвать „все общественные торгово-промышленные организации России, биржевые комитеты, комитет торговли и мануфактур, купеческие общества, общества заводчиков и фабрикантов, съезды представителей отдельных отраслей промышленности

и торговли и все торговые и промышленные классы России, забыв партийную и социальную рознь, которая может быть сейчас на пользу только врагам народа, теснее сплотиться вокруг Временного комитета членов Государственной думы и предоставить в его распоряжение все его силы".

Вслед за буржуазными организациями шли служащие и чиновники всех рангов и калибров. Все, кто был прикосновенен к государственному аппарату, кто обслуживал его технически и держал его в своих руках, все спешили встать под знамена Временного комитета Государственной думы. Чиновники министерства торговли и промышленности выражали полную готовность работать вместе с правительством, созданным Государственной думой.

Это чрезвычайно интересный момент, резко вскрывающий классовую сущность организации и классовую сущность движения. Ведь в октябрьские дни все эти организации стали против народившейся власти рабочих и крестьян. В правительственных канцеляриях в октябре не нашлось почти ни одного служащего, готового принять пролетарскую революцию, а в феврале все они группировались и все готовы были верой и правдой служить Временному комитету Государственной думы.

Таким образом, определилась и классовая сущность сил, борющихся в февральские дни: самодержавие умирало, буржуазия собирала вокруг себя все собственнические элементы, пролетариат и крестьянство группировались против нее. И буржуазия и пролетариат имели свои аппараты власти — буржуазия строилась вокруг Временного правительства, пролетариат и крестьянство — группировались вокруг Совета.

ПЕРЕГОВОРЫ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ВЛАСТИ.

В ночь на 2-ое марта между представителями Государственной думы и представителями Совета состоялось совещание, на котором выяснились все те цели и стремления, выявилась вся та программа, которую

буржуазия намеревалась провести в жизнь. Об этом ночном заседании имеется два свидетельских показания лиц, присутствовавших на нем. О нем пишет в своих записках Суханов и о нем же рассказывал мартовскому совещанию Советов в своей речи Стеклов. Из всего того, что происходило на этом ночном заседании, самым интересным являются пункты расхождения между представителями Совета и представителями буржуазии.

Три пункта соглашения, предлагаемого комитету Государственной думы Советом, возбудили протесты со стороны буржуазии. Пункт 2-ой был сформулирован так: „Свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек с распространением политической свободы на военнослужащих".

По словам Стеклова, этот пункт возбудил долгие дебаты и нападки со стороны представителей буржуазии. По их настоянию Милюков прибавил к этому пункту: „в пределах, допускаемых военно-техническими условиями". Пункт 9-ый — „самоуправление армии". „Этот пункт, — рассказывает Стеклов, — тоже вызвал их возражение, и здесь рукой Милюкова карандашом сформулировано в результате наше соглашение, и параграф этот вошел в декларацию (речь идет о декларации Временного правительства) в таком виде: «при сохранении строго-воинской дисциплины в строю и при несении военной службы, устранение для солдат всех ограничений в пользовании общественными правами, предоставленными всем остальным гражданам».

Еще один пункт, 3-ий, возбудил оживленные прения. Пункт 3-ий гласил: „воздержание от всех действий, предрешающих форму будущего правления".

Милюков отстаивал монархию, и этот пункт возбудил большие прения (речь Стеклова на мартовском совещании Советов, отчет о мартовском совещании. Гос. Архив. Москва). Милюков, по словам Суханова, произнес горячую речь в защиту своей точки зрения, рекомендуя своих кандидатов (Алексея и Михаила) — „один — больной ребенок, а другой — совсем глупый человек" [1].

---

[1] Суханов. — „Записки", книга 1, стр. 208.

Таким образом, на этом совещании выявились две предпосылки, которые буржуазия выставляла определенно и резко: с одной стороны — сохранение монархии, как политической формы правления, с другой стороны — всяческие мероприятия, обеспечивающие сохранение войскового аппарата в руках командного состава. И буржуазия не только ставила вопрос об этом на совещании, но она на этом же совещании, заключая соглашение с Исполнительным Комитетом Совета, обратилась к нему с требованиями. „Мы имеем к вам свои требования",—сказал, по свидетельству Суханова, на ночном совещании Милюков. Буржуазия устами своего лидера требовала „немедленных мероприятий Исполнительного Комитета в деле водворения порядка и спокойствия и в частности и в особенности в деле налаживания контакта между солдатами и офицерами". „Милюков, — пишет Суханов, — требовал от нас декларации, в которой было бы указано, что данное правительство образовалось по соглашению с Советом Рабочих Депутатов, что постольку это правительство законно в глазах народных масс и заслуживает доверия их. Главное же, он требовал, чтобы в этой декларации был призыв к доверию офицерству и к признанию солдатами командного состава" [1].

Эти требования буржуазии по существу были требованиями о том, кому будет предоставлена решающая сила в революции.

Контр-требования, предъявленные Милюковым, имели огромное значение. Речь шла не только о власти, речь шла о направлении всей внешней политики. Для буржуазии, для Милюкова вопрос о войне с первой же минуты приобрел необыкновенную остроту; буржуазия готовилась к перевороту из-за войны, буржуазия в первые же минуты революции увидела в ней угрозу войне. Как обостренно-беспокойно относились к этому вопросу в буржуазных кругах, показывает один факт, приводимый в „Записках" Суханова. Дело было 1-го марта; на заседание Исполнительного Комитета явились полковник и гардемарин, полковник был прислан Род-

[1] Суханов. — „Записки", часть 1-я, стр. 210 — 211.

зянкой просить разрешения на поездку к Николаю II; во время речи полковника его перебил гардемарин. „... Позволю себе, — начал он, — спросить от имени моряков и офицеров, какое ваше отношение к войне и к защите родины?.. Повинуясь вам, признавая ваш авторитет, мы должны знать...“ Это было уже слишком. Обоим было решительно приказано удалиться. Но, уходя, гардемарин все же продолжил свое заявление: „Я считаю необходимым сказать, что мы все стоим за войну, за продолжение войны. С нами вся армия — и здесь и на фронте... Рабочий комитет может на нас рассчитывать только в том случае, если он также...“ (Суханов, т. I, стр. 243). Гардемарина попросили о выходе. Этот эпизод, незначительный сам по себе, говорит о многом — прежде всего о настроении командного состава, а буржуазия ведь и добивалась поддержки и незыблемости власти командиров в армии. При свете этого отрывка, требования Милюкова и во время заседания, и по заключении соглашения становятся ясны. Вопрос шел о существовании буржуазии. Понятно, почему буржуазия с такой энергией и вела борьбу за армию.

Результатом переговоров между Исполнительным Комитетом Совета и Временным комитетом Госуд. думы явилось образование Временного правительства.

Созданием Вр. Правительства внутренние противоречия февральской революции приобретали законченный характер, выливались в организованную форму.

Буржуазия шла к власти с одной лишь целью сохранить во что бы то ни стало свое положение, удержать в своих руках средства и орудия производства, фабрики, землю — завершить войну и получить долго жданные аннексии и контрибуции. Вр. правительство было правительством заговорщиков. Оно выросло из группы заговорщиков против самодержавия, в него вошли персонально участники заговора, и оно было организованным заговором против революции. Революция привела к власти правительство, все мысли, все цели которого были направлены на уничтожение революции.

Пролетариат и крестьянство, совершая революцию, уничтожая династию Романовых, боролись за уничтожение дворянской монополии на землю, за улучшение существования пролетариата, за прекращение войны.

Пролетариат и крестьянство выстроились вокруг Советов. Советы имели в своих руках силу.

Одна группа противоречий „февраля" таилась в разных целях и стремлениях буржуазии и пролетариата и крестьянства, другая таилась в разных стремлениях, желаниях и тактике захвативших советы в февральские дни меньшевиков и с.-р. и пролетариата и крестьянства.

Семнадцатый год вскрыл эти противоречия, оставив навсегда буржуазию без власти, без средств производства, без земли, меньшевиков и с.-р.— без масс, без влияния.

Т. ЛЕНИН О СУЩНОСТИ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Бои петроградского пролетариата шли под непосредственным руководством большевиков. В провинции ячейки большевиков являлись зачинщиками и руководителями революции. Вокруг них выстраивались пролетарские колонны, вслед за ними шли солдатские массы. Смысл и значение февральской революции были оценены и указаны в целом ряде произведений Ленина. В ряде своих „Писем издалека" в статьях о двоевластии, в апрельских тезисах Ленин дал оценку общей обстановки февральской революции, вскрыл ее смысл и значение, сформулировал вытекающие из содержания февральской революции расстановки классовых сил в февральские дни в России, и в мировом масштабе стратегический план и тактику русского пролетариата и большевиков. Оценивая февральскую революцию, т. Ленин указывал, что в то время, как основной силой, творившей февральскую революцию, являлся пролетариат и крестьянство, власть в феврале в России перешла в руки буржуазии. Принимая за момент определения социального смысла революции момент перехода власти из рук одного класса в руки другого, тов. Ленин

определял февральскую революцию, как революцию буржуазную. В феврале власть перешла из рук дворянско-феодального самодержавия в руки буржуазии. В „Письме о тактике“ Ленин писал: „До февральско-мартовской революции 1917 года государственная власть в России была в руках одного старого класса, именно крепостнически-дворянски-помещичьего, возглавляемого Николаем Романовым. После этой революции власть в руках другого нового класса, именно буржуазии“. Переход власти в руки буржуазии, как указывал т. Ленин, совершился не без участия и согласия иностранной буржуазии, буржуазии Франции и Англии. Участие Франции и Англии в русской февральской революции превращало ее из чисто местного явления в явление мировое. Под напором растущих революционных сил буржуазия и русская и франко-английская — путем смещения в России самодержавия и передачи власти в руки буржуазии перестраховывалась в своем слабейшем звене, на слабейшем участке своего фронта, там, где переход и превращение империалистской войны в войну гражданскую становились яснее всего, становились ближе всего, являлись непосредственной угрозой буржуазии всего мира.

С точки зрения революционного пролетарского движения февральская революция не была явлением чисто местным, локальным. Поскольку империалистская война была первым симптомом краха всего империалистского мира, поскольку империалистская война обострила классовые противоречия внутри капиталистического общества, поскольку империалистская война разрушала основной капитал — орудие производства капиталистического общества, она тем самым приближала крах всего империалистического мира. В статье „Задачи пролетариата в нашей революции“ т. Ленин указывал, что русская февральская революция является как-раз началом превращения империалистской войны в войну гражданскую. Она порождена не только соотношением классовых сил в России, не только тем, что в русской обстановке это соотношение классовых сил обострено войной и превратилось в революцию, но русская революция прорывала фронт всего империалист-

ского мира, поскольку буржуазия, участвуя в февральской революции, пыталась закрепить и упрочить в слабейшем месте империалистический фронт, поскольку пролетариат прорывал этот фронт в его наиболее хрупком и слабом звене. Февральская революция становилась первой революцией, разбившей слабейшее звено империализма. Эту мысль т. Ленин сформулировал в своей статье таким образом: „Русская революция февраля-марта 1917 года была началом превращения империалистской войны в войну гражданскую. Эта революция сделала первый шаг к прекращению войны. Только второй шаг может обеспечить прекращение ее, именно: переход государственной власти к пролетариату. Это будет началом всемирного «прорыва фронта», — фронта интересов капитала, и, только прорывая этот фронт, пролетариат может избавить человечество от ужасов войны, дать ему благо прочного мира“ [1].

В другом своем произведении, в первых „Письмах издалека“, озаглавленных „Первый этап первой революции“, Ленин формулировал мысль о международном значении февральской революции в таких словах: „Империалистская война с объективной неизбежностью должна была чрезвычайно ускорить и невиданно обострить классовую борьбу пролетариата против буржуазии, должна превратиться в гражданскую войну между враждебными классами. Это превращение начато февральской революцией 1917 г.“ [2].

Февральская революция была буржуазной, в то же самое время февральская революция осуществляла на практике задачи, которые ставили перед грядущей русской революцией и манифест ЦК от 1 ноября 1914 г. и тезисы „Социал-демократа (1915 год). Февральская революция творилась руками пролетариата и крестьянства. Она была буржуазной вопреки желаниям буржуазии. Буржуазия, получившая власть в февральские дни, занимала позицию контр-революционную. Пролетариат и крестьянство творили буржуазную рево-

---

[1] Собр. соч., том XIV, ч. I, стр. 45.
[2] Собр. соч., том XIV, ч. I, стр. 17.

люцию в февральские дни. Осуществляя на практике буржуазную революцию, пролетариат и крестьянство тем самым придавали ей своеобразные формы и характер. Своеобразие это заключалось в том, что на-ряду с тем, что февральская революция была революцией буржуазной, пролетариат и крестьянство, создавая для осуществления этой революции свою собственную армию, делали уже и дальнейший шаг, намечающий превращение и перерастание буржуазной революции в революцию пролетарско-социалистическую. Одной из характерных черт февральской революции Ленин считал существование, на-ряду с диктатурой буржуазии, Советов — органов революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

„В высшей степени замечательное своеобразие нашей революции, — писал Ленин, — состоит в том, что она создала двоевластие". Сущность двоевластия заключается „в том, что рядом с Временным правительством, правительством буржуазии, сложилось еще слабое, зачаточное, но все-таки, несомненно, существующее на деле и растущее, другое правительство: Советы Рабочих и Солдатских депутатов" [1].

Характерная особенность февральской революции с точки зрения конструкции власти: наличие буржуазной власти и зачаточная форма власти пролетариата знаменует неустойчивый переходный момент революции, когда, как говорит тов. Ленин, „она зашла дальше обычной буржуазно-демократической революции, но не дошла еще до чистой диктатуры пролетариата и крестьянства". Своеобразное положение вопроса о власти в февральские дни и международной роли февральской революции ставило перед пролетариатом новые задачи. Революционно-демократическая диктатура пролетариата была уже осуществлена. Эта формула, по словам т. Ленина, знаменовала соотношение классовых сил, а в февральские дни соотношение классовых сил было как-раз такое, при котором вся реальная власть и сила была на стороне Советов, а аппарат власти перешел в руки буржуазии.

---

[1] Собр. соч., том XIV, ч. I, стр. 24.

Соотношение классовых сил и конструкция власти, созданная в результате февральской революции, выявила новые цели, стоящие перед пролетариатом. В апрельских тезисах, обнародованных Лениным 4-го апреля, на другой день по возвращении в Россию и напечатанных в „Правде" от 7-го апреля, новые цели и новые задачи пролетариата были сформулированы определенно и резко. Основным моментом революции являлась проблема власти. Задачей партии и пролетариата в данной революции, как формулировал это Ленин в своих тезисах, была борьба за создание республики Советов „Не парламентарная республика,—возвращение к ней от Советов Рабочих Депутатов было бы шагом назад,—а республика Советов Рабочих, Батрацких и Крестьянских Депутатов во всей стране снизу доверху". „Не «введение» социализма, как наша непосредственная задача, а переход тотчас лишь к контролю со стороны Совета Рабочих Депутатов за общественным производством и распределением продуктов". Это—цель, которую должны были преследовать партия и пролетариат. В февральские дни власть перешла в руки буржуазии потому, что пролетариат оказался неподготовленным, плохо организованным, находящимся под влиянием шовинизма. Мелкобуржуазные массы крестьянства, солдат в огромной своей части шли за оборончеством. Для завоевания республики Советов необходимо было резко противопоставить буржуазии с ее Временным правительством пролетариат и Советы, необходимо было организовать мелкую буржуазию, крестьянство и повести его за собой. Задачи сводились к завоеванию и созданию армии большинства, могущей завоевать власть Советов. „Пока мы в меньшинстве,—писал Ленин в апрельских тезисах,—мы ведем работу критики и выяснения ошибок, проповедуя в то же время необходимость перехода всей государственной власти к Советам Рабочих Депутатов, чтобы массы опытом избавились от своих ошибок". „Никакой поддержки Временному правительству, разъяснение полной лживости всех его обещаний, особенно относительно отказа от аннексий. Разоблачение вместо недопустимого, сеющего иллюзии, «требования», чтобы это пра-

вительство, правительство капиталистов перестало быть империалистским".

Двоевластие ставило перед пролетариатом задачу завоевания власти. Задача завоевания власти требовала прежде всего размежевки и противопоставления пролетариата и буржуазии, требовала завоевания большинства пролетариата и крестьянства партией большевиков. Такова была оценка В. И. Лениным февральской революции и поставленных ею задач. Эта оценка встретила противодействие со стороны группы большевиков, которая считала февральскую революцию буржуазной, но за принцип оценки брала не момент перехода власти из рук одного класса в руки другого, а момент выполнения программы. По мысли этих большевиков февральская революция не была законченной буржуазной революцией. Считая февральскую революцию незаконченной буржуазной революцией, группа большевиков во главе с тов. Каменевым отрицала и всю ленинскую тактику и весь его стратегический план, сформулированный в апрельских тезисах. Относительно апрельских тезисов т. Каменев в статье, напечатанной в „Правда" 8-го апреля 1917 года, писал: „Общая схема тов. Ленина представляется нам неприемлемой, поскольку она исходит из признания буржуазно-демократической революции законченной и рассчитанной на немедленное перерождение этой революции в революцию социалистическую". „Если действительно, — писал Каменев, — мы в России уже закончили демократическую революцию и вступили под давлением империалистической войны на путь осуществления социализма, то поистине нелепо предъявлять правительству какие-либо требования, касающиеся приступления к миру, нелепо толковать об учредительном собрании, нелепо думать о парламентской республике. Т. Ленин поэтому, не желая изменить логике, обо всем этом, если и думает, то лишь с приставкой «не». Не требования к правительству, а разоблачение его; не парламентская республика, а Советов и т. д. Что же надо делать? «Надо делать решительные шаги к свержению капитализма», — пишет и подчеркивает т. Ленин; — их надо делать умело

и постепенно, но эти шаги надо делать. Все это ясно и определенно, но шаги к социализму, к свержению капитала могут делать только рабочие, а они отдают себе отчет, что в обстановке незавершенной демократической революции в самой отсталой экономически стране в Европе, в момент, когда деревня еще не ликвидировала даже крепостничества, что эта обстановка и этот момент отнюдь не соответствует решительным шагам к социализму".

Считая, что буржуазно-демократическая революция не закончена, Каменев подчеркивал, что буржуазная демократия не исчерпала себя, и, исходя из этого, он делал вывод, что перед Советами, представляющими собой блок мелко-буржуазных и пролетарских сил, стоит еще задача незавершенной буржуазно-демократической революции. В то время, как т. Ленин считал, что перед пролетариатом и крестьянством стоит задача завоевания власти, Каменев считал, что перед пролетариатом еще стоит задача окончания буржуазно-демократической революции. Эти цели Каменева и его задачи февральской революции вытекали из неверной оценки сущности рабоче-крестьянского блока и его роли в буржуазной и пролетарской революции. Каменев считал, что в буржуазной революции существует блок между пролетариатом и крестьянством, но по его мнению момент исчерпания до конца буржуазной революции, переход к революции социалистической должен явиться моментом, когда пролетариат расстается с мелкой буржуазией и самостоятельно осуществляет свои пролетарские цели. По его мысли, в февральских условиях незаконченной буржуазной революции должен существовать блок пролетариата и крестьянства и должен происходить процесс обособления этого революционного блока от Временного правительства. Для этого, по мнению т. Каменева, необходим контроль Советов над Временным правительством. Его тактика сводилась не к вскрытию классовых противоречий, не к противопоставлению пролетариата буржуазии, а к связыванию пролетариата с буржуазией, к затушевыванию классовых противоречий. Против т. Каменева энергично и решительно

выступил т. Ленин. Он считал, что Каменев в своей позиции переходит на позицию Чхеидзе и Стеклова, что его предложение затушевывает классовую сущность революции. Другая оценка февральской революции, с которой Ленину пришлось бороться, защищая свои тезисы, были оценка февральской революции, данная Троцким. План Троцкого и его оценка февральской революции были сформулированы в ряде статей, которыми он ответил на февральскую революцию. Статьи были напечатаны в разных изданиях за границей до приезда тов. Троцкого в Россию. В своей оценке февральской революции Троцкий выдвигал свою старую оценку революции 1905 года. В своих статьях „У порога революции в России", „1905—1917 г.г." тсв. Троцкий все время сравнивает февральскую революцию 1917 года с революцией 1905 года. Как и тогда, во время 1905 года, русская революция идет и теперь. „Улицы Петрограда снова заговорили языком пятого года, — пишет т. Троцкий, — как и тогда, во время русско-японской войны, рабочие требуют хлеба, мира, свободы; как и тогда не двигаются трамваи и не выходят газеты и опять, как в пятом году, только эти две силы видны на улицах столицы: революционные рабочие и царские войска".

Как и в пятом году, Троцкий отрицает политическую роль и значение за мелкой буржуазией. Ставя вопрос, какова революция, какова ее внутренняя сила и дальнейшие перспективы в статье „1905—1917 гг.", т. Троцкий говорил: „Где у нас в России мелкая буржуазия? Ее экономическая роль ничтожна. Русский капитализм с самого начала стал развиваться в своих централизованных формах, русский пролетариат враждебно противопоставлял себя буржуазии, как класс, еще на пороге первой революции 1905 года" [1].

Как и в 1905 г., не учитывая роли мелкой буржуазии, Троцкий дальнейшую цель пролетарской борьбы видит в создании революционного правительства. Это революционное правительство не имеет конкретных форм. Революционное правительство, по

[1] Троцкий.—Собр. соч., том III, стр. 24.

мысли Троцкого, должно будет после захвата власти завоевать на свою сторону мелкую буржуазию. В то время, как Ленин, оценивая роль мелкой буржуазии, говорил о необходимости сотрудничества между пролетариатом и идущей за ним мелкой буржуазией, Троцкий говорил о завоевании пролетариатом мелкой буржуазии и ставил задачу захвата власти в руки пролетариата лишь силами одного пролетариата. Оценивая позицию Троцкого в 1917 году, Ленин указывал, что в ней заключается субъективизм, опасность, желание перепрыгнуть через не изжившее еще себя крестьянское движение. „Не грозит ли нам опасность впасть в субъективизм, в желание «перепрыгнуть» через незавершенную—не изжившую еще крестьянского движения, революцию буржуазно-демократического характера к революции социалистической? Если бы я сказал: «без царя, а правительство рабочее», — эта опасность мне бы грозила", — писал тов. Ленин. Таким образом, ленинская оценка февральской революции и оценка идущего за ним большинства партии встретила внутри самих большевиков оппозицию со стороны той группы, которая пыталась отстаивать старую оценку революции 1905 года и старые задачи. Тов. Ленину пришлось защищать свою оценку расстановки классовых сил в февральской революции и вытекавших отсюда задач от старого стратегического плана революции, сформулированного еще в противовес большевистскому ленинскому плану в 1905 году Троцким. Борьба Ленина за осуществление в жизнь своего стратегического плана развернулась на апрельской конференции большевиков в 1917 году. Он был принят генеральным штабом революции и осуществлен пролетариатом России в 1917 году.

ТЕЗИСЫ Т. ЛЕНИНА О ЗАДАЧАХ РС-ДРП ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ.

От редакции.

Приведенный в этом № материал показывает, какую громадную работу развернул ПК нашей партии. Для России и всего Интернационала это — поистине образец с.-д. работы во время реакционной войны, при самых трудных условиях. Рабочие Питера и России всеми силами поддержат эту работу и поведут ее дальше энергичнее, сильнее, шире по тому же пути.

Считаясь с указаниями товарищей из России, мы формулируем несколько тезисов, по злободневным вопросам с.-д. работы.

1) Лозунг „Учр. собрания", как самостоятельный лозунг, неверен, ибо весь вопрос **теперь** в том, кто созовет его. Либералы принимали этот лозунг в 1905 г., ибо его **можно** было толковать в смысле созванного царем и соглашающегося с ним собрания. Правильнее всего лозунги „трех китов" (демократ. республики, конфискации помещичьей земли и 8-часового рабочего дня — с добавлением ст. № 9), призыва к международной солидарности рабочих в борьбе за социализм, за революционное свержение воюющих правительств и против войны. 2) Мы против участия в военнопромышленных комитетах, помогающих вести империалистскую реакционную войну. Мы за использование выборной кампании, например, за участие на первой стадии выборов **только** в агитационных и организационных целях. — О бойкоте Государственной думы не может быть и речи. Участие в перевыборах **безусловно необходимо**. Пока в Государственной думе нет депутатов нашей партии, необходимо использовать все происходящее в думе с точки зрения революционной

социал-демократии. 3) Самыми очередными и насущными задачами мы считаем упрочение и расширение социал-демократической работы в пролетариате, а затем распространение ее на сельский пролетариат, на деревенскую бедноту и на войско. — Важнейшей задачей революционной с.-д. является — развивать начавшееся стачечное движение, проводя его под лозунгом „трех китов“. В агитации необходимо отводить должное место требованию немедленного прекращения войны. Среди других требований рабочие не должны забывать о требовании вернуть немедленно рабочих депутатов, членов РС-ДРП. 4) Советы Рабочих Депутатов и т. п. учреждения должны рассматриваться, как органы восстания, как органы революционной власти. Лишь в связи с развитием массовой политической стачки и в связи с восстанием, по мере его подготовки, развития, успеха, могут принести прочную пользу эти учреждения. 5) Социальным содержанием ближайшей революции в России может быть только революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. Революция не может победить в России, не свергнув монархию и крепостников-помещиков. А свергнуть их нельзя без поддержки пролетариата крестьянством. Шаг вперед — расслоение деревни на „хуторян-помещиков“ и на сельских пролетариев — не уничтожил гнета Марковых и К⁰ над деревней. За необходимость **отдельной** организации сельских **пролетариев** мы стояли и стоим безусловно, во всех и всяких случаях. 6) Задача пролетариата России — довести до конца буржуазно-демократическую революцию в России, **дабы** разжечь социалистическую революцию в Европе. Эта вторая задача теперь чрезвычайно приблизилась к первой, но она остается все же особой и второй задачей, ибо речь идет о **разных классах,** сотрудничающих с пролетариатом России: для первой задачи сотрудник — мелкобуржуазное крестьянство России, для второй — пролетариат других стран. 7) Участие с.-д. во Временном революционном правительстве вместе с демократической мелкой буржуазией мы считаем, попрежнему, допустимым, но только **не** с революционерами-шовинистами. 8) Революционерами-шовинистами мы

считаем тех, кто хочет победы над царизмом для победы над Германией, — для грабежа других стран, — для упрочения господства великороссов над другими народами России и т. д. Основа революционного шовинизма — классовое положение мелкой буржуазии. Она всегда колеблется между буржуазией и пролетариатом. Теперь она колеблется между шовинизмом (который мешает ей быть последовательно революционной, даже в смысле демократической революции) и пролетарским интернационализмом. Политические выразители этой мелкой буржуазии в России в данный момент — трудовики, эс-эры, „Наша Заря", фракция Чхеидзе, ОК, г. Плеханов и т. п. 9) Если бы в России победили революционеры-шовинисты, мы были бы против обороны их „отечества" в данной войне. Наш лозунг против шовинистов, хотя бы революционеров и республиканцев, **против** них и **за** союз международного пролетариата для социалистической революции. 10) На вопрос, возможна ли руководящая роль пролетариата в буржуазной русской революции, мы отвечаем: да, возможна, **если** мелкая буржуазия в решающие моменты качнется влево, а ее толкает влево не только наша пропаганда, но и ряд объективных факторов, экономических, финансовых (тяжести войны), военных, политических и пр. 11) На вопрос, что бы сделала партия пролетариата, если бы революция поставила ее к власти в теперешней войне, мы отвечаем: мы предложили бы мир **всем** воюющим на условии освобождения колоний и **всех** зависимых, угнетенных и неполноправных народов. Ни Германия, ни Англия с Францией не приняли бы, при теперешних правительствах их, этого условия. Тогда мы должны были бы подготовить и повести революционную войну, т.-е. не только полностью провели бы самыми решительными мерами всю нашу программу-минимум, но и систематически стали бы подымать на восстание все ныне угнетенные великороссами народы, все колонии и зависимые страны Азии (Индию, Китай, Персию и пр.), а также — и в первую голову — поднимали бы на восстание социалистический пролетариат Европы против его правительств и вопреки его социал-шовинистам. Не подлежит ника-

кому сомнению, что победа пролетариата в России дала бы необыкновенно благоприятные условия для развития революции и в Азии и в Европе. Это доказал даже 1905 год. И международная солидарность революционного пролетариата есть **факт**, вопреки грязной пене оппортунизма и социал-шовинизма.

Выставляя эти тезисы для обмена мнений с товарищами, мы будем развивать наши взгляды в след. №№ центр. органа.

13 октября 1915 г. „Социал-Демократ".

ВОЗЗВАНИЕ ПЕТР. КОМИТЕТА РС-ДРП (больш.) В НАЧАЛЕ СОБЫТИЙ.

Российская Социал-Демократическая Рабочия Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Жить стало невозможно. Нечего есть. Не во что одеться. Нечем топить.

На фронте кровь, увечье, смерть. Набор за набором. Поезд за поездом, точно гурты скота, отправляются наши дети и братья на человеческую бойню.

Нельзя молчать.

Отдавать братьев и детей на бойню, а самим издыхать от холода и голода, и молчать без конца — это трусость бессмысленная, преступная, подлая.

Все равно не спасешься. Не тюрьма — так шрапнель; не шрапнель — так болезнь или смерть от голодовки и истощения.

Прятать голову и не смотреть вперед — недостойно. Страна разорена. Нет хлеба. Надвинулся голод. Впереди может быть только хуже. Дождемся повальных болезней, холеры.

Требуют хлеба — отвечают свинцом. Кто виноват?

Виновата царская власть и буржуазия. Они грабят народ в тылу и на фронте. Помещики и капиталисты на войне наживаются; не успевают считать барыши. Тянут войну без конца. Ради военных барышей и ради захвата Константинополя, Армении и Польши гонят на бойню народ. Нет конца их жадности и зверству.

По доброй воле они не откажутся от наживы и не прекратят войну. Пора укротить черносотенного и буржуазного зверя.

Либералы и черносотенцы, министры и Государственная дума, дворянство и земство — все слилось во время войны в одну озверелую шайку.

Царский двор, банкиры и попы загребают золото. Стая хищных бездельников пирует на народных костях, пьет народную кровь. А мы страдаем. Мы гибнем. Голодаем. Надрываемся на работе. Умираем в траншеях. Нельзя молчать.

Все на борьбу! На улицу. За себя, за детей и братьев.

В Германии, в Австрии, в Болгарии поднимает голову рабочий класс. Он борется там против своей озверелой буржуазии за мир и свободу. Поможем ему и себе. Поможем борьбой против своих угнетателей. Поднимайтесь все. Организуйтесь для борьбы. Устраивайте комитеты Российской Социал-Демократической Рабочей Партии по мастерским, по заводам, по районам, по городам и областям, по казармам, по всей России. Это будут комитеты борьбы, комитеты свободы. Объясняйте крестьянам, горожанам, солдатам, что их спасение только в победе социал-демократов.

Надвинулось время открытой борьбы. Забастовки, митинги, демонстрации не ослабят организацию, а усилят ее. Пользуйтесь всяким случаем, всяким удобным днем. Всегда и везде с массой и со своими революционными лозунгами.

Пусть приспешники капитала назовут наши действия стачечным азартом, вспышкопускательством. Спасение в немедленной и повседневной борьбе, а не в откладывании ее на дальний срок.

Всех зовите к борьбе. Лучше погибнуть славной смертью, борясь за рабочее дело, чем сложить голову за барыши капитала на фронте или зачахнуть от голода и непосильной работы. Отдельное выступление может разрастись во всероссийскую революцию, которая даст толчок к революции в других странах.

Впереди борьба, но нас ждет верная победа. Все под красные знамена революции. Долой царскую

монархию. Да здравствует демократическая республика! Да здравствует 8-часовой рабочий день! Вся помещичья земля народу! Долой войну! Да здравствует братство рабочих всего мира! Да здравствует социалистический Интернационал! [1]

25 февраля 1917 г.

ВОЗЗВАНИЕ БЮРО ЦК РС-ДРП (больш.).

Товарищи, граждане, солдаты!

Царская власть привела Россию на край гибели. Страна разорена, народ оборван, мучается на фронте и в тылу. Нет хлеба, нет дров, нет угля, нет железа. Нечего есть, нечем работать, не на что жить. А власть Николая II своей душительской политикой старается увеличить все растущее горе.

В ответ на рабочие требования — остановили заводы, тысячи выбросили на мостовую. Это произошло в Питере, Колпине и др. городах. В Москве, Нижнем и многих других местах закрывают заводы за отсутствием топлива и сырья. Черносотенная власть занята ограблением в тылу и на фронте, неспособна даже дать народу хлеб и работу. Нас давят, не дают говорить, не дают писать, не дают собираться, чтобы обсудить, как выйти из великой беды.

Вот уже три дня, как замерла в городе вся трудовая жизнь. Рабочий люд не хочет больше терпеть насилия, грабежей, разруху. На требования рабочих и нерабочих граждан Питера, заявленных демонстрациями по городу, ставленники самодержца-царя отвечают свинцом. Нашлись и палачи-солдаты для стрельбы по безоружной толпе. Пусть проклятие народа, сотен убитых, их жен и детей сопровождает всю жизнь их пьяную совесть.

Царская власть неспособна удовлетворить нужды народные. Она ведет себя, как в завоеванной стране. Пользуется войной для укрепления трона. Тысячи

[1] Шляпников.—„Семнадцатый год“, ч. 1, стр. 102.

томит по тюрьмам, в каторге, ссылает в Сибирь, расстреливает на улицах.

Необходимо свергнуть эту власть.

Настало время решительной борьбы. Всеобщая всероссийская стачка — наше главное оружие. Для борьбы с конными и пешими народными палачами нам должны помочь наши друзья всех родов оружия. Пусть солдаты, наши братья и дети, идут в наши ряды с оружием в руках. Тогда пробьет последний час романовской монархии.

Долой царскую монархию. Да здравствует Народная Республика. Всю помещичью землю — народу. 8-часовой рабочий день — рабочему люду. Да здравствует Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия. Да здравствует Временное революционное правительство. Долой бойню.

27 февраля 1917 г.

МАНИФЕСТ РОССИЙСКОЙ СОЦ.-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ко всем гражданам России.

Граждане! Твердыня русского царизма пала. Благоденствие царской шайки, построенное на костях народа, рухнуло. Столица в руках восставшего народа. Части революционных войск стали на сторону восставших. Революционный пролетариат и революционная армия должны спасти страну от окончательной гибели и краха, который приготовило царское правительство. Громадными усилиями, кровью и жизнями русский народ стряхнул с себя вековое рабство. Задача рабочего класса и революционной армии — создать Временное революционное правительство, которое должно стать во главе нового, нарождающегося республиканского строя. Временное революционное правительство должно взять на себя создание временных законов, защищающих все права и вольности народа, конфискацию

монастырских, помещичьих, кабинетских и удельных земель и передать их народу, введение восьмичасового дня и созыв Учредительного Собрания на основе всеобщего, без различия пола, национальности и вероисповедания, прямого, равного избирательного права с тайной подачей голосов.

Временное революционное правительство должно взять на себя задачу немедленного обеспечения продовольствием населения и армии, а для этого должны быть конфискованы все полные запасы, заготовленные прежним правительством и городским самоуправлением. Гидра реакции может еще поднять свою голову. Задача народа и его революционного правительства — подавить всякие противонародные контр-революционные замыслы. Немедленная и неотложная задача Временного революционного правительства — войти в сношение с пролетариатом воюющих стран для революционной борьбы народов всех стран против своих угнетателей и поработителей, против царских правительств и капиталистических клик и для немедленного прекращения кровавой человеческой бойни, которая навязана порабощенным народам. Рабочие фабрик и заводов, а также восставшие войска должны немедленно выбрать своих представителей во Временное революционное правительство, которое должно быть создано под охраной восставшего революционного народа и армии. Граждане, солдаты, жены и матери. Все на борьбу. К открытой борьбе с царской властью и ее приспешниками.

По всей России поднимается красное знамя восстания.

По всей России берите в свои руки дело свободы, свергайте царских холопов, зовите солдат на борьбу.

По всей России, по городам и селам создавайте правительство революционного народа.

Граждане! Братскими, дружными усилиями восставших мы закрепим нарождающийся новый строй свободы на развалинах самодержавия.

Вперед! Возврата нет! Беспощадная борьба!

Под красное знамя революции!

Да здравствует демократическая республика!
Да здравствует революционный рабочий класс!
Да здравствует революционный народ и восставшая армия!

Центральный Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

28 февраля 1917 года.

ПЕРВОЕ ЗАСЕДАНИЕ СОВЕТА РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ.

В конце девятого часа вечера в комнате № 12 собралось человек 40—50 рабочих — представителей от различных районов. Никакой проверки прибывших делегатов не было. Не было также и никакой регистрации представителей. Большинство, если не все поголовно, имели „устные“ мандаты, без всяких удостоверений от заводов. Да и кто же мог проверять? Предполагалось всеми, что сегодняшнее собрание явится инициативным, а настоящее, с нармальным представительством мыслилось впереди.

Кто мог, спешил занять места. Около стола группировалась оборонческая компания, во главе с К. А. Гвоздевым. Ни Чхеидзе, ни Керенского или кого-либо из депутатов Государственной думы не было видно ни за столом, ни среди беседующих групп.

Рабочие делегаты, пришедшие из районов, требовали скорейшего открытия заседания, так как все спешили в свои районы. Никому из рабочих не хотелось оставаться в этих стенах, вне массы, вне борьбы. Еще не чувствовалось, а еще менее понималось, что борьба с улиц переносится в стены Таврического дворца.

Мысль об устройстве фракционного, чисто большевистского, совещания пришлось покинуть в виду крайне малого числа единомышленников, пришедших сюда. Другие партийные группировки очевидно были не в лучшем состоянии, так как вели дело по-„беспартийному“.

Открытие первого заседания Петербургского собрания Совета Рабочих Депутатов произошло коллективно,

сумбурно, одновременно целой группой лиц, в которой были: Н. Д. Соколов, К. А. Гвоздев, Эрлих, Панков и другие, имена коих не сохранились в моей памяти. Наконец, Н. Д. Соколову удалось уже одному открыть собрание и предложить избрать председателя.

Некто из группы оборонцев-меньшевиков, стоявших прочной стеной за столом, выдвигает кандидатуру „бывшего председателя Совета Рабочих Депутатов в 1905 году, товарища Хрусталева-Носаря". Многие из присутствовавших рабочих не были осведомлены относительно послереволюционной деятельности Хрусталева-Носаря, и в общем сумбуре, при поддержке меньшевиков-оборонцев, пришедших на это собрание всей своей рабочей и нерабочей группой, этот господин мог бы пройти в члены Исполнительного Комитета. Не зная настоящего политического лица Хрусталева, рабочие могли принять его кандидатуру, как желанную, напоминавшую им одну из славных страниц исторической борьбы петербургского пролетариата. Но был бы величайший позор для питерского пролетариата, если бы он допустил избрание в свой центр одного из позорнейших ренегатов.

Чтобы не допустить этого позора, я вношу предложение избрать не только президиум, но и весь деловой, руководящий орган, тут же названный „Исполнительным Комитетом". Николай Дмитриевич Соколов, очевидно, понявший, в чем дело, соглашается с моим предложением, и оно принимается без голосования. Тут же определяется временный, до завтрашнего заседания, и состав временного Исполнительного Комитета в 11 человек. Приступили к намечению кандидатов.

И опять то же лицо из оборонческих кругов выдвинуло первым имя Хрусталева-Носаря. Н. Д. Соколов, как послушный председательствующий, поставил было эту кандидатуру на голосование, но я потребовал слова по поводу этой кандидатуры.

Прежде всего я выразил свое удивление и негодование по поводу того, что один из ренегатов социализма, ставший сотрудником „Нового Времени", клеветник и антисемит, присутствует на открытии первого бое-

вого, революционного рабочего органа, и не просто присутствует, как зритель, а как почетный член собрания. От имени Российской Социал-Демократической Рабочей Партии (большевиков) я потребовал немедленного исключения Хрусталева-Носаря из состава учредителей Совета Рабочих Депутатов, а не голосования его в состав Временного Исполнительного Комитета.

Кроме того, я предложил проверить присутствовавших и выяснить, кто имеет право и честь быть среди инициаторов учредителей Совета.

Оборонцы встретили мое выступление крайне враждебно, но никто не осмелился выступить на защиту ренегата. Мои предложения, „как наиболее радикальные", ставились на голосование первыми и получили 33—35 голосов, т.-е. около $^3/_4$ голосов присутствовавших делегатов. Против предложений голосовали человек 10 оборонцев.

Мандатная комиссия была избрана в количестве трех: Н. Д. Соколова, Эрлиха и К. А. Гвоздева. Для проверки присутствующих был объявлен коротенький перерыв. Проверка происходила в соседней № 11 комнате и продолжалась не более четверти часа. Делегатов от рабочих было человек 40—50, не больше. Хрусталев-Носарь был устранен, но, по открытии собрания, потребовал было слова для объяснений. Однако, собравшиеся рабочие не пожелали его выслушать и своими разумными протестами предупредили председательствовавшего, намеревавшегося запросить собрание, угодно ли ему выслушать Хрусталева.

После исключения Хрусталева-Носаря, меньшевики выдвинули Н. С. Чхеидзе, социалисты-революционеры (Сурин и др.) — А. Ф. Керенского; кто-то поставил кандидатуру М. Скобелева. За этими именами пошли выдвижения с „мест" в случайном, неорганизованном порядке. Ставились на голосование социалист-революционер П. А. Александрович (Пьер Ораж), К. А. Гвоздев. Наши товарищи выдвинули пишущего эти строки, работавшего тогда под фамилией Александра Беленина; я лично поставил на голосование кандидатуру рабочего Петра Залуцкого. Моя кандидатура

была вызовом для оборонцев, и они голосовали против, но тем не менее я получил большинство голосов. Всего за меня голосовало человек 25. Из этого следует, что присутствовало делегатов и „правомочных“ инициаторов не более 45 человек. Н. Д. Соколов, которого до этого времени считали большевиком, был выдвинут нашими товарищами. Меньшевики (инициативная группа) выдвинули Гриневича и рабочего-металлиста Панкова. Социалисты-революционеры пожелали выдвинуть в Исполнительный Комитет тоже одного рабочего и провели Сурина (от „Айваза“), оказавшегося агентом охранного отделения. Всего, таким образом, было выбрано 11 человек. При этом было принято, что настоящие выборы произойдут на другой день, на полном и более правомочном собрании Совета Рабочих Депутатов. Время созыва Совета определили на 12 часов дня 28 февраля.

Вслед за выборами Временного Исполнительного Комитета я вношу предложение усилить Исполнительный Комитет введением в него партийного представительства. По этому вопросу я успел перекинуться своими соображениями с тт. П. Залуцким и В. Молотовым и сделать свое предложение от имени Бюро Центрального Комитета. Оно не встретило ни проницательных, ни деловых противников и было принято без голосования. Далее я внес уже детальное дополнение к основному, только что принятому решению о количестве и порядке представительства. После краткого обмена мнений было принято, что три политические партии: 1) Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия (большевиков), 2) Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия (меньшевиков) и 3) Партия Социалистов-Революционеров посылают с решающим голосом по три делегата каждая. Из этих трех одно место обязательно должно быть предоставлено петербургским комитетам партий. Кроме того, каждая национальная организация этих трех партий имеет право послать по одному представителю также с правом решающего голоса.

Внося это предложение, мы считали нужным усилить партийное влияние во Временном Исполнительном

Комитете, в который стремились всевозможные господа, независимые от социализма и революционных рабочих организаций. Быть представителем победоносного революционного пролетариата было и лестно и выгодно. И если в тяжелые времена подпольного житья и борьбы мы чувствовали, как многие из интеллигентов, „бывших“ членов партии, сделавшихся директорами заводов, ушедших на службу в союзы городов и земств, делали все, чтобы никто не напоминал им о прошлом, то в эти дни им было выгодно взять обратное направление, спекулировать на „грехах своей молодости“.

Покончив с организационными вопросами, связанными с выборами Исполнительного Комитета, собрание заслушало краткое сообщение о продовольственном положении города. Положение в этой области отнюдь не было катастрофическим. Было выяснено, что общественные организации (главным образом, союзы земств и городов), а также интендантство имели значительное количество продуктов питания. Собрание решило использовать для питания армии и населения все как интендантские, так и общественные и частные запасы продовольствия. Для проведения этого постановления в жизнь, а также и для организации всего дела снабжения продовольствием города была образована продовольственная комиссия во главе с товарищем Громаном.

Следующий вопрос, также поставленный и решенный Советом в спешном порядке, был вопрос об издании „Известий“. Питер уже три дня не видал печатного, даже уродливого слова, а революция вызвала такой живой интерес ко всему происходившему, даже у обывательских элементов. По улицам ходили огромные толпы собирателей новостей и слухов. Выходивших из Таврического дворца осаждали, требовали сообщений о ходе революционного движения как в самом городе, так и в провинции и в армии и отпускали только после удовлетворения просьбы толпы. Совет решил немедленно приступить к печатанию своей газеты „Известия“, заняв для этой цели лучшую типографию в городе. Все это дело издания и связанная с ним реквизиция типографии были тут же поручены

трем социал-демократам: Б. В. Авилову, работавшему тогда с нами, В. Д. Бонч-Бруевичу, владельцу книгоиздательства „Жизнь и Знание“, и Ю. Стеклову. Все трое находились среди гостей в комнате заседаний Совета. Все дали свое согласие и немедленно отправились организовывать порученное им дело.

Во время обсуждения вопроса о печати появились в собрании Н. С. Чхеидзе, А. Ф. Керенский, М. Скобелев. Очевидно, они были на заседании комитета Государственной думы. Н. Д. Соколов передал председательствование Чхеидзе.

После решения вопроса об издании своей газеты, я поставил вопрос о работе в районах. Старая власть была разрушена, и Совет должен был дать указания, как рабочим организоваться в районах. Однако, детально обсуждать этот вопрос делегаты не хотели, так как все спешили вернуться в свои районы, но поручили Исполнительному Комитету послать в каждый район своих полномочных представителей для организации рабочих и местных органов власти. Во время обмена мнений по этому вопросу впервые было пущено в ход слово „комиссар“. Рабочие представители спешили в свои районы, и первое заседание 1 Совета Рабочих Депутатов, учредителей великого революционного органа питерского пролетариата, на этом закрылось. Следующее заседание было назначено на другой день, т.-е на 28-ое февраля, в 12 часов дня, в Таврическом дворце.

Шляпников.—„Семнадцатый год“, ч. 1, стр. 146—150.

ПЕРВОЕ ЗАСЕДАНИЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА.

Заседание Временного Исполнительного Комитета открыл Н. С. Чхеидзе. К порядку конструирования Исполнительного Комитета я заявил, что Бюро Центрального Комитета вводит в его состав товарища В. Молотова. Вслед за этим поступило аналогичное заявление от инициативной группы, вводившей в Испол-

нительный Комитет Батурского. От имени междурайонного комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии была внесена просьба дать представительство их Петербургскому Комитету. В виду того, что „межрайонцы“ стояли на родственной с ними платформе, мы поддержали их, и один представитель от них был допущен в состав Исполнительного Комитета. Мандат на представительство „межрайонки“ имел товарищ Юренев.

А. Ф. Керенского и М. И. Скобелева на заседании Исполнительного Комитета не было.

В порядок дня заседания были внесены нерешенные Советом вопросы, как-то: об организации районов, а также вопрос о вооружении рабочих, внесенный мною от имени Бюро Центрального Комитета, и делегирование представителей в Военную комиссию при комитете Государственной думы.

По вопросу об организации районной власти было решено назначить членов Исполнительного Комитета и других лиц, по рекомендации членов Исполнительного Комитета, в качестве „комиссаров для установления народной власти в районах Петрограда“. Тотчас же состоялось назначение, и мне поручен Выборгский район. В соседний Лесной район был назначен социалист-революционер — Сурин. На пост комиссара Петербургской стороны социалисты - революционеры выдвинули Пешехонова, как жившего там и знавшего хорошо район. Комиссары обязаны были образовать районные комитеты.

По вопросу о вооружении рабочих были небольшие прения, но, в общем, вопрос прошел без особых разногласий. Постановили вооружить десять процентов питерских рабочих. Мне было поручено выступать по всем вопросам, связанным с делом вооружения рабочих и организации милиции.

После переговоров с представителями районов были намечены сборные пункты для вооружения рабочих и неприкрепленных к казармам солдат. За эти дни борьбы в Питере оказалось очень много солдат, отбившихся от своих частей или пришедших из ближайших к Петрограду городов и местечек. Для Выборгского

района было отведено помещение общества потребителей и больничной кассы завода Парвиайнен. Петербургский—назначил место сбора в Бирже труда, по Кронверкскому проспекту. Василеостровский район также выбрал помещение местной Биржи труда, на 13 линии, д. 46. Рождественский (включая Пески-Смольный) район устроился в столовой местного попечительства по Мытнинской улице. Рабочий район Невской заставы объявил местом сбора вечерние классы для рабочих в с. Смоленском. Нарвский район выбрал помещение больничной кассы Путиловского завода.

За работой Военной комиссии рекомендовалось наблюдать всем членам Исполнительного Комитета; кроме того, решили послать туда для связи Н. Д. Соколова и П. Александровича — социал-революционера-интернационалиста.

Во временный комитет Государственной думы делегировали Н. С. Чхеидзе и А. Ф. Керенского. Оба они были членами этого комитета, но приняли на себя представительство и от Исполнительного Комитета. Давая мандат на представительство, Исполнительный Комитет поручил им следить за тем, чтобы ни одно мероприятие, ни одно решение правительственного характера не исходило бы без ведома Исполнительного Комитета Совета Рабочих Депутатов. Они должны были наблюдать за деятельностью комитета Государственной думы и не допустить до того, чтобы господа Милюковы и Родзянки за спиной восставшего народа столковались с остатками царизма.

Несмотря на бурлившее настроение и всеобщий энтузиазм, первое заседание Временного Исполнительного Комитета отличалось деловитостью и отчетливостью. Пока дело шло о технических средствах и способах укрепления революции, между нами, представителями различных политических партий и групп, разногласий в этот день не было. Но мы не скрывали и не боялись появления наших старых разногласий, разделявших во время войны единый международный социализм на два враждебных лагеря.

Н. С. Чхеидзе во время заседания держался растерянно, молчаливо, машинально ставил на голосование

то или иное предложение. Казалось, что происшедшее падение царизма, торжество революции пришибло его своей быстротой и грандиозностью. Он очень часто исчезал из комнаты заседания временного Исполнительного Комитета. О каком-либо влиянии его на решения Исполнительного Комитета или руководстве событиями через этот революционный орган не могло быть и речи. Его растерянный вид, ответы невпопад говорили красноречиво о том, что претензий вождя или партийного руководителя он в тот день не имел.

Несмотря на сравнительное единодушие в работе Временного Исполнительного Комитета за первый день все же мы, большевики, могли определить, что в этом составе Исполнительного Комитета можем располагать поддержкой лишь небольшого числа его членов. Кроме нас троих, голосовали и поддерживали нас социал-демократ меньшевик-интернационалист Панков, социал-революционер П. Александрович, представитель „межрайонки“ Юренев. Из остальных в этот день были с нами Н. Д. Соколов и Гриневич. Последний рекомендовал себя интернационалистом.

Очень поздно, под утро следующего дня, Исполнительный Комитет закончил заседание, но не исчерпал порядка дня. Во время заседания приходили различные делегаты и делегации с докладами и требованиями директив. Было постановлено подыскать для приема делегатов особую комнату и установить очередное дежурство членов Исполнительного Комитета.

Шляпников.—„Семнадцатый год“, ч. 1, стр. 151—154.

ПРИКАЗ № 1.

1 марта 1917 года.

По гарнизону Петроградского округа всем солдатам гвардии, армии, артиллерии и флота для немедленного и точного исполнения, а рабочим Петрограда для сведения.

Совет Рабочих и Солдатских Депутатов постановил:

1) Во всех ротах, батальонах, полках, парках, батареях, эскадронах и отдельных службах разного рода военных управлений и на судах военного флота немедленно выбрать комитеты из выборных представителей от нижних чинов вышеуказанных воинских частей.

2) Во всех воинских частях, которые еще не выбрали своих представителей в Совет Рабочих Депутатов, избрать по одному представителю от рот, которым и явиться с письменными удостоверениями в здание Государственной думы к 10-ти часам утра, 2-го сего марта.

3) Во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету Рабочих и Солдатских Депутатов и своим комитетам.

4) Приказы военной комиссии Государственной думы следует исполнять только в тех случаях, когда они не противоречат приказам и постановлениям Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

5) Всякого рода оружие, как-то: винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее, должно находиться в распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам, даже по их требованиям.

6) В строю и при отправлении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но вне службы и строя, в своей политической, общегражданской и частной жизни солдаты ни в чем не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане.

В частности, вставание во фронт и обязательное отдание чести вне службы отменяются.

7) Равным образом отменяется титулование офицеров: ваше превосходительство, благородие и т. д. заменяется обращением: господин генерал, господин полковник и т. д.

Грубое обращение с солдатами воинских чинов, и в частности обращение к ним на „ты“ воспрещается, и о всяком нарушении сего, равно как и о всех недоразумениях между офицерами и солдатами, последние обязаны доводить до сведения ротных комитетов.

Настоящий приказ прочесть во всех ротах, батальонах, полках, экипажах, батареях и прочих строевых и нестроевых командах.

Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов.

СРЕДИ ВОЖДЕЙ БУРЖУАЗИИ.

Кажется, в четвертом часу ночи вторично приехал Гучков. Он был сильно расстроен. Только что рядом с ним в автомобиле убили князя Вяземского. Из каких-то казарм обстреляли „офицера“...

* *
*

И тут, собственно, это и решилось. Нас было в это время неполный состав. Были Родзянко, Милюков, я — остальных не помню... Но помню, что ни Керенского, ни Чхеидзе не было. Мы были в своем кругу. И потому Гучков говорил совершенно свободно. Он сказал приблизительно следующее:

— Надо принять какое-нибудь решение. Положение ухудшается с каждой минутой. Вяземского убили только потому, что он офицер... То же самое происходит, конечно, и в других местах... А если не происходит этой ночью, то произойдет завтра... Идучи сюда, я видел много офицеров в разных комнатах Государственной думы; они просто спрятались сюда... Они боятся за свою жизнь... Они умоляют спасти их... Надо на что-то решиться... На что-то большое, что могло бы произвести впечатление... Что дало бы исход... Что могло бы вывести из ужасного положения с наименьшими потерями... В этом хаосе, во всем, что делается, надо прежде всего думать о том, чтобы спасти монархию... Без монархии Россия не может жить... Но, видимо, нынешнему государю царствовать больше нельзя... Высочайшее повеление от его лица — уже не повеление: его не исполнят. Если это так, то можем ли мы спокойно и безучастно дожидаться той минуты, когда весь этот революционный

сброд начнет сам искать выхода... И сам расправится с монархией... Меж тем, это неизбежно будет, если мы выпустим инициативу из наших рук.

Родзянко сказал:

— Я должен был сегодня утром ехать к государю... Но меня не пустили... Они объявили мне, что не пустят поезда, и требовали, чтобы я ехал с Чхеидзе и батальоном солдат...

— Я это знаю,—сказал Гучков.—Поэтому действовать надо иначе... Надо действовать тайно и быстро, никого не спрашивая... ни с кем не советуясь... Если мы сделаем по соглашению с „ними", то это непременно будет наименее выгодно для нас. Надо поставить их перед свершившимся фактом... **Надо дать России нового государя**... Надо под этим новым знаменем собрать то, что можно собрать... для отпора... Для этого надо действовать быстро и решительно...

— То-есть — точнее. — Что вы предполагаете сделать?

— Я предлагаю немедленно ехать к государю и привезти отречение в пользу наследника...

Родзянко сказал:

— Рузский телеграфировал мне, что он уже говорил об этом с государем... Алексеев запросил главнокомандующих фронтами о том же. Ответы ожидаются...

— Я думаю, надо ехать, — сказал Гучков. — Если вы согласны и если вы меня уполномачиваете, я поеду... Но мне бы хотелось, чтобы поехал еще кто-нибудь...

Мы переглянулись... Произошла продолжительная пауза, после которой я сказал:

— Я поеду с вами...

Шульгин.—„Дни", „Русская Мысль", 23 г., кн. 1.

БУРЖУАЗИЯ НАЧИНАЕТ ОВЛАДЕВАТЬ ВЛАСТЬЮ.

Ровно в полночь в 42-ой комнате распахнулась внутренняя — „посторонним неизвестная" — дверь, и, к нашему немалому изумлению, на пороге появился... Родзянко. За ним полковник Энгельгардт, в штатском, и еще какой-то думец. Секунду спустя, через 41-ую

комнату подоспел Соколов и человек пять „советских“ Родзянко, грузный, развалистый, хмурый, держал в руках какую-то бумагу. Он непривычно нервничал. Подойдя к ближайшему столу, тяжело сел, заваливши плечи на локти. Против него тотчас же занял место Энгельгардт, а мы все, бывшие в зале, на властно-пригласительное мановение головы Родзянко, окружили стол тесным кольцом.

„Господа офицеры, — словно нехотя, выжимая из себя слова, заговорил Родзянко, пренебрежительно скользя глазами по прапорщичьим, преимущественно, погонам „штаба“. — Временный комитет Государственной думы постановил принять на себя восстановление порядка в городе, нарушенного последними событиями. Насколько восстановление это необходимо для фронта, вы и сами должны понимать. Комендантом Петрограда назначается член Государственной думы, полковник генерального штаба Энгельгардт“.

Энгельгардт при этих словах покраснел и, полуоборотом, наклонив голову, не вставая, раскланялся.

Резко вмешался Соколов: „Штаб уже сложился, штаб уже действует, люди подобрались... При чем тут полковник Энгельгардт... Надо предоставить тем, кто работает здесь с первой минуты восстания — самим решить, кто и кем будет командовать: тем более, что дело сейчас не в водворении порядка, а в том, чтобы разбить Хабалова и Протопопова. Тут нужны не „назначенцы“ от „высокого собрания“, а революционеры. И притом совершенно недопустимо, чтобы петроградский Совет, являющийся в настоящее время единственной действительной силой, Совет революционных рабочих и восставших солдат, оказался совершенно отстраненным от им же созданного и его задачи осуществляющего штаба. Совет уже выделил в штаб группу своих членов: если Временному комитету угодно принять участие — пожалуйста, но **большинство** в штабе, и большинство **решающее**, должно безусловно принадлежать Совету“.

Энгельгардт краснел все больше и больше. Офицеры заволновались. Но Родзянко, досадливо и попрежнему пренебрежительно морщась, грузно стукнул ладонью

по столу: „Нет уж, господа, если вы нас заставили впутаться в это дело, так уж потрудитесь слушаться".

Соколов вскипел и ответил такою фразою, что офицерство наше, почтительнейше слушавшее Родзянко, забурлило сразу. Соколова обступили. Закричали в десять голосов... Послышались угрозы. „Советские" что-то кричали тоже. Минуту, казалось, что завяжется рукопашная.

Не без труда мы розняли спорящих.

„Стыдно в такие часы. Не все ли равно, кому „командовать"? Было бы дело сделано... Что за местничество..."

А Соколову шепнули: „Энгельгардт — так Энгельгардт, кому от этого убыток? Пусть числится — дела мы все равно из рук не выпустим. А вы пока договаривайтесь с думцами, если хотите. Только не здесь".

Родзянко тем временем выпростал из ручек кресла свое оплывшее тело и, отдуваясь, направился к выходу. Следом за ним вышел и Энгельгардт. Их торопливо нагнали... некоторые из офицеров нашего штаба. Сказать по правде: — больше половины. Некоторое время из коридора, у двери, слышались их голоса. Затем голоса стали удаляться... Никто из них уже не вернулся в эту ночь в штаб.

Мстиславский.—„Пять дней", стр. 17—18.

ВОЗЗВАНИЕ ВРЕМЕННОГО КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ.

Временный комитет членов Государственной думы при тяжелых условиях внутренней разрухи, вызванной мерами старого правительства, нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка. Сознавая всю ответственность принятого им решения, комитет выражает уверенность, что население и армия помогут ему в трудной задаче создания нового правительства, могущего пользоваться его доверием...

(Временный комитет Государственной думы организовался в полночь 27-го февраля в составе: М. В. Родзянко, А. Ф. Керенский, Н. С. Чхеидзе, В. В. Шульгин, П. Н. Милюков, М. А. Караулов, А. И. Коновалов, И. И. Дмитрюков, В. А. Ржевский, О. И. Шидловский, Н. В. Некрасов и В. Н. Львов. Немедленно же Исполнительным Комитетом было опубликовано вышеприведенное воззвание).

ПЕРЕГОВОРЫ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ВЛАСТИ МЕЖДУ ПРЕДСТ. СОВ. РАБ. ДЕП. И ВРЕМ. КОМИТЕТ. ГОС. ДУМЫ.

Разговоры начались о „царившей“ в столице „анархии“. Один за другим — Родзянко, Милюков, Некрасов брали слово для того, чтобы ужасаться происходящему и нудно рассказывать об отдельных случаях эксцессов... Рассказывали о том, что было нам наизусть известно: о развале в полках, о насилиях над офицерами, о всяких погромах, столкновениях и т. д. Нас стремились „съагитировать“, чтобы потом использовать для восстановления „порядка“. Но агитаторы не замедлили убедиться, что они ломятся в открытую дверь. Они увидели, что им не только не возражают, не только не стремятся ввести в рамки рисуемые ими картины, смягчить их тона, сказать что-либо в ограничение или в оправдание „анархии“ — но всецело присоединяются к ним в полном признании и самих фактов и их крайней опасности для революции. Тогда лидеры думского комитета уже непосредственно начали переходить к пропозициям насчет „контакта“, содействия и поддержки...

Мне показалось, что заглаза достаточно этого распыления беседы и затемнения как центрального вопроса, так и общего положения дел, а также достаточно и затемнения взаимоотношений сторон. Я впервые взял слово и указал, что в борьбе с анархией заключается сейчас основная техническая задача Совета Рабочих Депутатов, что борьба эта — в его интересах — никак не меньше, чем в интересах Думского комитета, что борьба эта им ведется и будет вестись, что в частности

об отношении к офицерству нами уже печатается специальное воззвание к солдатам, но что во всем этом отнюдь не заключается основная цель данного совещания. Временный комитет Государственной думы, взявший в свои руки исполнительную власть, еще не является правительством, даже „временным“, предстоит создать это правительство, и на этот счет существуют, несомненно, определенные намерения и планы у руководящих групп Государственной думы. Совет Рабочих Депутатов, со своей стороны, предоставляет цензовым элементам образовать временное правительство, считая, что это вытекает из общей наличной конъюнктуры и соответствует интересам революции; но он, как организационный и идейный центр народного движения, как единственный орган, способный сейчас ввести это движение в те или иные рамки, направить его в то или другое русло, как единственный орган, располагающий сейчас реальной силой в столице, желает высказать свое отношение к образуемой в правом крыле власти, выяснить, как он смотрит на ее задачи и, во избежание осложнений, изложить те требования, какие он от имени всей демократии предъявляет к правительству, созданному революцией.

Наши собеседники ничего не могли возразить против такого порядка дня и приготовились слушать. С докладом, по нашему соглашению, выступил Стеклов, торжественно вставший со своим листом бумаги. Он говорил довольно долго, последовательно излагая и подробно мотивируя каждое из наших требований. В этом собрании квалифицированнейших политиков всей буржуазной России он, видимо, повторял свой доклад, только что сделанный на советском „митинге“, разъясняя в самой общедоступной форме пункт за пунктом социалистической „программы-минимум“. Популярная лекция — думал я, слушая разливавшегося рекой оратора. Но я не скажу, чтобы в этом собрании эта популярная лекция была излишней. Я не сомневаюсь, что большинство присутствующих политиков не имело надлежащих представлений о принципиальных основах наших позиций и в частности о „каком-то Учредительном собрании“. Все внимательно слушали,

один Керенский был рассеян, угрюм и демонстративно пренебрежителен...

Стеклов старался связать наши требования в единое целое, агитируя, убеждая в их рациональности и приемлемости, делая исторические экскурсии и иллюстрируя практикой Западной Европы. Особенно он остановился на вопросе „о переводе армии на гражданское положение — считая, что этот пункт вызовет неизбежную оппозицию, и стараясь доказать, что это требование вполне совместимо с сохранением боеспособности армии, которая не ослабнет, а увеличится по мере приобщения армии к революции и дарования солдатской массе всех человеческих, политических и гражданских прав".

На лицах многих из присутствовавших „цензовиков" появилось выражение беспокойства и растерянности. Но, насколько вспоминаю, Некрасов хранил полное спокойствие, а на лице Милюкова можно было уловить даже признаки полного удовлетворения.

Это было понятно тому, кто не столько следил за докладом, сколько за аудиторией, стремясь возможно правильнее ориентироваться во всей совокупности обстоятельств: ведь Милюков, несомненно, ждал требований по внешней политике, он опасался, что его захотят связать обязательством политики мира. Этого не случилось, и это не только крайне облегчило положение тогдашнего лидера цензовой России, уже познавшего вкус власти, уже завязившего в ней коготок, но доставило ему минуты душевного удовлетворения, ощущение торжества на этом „историческом" заседании.

Стеклов кончил выражением надежды, что мы сговоримся, что образуемый кабинет примет наши требования и опубликует их, как свою программу, в той декларации, которая оповестит народ о создании нового, первого правительства революции.

Заговорил в ответ Милюков. Заговорил от имени всего Думского комитета, и это всеми как бы само собой разумелось. Видно было, что Милюков здесь не только лидер, что он хозяин в правом крыле. Другие после высказывали свои мнения по разным пунктам

программы. Но фактически Милюков уже за них давал нам ответ. — Условия Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, сказал он, в общем приемлемы и в общем могут лечь в основу соглашения его с комитетом Государственной думы. Но все же есть пункты, против которых он решительно возражает. Милюков попросил дать ему лист бумаги, где была изложена наша программа, и, переписывая ее, делал свои замечания. Амнистия, разумеется, само собой. Милюков, не делая активно ни шагу и лишь уступая, не счел приличным спорить против амнистии и терпел ее до конца, не очень охотно, но вполне послушно записывая... „по всем преступлениям аграрным, военным, террористическим“. То же самое было со вторым пунктом — политическими свободами, отменой сословных, вероисповедных ограничений и т. д. От Милюкова требовали, и он уступал.

Но вот третий пункт уже вызвал решительный отпор со стороны лидера будущего министерства. Пункт третий гласит: „Временное правительство не должно предпринимать никаких шагов, предрешающих будущую форму правления“. Милюков отстаивал монархию и династию Романовых, с царем Алексеем и регентом Михаилом.

. . . . . .

Он делал нам „либеральные авансы“, указывая, что Романовы теперь уже не могут быть опасны, а Николай и для него неприемлем и должен быть устранен. Он был наивен, когда убеждал нас в приемлемости для демократии его „комбинации“, говоря про своих кандидатов: „один больной ребенок, а другой совсем глупый человек...“ Милюкову в его положении, конечно, не могли помочь вообще никакие теоретические аргументы, такая же аргументация, во всяком случае, могла только проваливать дело... Но другая, настоящая, не годилась, и Милюков просто упорствовал без аргументов, приводя в некоторое смущение даже иных коллег из „прогрессивного блока“.

Чхеидзе и Соколов отмечали не только неприемлемость, но и утопичность плана Милюкова, указывая в репликах на всеобщую ненависть к монархии и на

острую постановку вопроса о династии среди народных масс. Они говорили, что попытка отстоять Романовых под нашей санкцией совершенно абсурдна, немыслима и вообще ни к чему не привела бы. Но лидер буржуазии был неумолим и, видя бесплодность спора, обратился к дальнейшим пунктам.

Он прошел всю программу до конца, приемля и выборы в муниципалитеты, и отмену полиции, и Учредительное собрание, с его подлинным именем и всеми надлежащими атрибутами. Он выразил затем удивление, как можно предполагать покушение правительства на разоружение и вывод революционных полков без настоятельной стратегической к тому потребности. Возражая далее против перевода армии вне строя на гражданское положение, он не отвергал в принципе этого пункта и говорил лишь об его опасности. И, наконец, он снова вернулся к третьему пункту, указывая, что для него он единственно неприемлем, тогда как об остальных можно столковаться.

Следующим говорил Родзянко. Насколько я помню, он остановился преимущественно на сроке созыва Учредительного собрания и выборов в него. Мы требовали немедленного приступа к работам по организации выборов и скорейших выборов, независимо ни от каких обстоятельств. Родзянко указывал на невозможность их, в частности, для армии во время войны. Но говорил он далеко не „категорически“, скорее в порядке сомнений. Не помню, поддержал ли он Милюкова в вопросе о монархии и регентстве.

Далее произнес речь Шульгин, который перенес центр тяжести в пункт о распорядках в армии. Он говорил о войне, о победе, о патриотизме и крайней опасности нашей „военной программы“. Но никакой ультимативности в его речи я тоже не помню, и, насчет монархии, он, рекомендуясь монархистом, был мягче Милюкова, высказывая лишь свои общие взгляды по этому предмету.

. . . . . .

Ясно вспоминаю смешную, длинную, лысую, усатую фигуру будущего прокурора Львова, громко, длинно

и наивно говорящего речь из своего глубокого кресла. Этот деятель, далекий от политики, но недалекий вообще обыватель, принадлежал в Думе к какой-то правой партии — националистов или земцев-октябристов. Но в первых словах своей речи он об'явил себя республиканцем и говорил об ужасе возможного возврата царизма, лучше которого — смерть. Возврат же царизма возможен в результате военного поражения, военное же поражение может быть в результате политики Совета Рабочих Депутатов, и в частности тех преобразований в армии, на которых мы настаиваем. В общем, этот „член кабинета" ничего существенного не прибавил к сказанному раньше.

Следующее слово было мое. Я очень кратко указал на то, что предъявленные требования, во-первых, минимальны, во-вторых, совершенно категоричны и окончательны. Я отметил, что среди масс с каждым днем и часом развертывается несравненно более широкая программа, и массы идут и пойдут за ней. Руководители напрягают все силы, чтобы направить движение в определенное русло, сдержать его в рациональных рамках, но если эти рамки при сложившихся обстоятельствах будут установлены неразумно, не будут в соответствии с размахом движения, то стихия сметет их вместе со всеми проектируемыми правительственными „комбинациями". Стихию можем сдержать или мы, или никто. Реальная сила, стало-быть, или у нас, или ни у кого. Выход один: согласиться на наши условия и принять их, как правительственную программу.

Обмен мнений по существу наших требований был окончен. Милюков снова взял слово: — Это ваши требования, обращенные к нам. Но мы имеем к вам свои требования.

. . . . . .

Милюков требовал от нас декларации, в которой было бы указано, что данное правительство образовалось по соглашению с Советом Рабочих Депутатов, что „постольку" это правительство должно быть признано законным в глазах народных масс и заслуживать доверие их; главное же он требовал, чтобы в этой

декларации был призыв к доверию офицерству и к признанию солдатами командного состава.

Н. Суханов. „Записки о революции".
Книга 1. Петербург. 1919 г., стр. 204—211.

ВОЗЗВАНИЕ ВРЕМЕННОГО КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ.

2 марта 1917 года.

Тяжелое переходное время кончилось. Временное Правительство образовано. Народ совершил свой гражданский подвиг и перед лицом грозящей родине опасности свергнул старую власть...

Новая власть, сознавая свой ответственный долг, примет все меры к обеспечению порядка, основанного на свободе, и спасению страны от разрухи внешней и внутренней. Неизбежное замешательство,—к счастью, весьма кратковременное,—приходит к концу. Граждане страны, и в первую очередь граждане взволнованной столицы, должны вернуться к спокойной трудовой жизни. К нормальной жизни должны вернуться и войска. Бдительная охрана ими нового порядка возможна и особенно ценна, когда войска будут готовы по первому слову правительства явиться, куда надобность укажет.

Бывший комендант Петроградского гарнизона Хабалов смещен и арестован. Временный Комитет Государственной Думы назначает главнокомандующим Петроградского гарнизона и его окрестностей командира 25-го корпуса генерал-лейтенанта Корнилова, несравненная доблесть и геройство которого на полях сражений известны всей армии и России. Сделано распоряжение о вызове генерала Корнилова... из действующей армии. До его приезда в Петроград временное исполнение обязанностей главнокомандующего возложено на командира 4-ой запасной бригады генерал-майора Аносова.

4 марта назначен парад войскам гарнизона, который примет Временное Правительство.

Председатель Временного Комитета при Государственой Думе **Родзянко.**

ВОЗЗВАНИЕ СОВЕТА РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ВЛАСТИ.

Товарищи и граждане!

Новая власть, создающаяся из общественно-умеренных слоев общества, объявила сегодня о всех тех реформах, которые она обязуется осуществить частью еще в процессе борьбы со старым режимом, частью по окончании этой борьбы. Среди этих реформ некоторые должны приветствоваться широкими демократическими кругами. Политическая амнистия, обязательство принять на себя подготовку Учредительного Собрания, осуществление гражданских свобод, устранение национальных ограничений. И мы полагаем, что в той мере, в какой зарождающаяся власть будет действовать в направлении осуществления этих обязательств и решительной борьбы со старой властью, демократия должна оказать ей свою поддержку.

Товарищи и граждане! Приближается полная победа русского народа над старой властью. Но для победы нужны еще громадные усилия, нужны исключительные выдержка и твердость. Нельзя допускать разъединения и анархии, нужно немедленно пресекать все бесчинства, грабежи, врывание в частные квартиры, расхищение и порчу всякого рода имущества, бесцельные захваты общественных учреждений. Упадок дисциплины и анархия губят революцию и народную свободу.

Не устранена еще опасность военного движения против революции. Чтобы предупредить его, весьма важно обеспечить дружную согласованную работу солдат с офицерами. Офицеры, которым дороги интересы свободы и прогрессивного развития родины, должны употребить все усилия, чтобы наладить совместную деятельность с солдатами. Они будут уважать в солдате его личное и гражданское достоинство, будут бережно обращаться с чувством чести солдата. Со своей стороны, солдаты будут помнить, что армия сильна лишь союзом солдат и офицерства, что за дурное поведение отдельных офицеров клеймить всю офицерскую корпорацию нельзя. Ради успеха револю-

ционной борьбы надо проявить терпимость и забвение несущественных проступков против демократии тех офицеров, которые присоединились к той решительной и окончательной борьбе, которую мы ведем со старым режимом.

Исполнительный Комитет Совета Рабочих
и Солдатских Депутатов.

ДЕКЛАРАЦИЯ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Граждане!

Временный Комитет членов Государственной Думы при содействии и при сочувствии столичных войск и населения достиг в настоящее время такой степени успеха над темными силами старого режима, который позволит ему приступить к более прочному устройству исполнительной власти.

Для этой цели Временный Комитет Государственной Думы назначает министрами первого общественного кабинета следующих лиц, доверие к которым страны обеспечено в прошлой общественной и политической деятельности:

Председатель совета министров и министр внутренних дел — кн. **Г. Е. Львов**, министр иностранных дел — **П. Н. Милюков**, министр народного просвещения — **А. А. Мануйлов**, министр финансов — **И. П. Терещенко**, военный и временно морской министр — **А. И. Гучков**, министр земледелия — **А. И. Шингарев**, министр торговли и промышленности — **А. И. Коновалов**, министр путей сообщения — **Н. В. Некрасов**, министр юстиции — **А. Ф. Керенский**.

В своей настоящей деятельности кабинет будет руководствоваться следующими основаниями:

1. Нужна немедленная полная амнистия по всем делам политическим и религиозным, в том числе террористических покушений, военных восстаний, аграрных выступлений и т. д.

2. Свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек, распространение политической свободы на военно-

служащих в пределах, допускаемых военными техническими условиями.

3. Отмена всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений.

4. Немедленная подготовка к созыву на началах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования Учредительного Собрания, которое установит форму правления и конституцию страны.

5. Замена полиции народной милицией и выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления.

6. Выборы в органы местного самоуправления на основании всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.

7. Неразоружение и невывод из Петрограда воинских частей, принимавших участие в революционном движении.

8. При сохранении строгой военной дисциплины в строю и при несении военной службы, устранение для солдат всех ограничений в пользовании общественными правами, предоставленными всем остальным гражданам.

Временное Правительство считает своим долгом присовокупить, что оно отнюдь не намерено воспользоваться военными обстоятельствами для какого-либо промедления в осуществлении вышеизложенных реформ и мероприятий.

Председатель Государственной Думы **М. В. Родзянко**, председатель совета министров кн. **Львов**, министры: **Милюков, Некрасов, Коновалов, Мануйлов, Терещенко, Вл. Львов, Шингарев, Керенский.**

ОТ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Граждане Российского Государства!

Свершилось великое. Могучим порывом русского народа низвергнут старый порядок. Родилась новая свободная Россия. Великий переворот завершает долгие годы борьбы.

Актом 17 октября 1905 года, под давлением пробудившихся народных сил России, обещаны были конституционные свободы. Однако, обещания эти не были исполнены. Выразительница народных надежд, первая Государственная Дума была распущена. Вторую Думу постигла та же участь, и, бессильное побороть волю народную, правительство решилось актом 3 июня 1907 года отнять у населения часть предоставленных ему прав на участие в законодательной деятельности. В течение долгих девяти лет у народа отнимались, пядь за пядью, все завоеванные им права. Страна опять ввергнута была в пучину произвола и самовластия. Все попытки вразумить власть оказывались тщетными, и великая мировая борьба, в которую родина наша вовлечена была врагом, застала ее в состоянии морального распада власти, не объединенной с народом, безучастной к судьбе родины и погрязшей в позоре порока. Ни геройские усилия армии, изнывавшей под тяжестью жестокой внутренней разрухи, ни призывы народного представительства, объединившегося перед лицом национальной опасности, не были в силах направить бывшего императора и его правительство на путь единения с народом. И, когда Россия противузаконными и пагубными действиями ее правителей поставлена была перед величайшими бедствиями, народ должен был взять власть в свои руки. Единодушный революционный порыв народа, проникнутого сознанием важности момента, и решимость Государственной Думы создали Временное Правительство, которое и считает своим священным и ответственным долгом осуществить чаяния народные и вывести страну на светлый путь свободного гражданского строения.

Правительство верит, что дух высокого национализма, проявившийся в борьбе народа со старою властью, окрылит и доблестных солдат наших на поле брани. Правительство со своей стороны приложит все силы к обеспечению нашей армии всем необходимым для того, чтобы довести войну до победного конца.

Правительство будет свято хранить связывающие нас с другими державами союзы и неуклонно исполнять заключенные с союзниками соглашения.

Принимая меры к защите страны от врага внешнего, правительство в то же время почтет первейшей своею обязанностью открыть путь к выражению воли народной относительно образа правления и созовет в возможно кратчайший срок Учредительное Собрание на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, обеспечив участие в выборах и доблестным защитникам родины, проливающим ныне кровь на полях сражения. Учредительное Собрание издаст также основные законы, обеспечивающие стране незыблемые основы права, равенства и свободы.

Сознавая всю тяжесть гнетущего страну бесправия, стесняющего свободный творческий порыв народа в годину тяжких народных потрясений, Временное Правительство сочтет необходимым немедленно, еще до созыва Учредительного Собрания, обеспечить страну твердыми нормами, ограждающими гражданскую свободу и гражданское равенство, дабы предоставить всем гражданам свободно проявить свои духовные силы в созидательной работе на благо родины. Правительство озаботится также установлением норм, обеспечивающих всем гражданам равное, на основе всеобщего избирательного права, участие в выборах органов местного самоуправления. В минуту освобождения народного вся страна с благоговейною признательностью вспоминает тех, кто в борьбе за свои политические и религиозные убеждения пал жертвою мстительной старой власти, и Временное Правительство сочтет радостным долгом вернуть с почетом из мест ссылки и заточения всех страдальцев за благо родины. Исполняя эти задачи, Временное Правительство одушевлено верою, что оно будет этим творить волю народную и что весь народ поддержит его в честном стремлении обеспечить счастье России. В этой вере оно черпает бодрость. Только в дружном всенародном содействии своим усилиям оно видит этот залог торжества нового порядка.

6 марта 1917 года.

ТЕЛЕГРАММА СОВЕТА СЪЕЗДОВ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ТОРГОВЛИ — КОМИТЕТУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

Совет съездов промышленности и торговли, объединяющий общественные торгово-промышленные организации в России, 2 марта собрался впервые после низвержения старого правительства, приведшего страну и ее народное хозяйство в состояние полного потрясения. Совет съездов преклоняется перед подвигами, явленными в стране Государственной Думой. Совет съездов твердо верит, что подвиг Государственной Думы, приведший армию и народ к победе над старой властью и к освобождению России, вольет в страну свежие силы для полного отражения неприятельского нашествия. Совет съездов заявляет, что он отдает себя в полное распоряжение Временного Комитета членов Государственной Думы. Указания и распоряжения Комитета он почитает для себя обязательными, впредь до создания нового преобразованного государственного управления. Одновременно Совет съездов призывает все общественные торгово-промышленные организации России, биржевые комитеты, комитет торговли и мануфактур, купеческие общества, общества заводчиков и фабрикантов, съезды представителей отдельных отраслей промышленности и торговли и все торговые и промышленные классы России, забыв партийную и социальную рознь, которая может быть сейчас на пользу только врагам народа, теснее сплотиться вокруг Временного Комитета членов Государственной Думы и предоставить в его распоряжение все свои силы.

Товарищ Председателя Совета **Н. Изнар.**

ПРОТОКОЛЫ ИСП. КОМ. ПЕТРОГРАДСК. СОВ. РАБ. И СОЛД. ДЕП. ЗА 3—11 МАРТА 1917 г. [1]

Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

1. Об аресте Николая и прочих членов династии Романовых.

Протокол заседания от 3 марта (И. К. — *Ред.*) Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

Постановлено: 1. Довести до сведения рабочих депутатов, что Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов постановил арестовать династию Романовых и предложить Временному Правительству произвести арест совместно с Советом Рабочих Депутатов. В случае же отказа — запросить, как отнесется Временное Правительство, если Исполнительный Комитет сам произведет арест. Ответ Временного Правительства обсудить вторично в заседании Исполнительного Комитета.

2. По отношению к Михаилу произвести фактический арест, но формально объявить его лишь подвергнутым фактическому надзору революционной армии.

3. По отношению к Николаю Николаевичу, в виду

---

[1] Протоколы составлены были, очевидно, наспех, имеются пропуски, напр., в протоколе от 8 марта § 21, графа „постановили" говорится: „Приняты следующие 7 пунктов". Самый же текст этих пунктов не приводится. Кроме того, немало встречается стилистических неясностей и неточностей. Тем не менее, протоколы являются документом чрезвычайной важности, отражая биение пульса первых дней революции.

Прим. редакции.

опасности арестовать его на Кавказе, предварительно вызвать его в Петроград и установить в пути строгое над ним наблюдение.

4. Арест женщин из дома Романовых производить постепенно в зависимости от роли каждой в деятельности старой власти.

Вопрос о том, как произвести аресты и организацию арестов, поручить разработать военной комиссии Совета Рабочих Депутатов. Чхеидзе и Скобелеву поручено довести до сведения правительства о состоявшемся постановлении Исполнительного Комитета Совета Рабочих Депутатов.

2. О приказе № 1 Исполнительного Комитета Совета Рабочих Депутатов.

В виду возникших недоразумений в связи с приказом № 1 по петроградскому гарнизону поручено военной комиссии разъяснить этот приказ.

3. О возобновлении трамвайного движения.

Постановлено возобновить трамвайное движение и выпустить об этом соответствующее воззвание. Объявить, что все, кроме солдат и милиционеров, должны платить за проезд в прежнем размере. Кроме того, постановлено призвать всех возвратить ручки и проч. части трамваев. Решение Исполнительного Комитета представить на утверждение Совета Рабочих Депутатов.

4. О комиссиях.

Решено образовать ряд комиссий:

1) Продовольственная—Громан, Франко-Русский и Волков.

2) Канцелярия — Богданов, Капелинский и Соколовский.

3) Агитационная — Эрлих, Павлович, Беленин.

4) Районная — Соколовский, Гриневич.

5) Железнодорожная и почтово-телеграфная — Святицкий.

6) Литературная — Стеклов.

7) Комиссия по возобновлению работ — Гвоздев, Панков, Петров.

8) Финансовая — Гвоздев, Брамсон.

9) Автомобильная — Гвоздев, Динде.

10) Информационная и по текущим делам — Борисов, Батурский и Эрлих.

11) Комиссия по заведыванию издательско-типографским делом — Суханов, Стеклов и Петр Александрович.

12) Секретарь Исполнительного Комитета — Капелинский.

Во все комиссии могут быть кооптированы сведущие лица.

5. О почте и телеграфе.

Разрешено функционировать почте и телеграфу, установив за ними наблюдение.

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ ИСПОЛН. КОМИТЕТА СОВ. СОЛД. И РАБ. ДЕПУТАТ. 4 МАРТА 1917 г.

1. О взаимоотношениях между офицерами и Советом Рабочих и Солдатских Депутатов.

На состоявшемся совместном заседании представителей офицерского корпуса и Исполн. Комитета, после обмена мнений, решено принять меры к регулированию отношений между офицерами и солдатами на основах, изложенных в приказе № 1. Приказ этот разъяснить в целях уничтожения возникших на этой почве недоразумений.

2. О реконструировании Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

Признано необходимым реконструировать Совет Рабочих и Солдатских Депутатов в целях уменьшения числа представителей и создания работоспособного органа. Были предложены две схемы:

1) Петроград разбивается на районы; в каждом образовывается районный Совет Рабочих Депутатов, который уже от себя делегирует представителей в Петроградский Совет.

2) Выборы прямые, по расчету 1 представителя на две тысячи человек как по отношению к солдатам, так и по отношению к рабочим. Вопрос этот окончательно не разрешен.

3. Заявление представителя польского войска.

Делегат польских легионов, приветствуя Совет Раб. и Солд. Деп., просит сохранить за ними польское знамя и поддержать их в борьбе за свое национальное самоопределение.

От имени Совета Раб. и Солд. Деп. дано соответствующее обещание.

4. О типографии „Сельского Вестника".

Постановлено предоставить временно, до выхода ежедневных газет, типографию „Сельский Вестник" в распоряжение комитета журналистов.

5. Заявление представителя кронштадтской армии.

Делегат от армии Кронштадта докладывает, что положение там очень серьезное, благодаря столкновениям между матросами и сухопутными войсками. Приехавшие представители с.-д. Выборгской стороны, критиковавшие Временное Правительство и Сов. Раб. и Солд. Деп., еще сильнее обострили положение. Постановлено немедленно командировать туда несколько членов Совета.

6. Об участии в мировых судах.

Признано желательным участие представителей рабочих и солдат в качестве членов мировых судов. Представить это решение на утверждение Совета и предложить произвести выборы по районам. Одновременно опубликовать обращение к юристам-социалистам, желающим принять в этом участие.

7. Приветствия представителя Московского Совета Р. и С. Д.

Приехавший делегат Московского Совета Раб. и Солд. Деп. приветствует Петр. Совет. Раб. и Солдат. Депут.

8. Доклад председателя продовольственной комиссии.

Председатель продовольственной комиссии сообщает о тех мероприятиях, которые были сделаны продовольствен-

ной комиссией в целях снабжения населения и солдат продуктами. Высказывается за немедленное введение карточной системы и за создание особого государственного органа, как министерства труда и хозяйства. Необходимо известное взаимоотношение с Временным Правительством, так как положение крайне серьезное. Необходимо установить систематический план заготовок, перевозок и общероссийскую норму потребления. В этих целях необходимо создание центральной продовольственной организации. Наша продовольственная комиссия должна быть верховным органом контроля, а правительственный орган — центральным исполнительным органом. Этим органам необходимо будет провести государственную монополию хлеба. Центральный орган должен быть создан на следующих основаниях: 1) представитель от Сов. Рабоч. и Солд. Деп., 2) представители от кооперативных и объединенных потребит. и производит. орг., 3) представители союза городов и земского союза, 4) представители заинтересованных ведомств Местные же губернские комитеты должны быть образованы из представителей местных публично-правовых организаций.

Все намеченные положения принимаются единогласно и выражается благодарность представителю продовольственной комиссии Громану. В состав продовольственной комиссии включены Чайковский и Франко-Русский.

ЛИКВИДАЦИЯ ПОПЫТКИ ВРЕМЕНН. ПРАВИТЕЛЬСТВА „ЭВАКУИРОВАТЬ" НИКОЛАЯ II В АНГЛИЮ.

Все как обычно. Но необычайно напряжена атмосфера. Особенно резко звучит сегодня акцент председательствующего Чхеидзе и особо резко горят его утомленные, черные глаза.

Отрывистым шопотом сосед вводит меня в курс происшедшего: в ночь Исполком получил сведения, что Временное Правительство решило бывшую царскую фамилию, во главе с Николаем II, только-что, после растерянной мотни между Псковом и фронтом, вернувшимся в Царское Село и „формально" (специальным актом Временного Правительства) лишенным свободы — „эвакуировать" сегодня, 9 марта, в Англию. Во избежание каких-либо эксцессов по дороге — сопровождать „фамилию" до Архангельска, где „высылаемые" должны были (под гром салюта, конечно) погрузиться на английское судно — взялся сам Керенский, — по должности прокурора... необъявленной республики... Акт об арестовании оказался, как и следовало ожидать, только „маневром" для убаюкания нашей бдительности.

Но они перемудрили, Родзянко и Милюков: „реставрация" — это звучало слишком резко даже для меньшевистского Исполкома. Тем более, что он не мог не знать, как не словом, но **действием** — отозвались бы революционные массы Петрограда на весть об отправке царской семьи за рубеж — на фронт иноземной и отечественной контр-революции. Временное Правительство не рассчитало удара: в заседании 9 марта — среди

выступавших ораторов (а выступали, без малого, все)— не оказалось двух мнений. Все, созвучно, утверждали: Революция должна оградить себя от всякой возможности восстановления монархии: перчатка, брошенная Временным Правительством, решившим этот существеннейший для судеб революции вопрос единолично, за спиной Исполкома, — должна быть поднята.

Но как поднять ее... на этом запинались ораторы. И в скольких речах — и как ярко — чувствовалось, что заседание наше прикрывала еще тяжелая тень „векового трона“: он был пуст, — но он еще не был **повержен** и разбит в щепы.

Слишком долго и слишком путанно задерживались ораторы на вопросе о том, в какой мере „лично“ опасен бывший монарх — и кто из великих князей может и должен подойти под категорию угрожающих будущей республике. Мерою опасности, естественно, определяется мера пресечения: вот почему столь безудержно страстные в заявлениях своих об опасности **монархии**, члены ИК тускнели, потупляли глаза, когда логическим ходом мысль заставляла их говорить о судьбе **монарха**. Были секунды, когда казалось, что столь страшное для меньшевизма, столь ранящее слух слово — „цареубийство“ — уже готово спуститься на нас... как огненные языки на головы апостолов. Но оратору перехватывал горло уже поднятый его мыслью звук — и вновь затягивала собрание зыбкая, туманная пелена — полунамеков, полупризнаний, полуклятв.

Все облегченно вздохнули поэтому, когда кто-то торопливо внес предложение о прекращении прений: „Время не терпит, пора к делу“.

Чхеидзе ставит на голосование вопрос: „Допустить ли отъезд царской фамилии... кто против“.

Как одна поднялись дружным, нервным взметом руки.

Но если так, то надо принять меры к тому, чтобы подобные покушения стали, раз навсегда, невозможны: ведь Временное Правительство может повторить, при первом удобном случае, попытку. Республика должна быть обеспечена от возвращения Романовых на исто-

рическую арену. Стало-быть, „опасные“ должны быть непосредственно в руках у Петроградского Совета. У нас — не у „временных“. Не у „временных“...

„Возражений нет... Более точную формулировку?.. Излишне: она определится событиями“.

И снова — никаких разногласий. Переходим к практической части. Президиум осведомляет нас о предварительных мерах, принятых им уже с раннего утра. Весь состав верных Совету офицеров (союз офицеров-республиканцев) мобилизован. Рабочие боевые дружины в районах поставлены под ружье. Все вокзалы уже заняты ближайшими к ним воинскими частями, под руководством специально командированных Исполкомом эмиссаров. Теперь, в связи с состоявшимся решением пленума и „сообразуясь с духом его“ (еще раз мрачно блеснул глазами Чхеидзе) — остается довершить начатое — в Царском Селе, где находится царская фамилия. Отряд для этой цели — семеновцы и рота пулеметчиков, за которую головой ручаются ее офицеры — уже отправлен на Царскосельский вокзал. Исполкому надлежит только указать чрезвычайного эмиссара, который примет командование над этим отрядом — и выполнит только-что принятое решение.

Слово берет опять Н. Д. Соколов. Он формулирует требования, которым должен удовлетворять эмиссар — при наличии столь общей, столь туманно формулированной директивы: ибо „решать“ — фактически придется там, на месте, и решением этим определится весь ход ближайших политических событий... „В таких условиях одинаково опасны и горячность и нерешительность“. Любой ценой „должна быть выполнена сегодняшняя задача — но цена, какая бы она ни была, должна быть определена без ошибки“...

Сосед, наклонившись, говорит мне что-то невнятное на ухо... Переспрашиваю, и в это время — слышу свою фамилию.

Обертываюсь.

Соколов мотивирует предложение моей кандидатуры.

Мстиславский, „Пять дней“.

ВОЗЗВАНИЕ ПАРТИИ НАРОДНОЙ СВОБОДЫ (К.-Д.).

Старая власть исчезла. Государственная Дума, забыв различие партийных взглядов, объединилась во имя спасения родины и взяла на себя создание новой власти.

Граждане, доверьтесь этой власти все до единого, соедините ваши усилия, дайте созданному Государственной Думой правительству совершить великое дело освобождения России от врага внешнего и водворения в стране мира внутреннего, основанного на началах права, равенства и свободы.

Наши доблестные армия и флот, в наибольшей мере испытавшие тяжесть созданной в стране прежнею властью разрухи, армия и флот, молчаливо совершавшие доселе свой величайший подвиг на поле брани, — исполнили в эту тягчайшую для родины минуту гражданский долг свой, стали несокрушимой стеной вокруг народного представительства и вместе с ним закладывают ныне основы новой свободной России.

Да будут забыты в стране все различия партий, классов, сословий и национальностей. Да воспрянет в высоком порыве единый русский народ и создаст условия мирного существования всех граждан, да укрепится порядок, при котором каждый класс, каждое сословие и каждая национальность сумеют свободно выявлять свои взгляды и добиваться осуществления своих желаний. Сейчас главный лозунг — организация и единство — организация и единство для победы над врагом внешним, организация и единство в строительстве внутреннем. Да возгорится во всех сердцах надежда, что на сей раз удастся избегнуть пагубного разобщения.

Заря свободы загорелась над нашей родиной в минуты тягчайших испытаний. Эти испытания налагают на нас долг проявить величайшее самообладание и, имея перед глазами ближайшую цель, укрепление новой власти, охранять всемерно спокойствие и не дать старой власти использовать возможное замешательство в рядах наших.

Граждане! Партия народной свободы призывает всех вас, каждого на своем месте, напрячь все усилия к охране нового порядка.

Пусть каждый из нас несет жертву возрождающейся родине в меру сил своих. Пусть каждый земледелец, крестьянин и помещик везет хлеб нашей армии и населению городов, будучи уверенным, что хлеб пойдет на прокормление истинно голодного и не попадет в чужие, хищные руки. Пусть торговец откроет свои амбары, уверенный, что не будет больше продажности и вымогательства, оставлявших безнаказанными одних и обременявших непосильными поборами других; пусть рабочий народ с удвоенной энергией станет на работу, уверенный, что новая власть первейшей заботой своею ставит обеспечение тех, кто своим трудом облегчает подвиг воинов, отражающих грудью врага, и крестьян, добывающих для него хлеб. Пусть в общем порыве забудутся старые обиды, и пусть они не воспрянут вновь никогда, пусть родина выйдет из тяжелых испытаний счастливой, свободной, объединенной узами любви и всеобщего братства.

Центральный Комитет Партии Народной Свободы.

2 марта 1917 года.

ОТНОШЕНИЕ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ К ВРЕМЕННОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ.

Конференция петроградских социалистов-революционеров, в заседании 2 марта 1917 года, обсудив политические условия момента, постановила:

1) Так как опасность контр-революции еще не устранена, в силу чего очередная задача момента состоит в закреплении политических завоеваний революции, конференция считает настоятельно необходимой поддержку Временного Правительства, поскольку оно будет выполнять объявленную им политическую программу, состоящую в осуществлении амнистии, личных свобод, в отмене сословных, вероисповедных и национальных ограничений и в подготовке Учредительного Собрания,

оставляя за собою право изменить свое отношение к нему при отклонении Временного Правительства от выполнения намеченной им программы. Вместе с этим, конференция признает настоятельно нужной борьбу со всякими попытками, подрывающими организационную работу Временного Правительства в осуществлении выставленных им политических положений.

2) Считая необходимым контроль за деятельностью Временного Правительства со стороны трудящихся масс, конференция приветствует вступление А. Ф. Керенского во Временное Правительство в звании министра юстиции, как защитника интересов народа и его свободы, и выражает свое полное сочувствие линии его поведения в дни революции, вызванной правильным пониманием момента.

3) Для укрепления политических завоеваний революции и дальнейшего роста социально-политических прав народа конференция всех членов партии социалистов-революционеров постановляет принять деятельнейшее участие в организации народных масс путем участия в Совете Рабочих и Солдатских Депутатов, создании крестьянских союзов и других организаций, преследующих цели защиты интересов народа.

4) Поддерживая Временное Правительство и в осуществлении его политической программы, вместе с этим конференция считает необходимым вести энергичную работу по подготовке Учредительного Собрания, пропаганду республиканского образа правления и всех социально-политических требований, выставленных в программе-минимум партии социалистов-революционеров.

В. И. ЛЕНИН О ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

(Из письма т. Ленина к швейцарским рабочим).

Для нас не подлежало и не подлежит ни малейшему сомнению, что империалистское правительство Англии ни за что не пропустит в Россию русских интернационалистов, непримиримых противников продолжения Россией **империалистской** войны.

В связи с этим мы должны остановиться вкратце на нашем понимании задач русской революции. Мы тем более считаем необходимым сделать это, что через посредство швейцарских рабочих мы можем и должны обратиться к рабочим немецким, французским и итальянским, говорящим на тех же языках, на которых говорит население Швейцарии, пользующееся до сих пор благами мира и сравнительно наибольшей политической свободой.

Мы остаемся безусловно верны тому заявлению, которое мы сделали в центральном органе нашей партии, в газете „Социал-Демократ", издававшейся в Женеве, в № 47 от 13 октября 1915 г. Мы сказали там, что если в России победит революция и у власти окажется **республиканское** правительство, желающее продолжать **империалистскую** войну, войну ради завоевания Константинополя, Армении, Галиции и т. д. и т. п., то мы будем решительными противниками такого правительства, мы будем **против** „защиты отечества" в **такой** войне.

Приблизительно такой случай наступил. Новое правительство России, которое вело переговоры с братом Николая II о восстановлении монархии в России и в котором главнейшие решающие посты принадлежат **монархистам** Львову и Гучкову, это правительство пытается обмануть рабочих посредством лозунга: „немцы должны свергнуть Вильгельма II" (правильно, но отчего бы не добавить: англичане, итальянцы и другие — своих королей, а русские — своих монархистов Львова и Гучкова). Это правительство пытается посредством такого лозунга и не публикуя тех империалистских, грабительских договоров, которые царизм заключил с Францией, Англией и пр. и которые **подтверждены правительством Гучкова - Милюкова - Керенского**, выдать за „оборонительную" (т.-е. справедливую, законную, даже с точки зрения пролетариата) свою **империалистскую** войну с Германией, выдать за „защиту" республики (которой в России **еще** нет и которую Львовы и Гучковы даже и не **пообещали** еще учредить) защиту хищнических, империалистских, грабительских целей капитала русского, английского и пр.

Если правду говорят последние телеграфные сообщения, указывающие на то, что между открытыми русскими социал-патриотами (вроде Плеханова, Засулич, Потресова и т. д.) и партией „центра“, партией „Организационного Комитета“, партией Чхеидзе, Скобелева и пр., произошло нечто вроде сближения на почве лозунга: „пока немцы не свергнут Вильгельма, наша война является оборонительной“, — если это правда, то мы с удвоенной энергией поведем борьбу против партии Чхеидзе, Скобелева и др., борьбу, которую мы **раньше** всегда вели в этой партии за ее оппортунистическое, колеблющееся, шаткое политическое поведение.

Наш лозунг: никакой поддержки правительству Гучкова-Милюкова. Обманывает народ тот, кто говорит, что такая поддержка необходима для борьбы против восстановления царизма. Напротив, именно гучковское правительство **вело уже** переговоры о восстановлении монархии в России. **Только** вооружение и организация пролетариата способны помешать **Гучкову и К°** **восстановить** монархию в России. Только остающийся верным интернационализму революционный пролетариат России и **всей Европы** способен избавить человечество от ужасов империалистской войны.

Мы не закрываем себе глаз на громадные трудности, стоящие перед революционно-интернационалистическим авангардом пролетариата России. В такое время, как переживаемое нами, возможны самые крутые и быстрые перемены. В № 47 „Социал-Демократа“ мы ответили прямо и ясно на естественно возникающий вопрос: что сделала бы наша партия, если бы революция поставила ее у власти **тотчас?** Мы ответили: 1) мы немедленно предложили бы мир **всем** воюющим народам; 2) мы огласили бы наши условия мира, состоящие в немедленном освобождении **всех** колоний и **всех** угнетенных и неполноправных народов; 3) мы немедленно начали бы и довели бы до конца освобождение народов, угнетенных великороссами; 4) мы ни на минуту не обманываемся, что такие условия были бы **неприемлемы** не только для монархической, но и для республиканской буржуазии Германии и не только

для Германии, но и для капиталистических правительств Англии и Франции.

Нам пришлось бы вести революционную борьбу против немецкой — и не одной только немецкой — буржуазии. **Мы повели бы ее.** Мы — не пацифисты. Мы — противники империалистских войн из-за раздела добычи между капиталистами, но мы всегда объявляли нелепостью, если бы революционный пролетариат зарекался от революционных войн, которые **могут** оказаться необходимыми **в интересах социализма.**

Задача, которую мы обрисовали в № 47 „Соц.-Дем.", гигантски велика. Она может быть решена только в длинном ряде великих классовых битв между пролетариатом и буржуазией. Но не наше нетерпение, не наши желания, а **объективные условия**, созданные империалистской войной, завели **все** человечество в тупик, поставили его перед дилеммой: или дать погибнуть еще миллионам людей и разрушить до конца всю европейскую культуру, или передать власть **во всех** цивилизованных странах в руки революционного пролетариата и осуществить социалистический переворот.

Русскому пролетариату выпала на долю великая честь **начать** ряд революций, с объективной неизбежностью порожденных империалистской войной. Но нам абсолютно чужда мысль считать русский пролетариат избранным революционным пролетариатом среди рабочих других стран. Мы прекрасно знаем, что пролетариат России менее организован, подготовлен и сознателен, чем рабочие других стран. Не особые качества, а лишь особенно сложившиеся исторические условия сделали пролетариат России, **на известное, быть-может, очень короткое, время**, застрельщиком революционного пролетариата всего мира.

Россия — крестьянская страна, одна из самых отсталых европейских стран. **Непосредственно** в ней не может победить **тотчас** социализм. Но крестьянский характер страны, при громадном сохранившемся земельном фонде дворян-помещиков, на основе опыта 1905 г., **может** придать громадный размер буржуазно-демократической революции в России и сделать из нашей

революции **пролог** всемирной социалистической революции, **ступеньку** к ней.

В борьбе за эти идеи, всецело подтвержденные и опытом 1905 г. и весной 1917 г., сложилась наша партия, непримиримо выступая против всех остальных партий, и за эти идеи мы будем бороться впредь.

В России не может непосредственно и немедленно победить социализм. Но крестьянская масса **может** довести неизбежный и назревший аграрный переворот до **конфискации** и всего необъятного помещичьего землевладения. Этот лозунг выставляли мы всегда, и его выставили теперь в Петербурге и ЦК нашей партии и газета нашей партии „Правда".

За **этот** лозунг будет бороться пролетариат, нисколько не закрывая себе глаз на неизбежность ожесточенных классовых столкновений между сельскохозяйственными наемными рабочими и примыкающими к ним беднейшими крестьянами и **зажиточными крестьянами**, которых усилила столыпинская (1907—1914) аграрная „реформа". Нельзя забывать, что 104 крестьянских депутата в первой Думе (1906) и во второй (1907) выдвинули революционный аграрный проект, требующий национализации всех земель и распоряжения ими через местные комитеты, выбранные на основе полного демократизма.

Подобный переворот сам по себе отнюдь не был бы еще социалистическим, но он дал бы громадный толчок всемирному рабочему движению. Он чрезвычайно укрепил бы позицию социалистического переворота в России и его влияние на сельско-хозяйственных рабочих и на беднейших крестьян. Он дал бы возможность городскому пролетариату, опираясь на это влияние, развить такие революционные организации, как „Советы Рабочих Депутатов", заменить ими старые орудия угнетения буржуазных государств, армию, полицию, чиновничество, провести под давлением невыносимо тяжелой империалистской войны и ее последствий — ряд революционных мер для **контроля** за производством и распределением продуктов.

Русский пролетариат не может одними своими силами **победоносно завершить** социалистическую рево-

люцию. Но он может придать русской революции такой размах, который создаст для нее наилучшие условия, который в известном смысле **начнет** ее. Он может облегчить обстановку для вступления в решительные битвы своего главного, самого надежного сотрудника, **европейского** и американского социал-пролетариата.

Пусть маловеры предаются отчаянию по поводу временной победы в европейском социализме таких отвратительных лакеев империалистской буржуазии, как Шейдеманы, Легины, Давиды и К° в Германии, Самба, Гед, Ренодель и К° во Франции, фабианцы и „лабуристы“ в Англии. Мы твердо убеждены, что эту **грязную пену** на всемирном рабочем движении сметут быстро волны революции.

В Германии уже **кипит** настроение пролетарской массы, которая так много дала человечеству и социализму своей упорной, настойчивой, выдержанной организационной работой в течение долгих десятилетий европейского „затишья“ 1871—1914 гг. Будущее германского социализма представляют не изменники Шейдеманы, Легины, Давиды и К° и не такие колеблющиеся, придавленные рутиной „мирного“ периода политики, как Гаазе, Каутский и им подобные.

Это будущее принадлежит тому направлению, которое дало Карла Либкнехта, которое создало группу „Спартакуса“, которое вело пропаганду в бременской „Арбейтерполитик“.

Объективные условия империалистской войны служат порукою в том, что революция не ограничится **первым этапом** русской революции, что революция не ограничится Россией.

Немецкий пролетариат — вернейший, надежнейший союзник русской и всемирной пролетарской революции.

Когда наша партия выставила в ноябре 1914 г. лозунг „превращения империалистской войны в гражданскую войну“ угнетенных против угнетателей за социализм, — этот лозунг был встречен враждой и злобными насмешками социал-патриота, недоверчиво-скептическим, бесхарактерно-выжидательным молчанием с.-д. „центра“. Немецкий социал-шовинист, со-

циал-империалист Давид назвал его „сумасшедшим“, а представитель русского и англо-французского социал-шовинизма, социализма на словах, империализма на деле, г. Плеханов назвал его „грезофарсом“. (Mitteldinge zwischen Traum und Komedie). А представители „центра“ отделывались молчанием или пошлыми шуточками по поводу этой „прямой линии, проведенной в безвоздушном пространстве“.

Теперь, после марта 1917 года, только слепой может не видеть, что этот лозунг верен. Превращение империалистской войны в гражданскую **становится** фактом.

Да здравствует **начинающаяся** пролетарская революция в Европе!

По поручению отъезжающих товарищей членов РС-ДРП (объединенной Центральным Комитетом), принявших это письмо на собрании 8 апреля н. ст. 1917 г.

Н. Ленин.

(Из архива ЦК РКП „Прощальное письмо к швейцарским рабочим“. Собр. соч. В. Ленина, т. XIV, ч. II, с. р. 403—409).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Введение 3
Буржуазия и война 11
Россия и „союзники" в мировой войне 15
Буржуазия и самодержавие 22
Пролетариат и война 31
Крестьянство и война 45
Армия и война 46
На подступах к февралю 53
Самодержавие и союзники в дни февральской революции . . . 54
Буржуазия в февральские дни 67
Пролетариат в февральские дни 89
С.-д. в февральские дни 92
Организация Совета Рабочих Депутатов 95
Февральские дни в провинции и на фронте 102
Переговоры об организации власти 110
Тов. Ленин о сущности февральской революции 114

Приложения:

Тезисы т. Ленина о задачах РС-ДРП во время войны . 123
Воззвание Петр. Комитета РС-ДРП (больш.) в начале событий 126
Воззвание Бюро ЦК РС-ДРП (больш.) 128
Манифест Российской Социал-Демократической Рабочей Партии 129
Первое заседание Совета Рабочих Депутатов 131
Первое заседание Исполнительного Комитета 136
Приказ № 1, 1 марта 1917 года 139
Среди вождей буржуазии 141
Буржуазия начинает овладевать властью 142
Воззвание Временного Комитета Государственной думы . 144
Переговоры об организации власти между представителями Сов. Раб. Деп. и Врем. Комит. Госуд. думы . 145
Воззвание Временного Комитета Государственной думы 2 марта 1917 года 151
Воззвание Совета Рабочих Депутатов об организации власти 152
Декларация Временного Правительства 153
От Временного Правительства 154
Телеграмма Совета съездов представителей промышленности и торговли Комитету Государственной думы . 157
Протоколы Исп. Ком. Петроградского Сов. Раб. и Солд. Деп. за 3—11 марта 1917 года 158
Протокол заседания Исполн. Комитета Сов. Солд. и Раб. Депутатов 4 марта 1917 года 161
Ликвидация попытки Временного Правительства „эвакуировать" Николая II в Англию 164
Воззвание партии Народной свободы (К.-Д.) 167
Отношение социалистов-революционеров к Временному Правительству 168
В. И. Ленин о февральской революции 169

КАБИНЕТ ИСТОРИИ К. А. ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

BIBLIOTECA CENTRAL
LIBROS UNIVERSITARIOS